

БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ

ДОСТОИНСТВО

1-624345

БАХТИЯР
ВАГАБЗАДЕ

ДОСТОИНСТВО

Стихи, проза и поэмы

M.F.Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

ЯЗЫЧЫ
1988

Редактор
ЭЛЬДАР ШАРИФОВ

Вагабзаде Б.
В 13 Достоянство: Стихи, пьеса и поэмы.—
Б.: Язычы, 1988. — 248 с.
ISBN 5—560—00146—5

В новую книгу на русском языке народного поэта Азербайджана, лауреата Государственной премии СССР и Государственной премии Азербайджанской ССР Бахтияра Вагабзаде вошли стихотворения, пьеса «Стенание» и поэмы: «Достоянство», «Извините, ошибка!» и «Марзия».

В 4702060200—165
М—656—88 164—88

С(Аз)2

© Язычы, 1988

«...ЦЕЛЬ МОЯ, МОЯ ДОРОГА,
МОЯ ЕЩЕ НЕ ВЫСТРОЕННЫЙ ДОМ...»

Строки эти из Вагабзаде...

Судить о своем современнике, пишущем стихи, всегда сложно, даже если он давно признанный поэт.

Легко представить себе, как многие будут пожимать плечами, для которых классики живут только в прошлом... Потому вольно и невольно считаешь благом проявить больше осторожности...

Но бывают, к счастью, случаи, когда можно сказать о своем современнике по полному счету, что называется по гамбургскому...

Недавно я читал новую книгу стихов Бахтияра Вагабзаде... Стихи в переводе на русский язык читаются с истинным удовольствием, время живет в них, как ты сам живешь во времени с «перегрузкой», в том их сила, но азербайджанцы к тому же легко убеждают меня, поскольку тюркские языки отличаются особой близостью единой лингвосистемы, в том, что творчество Бахтияра Вагабзаде в оригинале представляет из себя ныне одно из самых лучших достижений национальной поэтической мысли. Завоевать такое признание, могу представить себе, при азербайджанских литературных традициях дело очень и очень не легкое... Однако, не следует забывать, традиции живут лишь в движении современности, лишь в новом слове новых творцов...

Способность пламенеть — в ней наша сила,
Свети другим — хоть день, хоть час один!
Свеча — и та, когда горит — светило.
Когда погашена — лишь воск и стеарин.

(«Жизнь — горенье»)

Рассуждая об искусстве стихосложения, мы зачастую говорим — чары поэзии, музыка поэзии, подразумевая под этим нечто трудно обозначаемое, то, что не всегда

поддается точному предметному определению. Неуловимая стихия стихов — привилегия Музы, и это прекрасно, и каждый читающий и испытывающий трепет — сам по себе поэт в такие часы... И однако эти «магические» атрибуты поэзии достаточно действительны, достаточно полновесны и, говоря трезвым языком, достаточно основательны лишь в том случае, если в наличии главное — незаурядный духовный опыт слагающего стихи, в том-то отличие поэтического восторга семнадцатилетнего от мыслей и чувств зрелого мужа, ибо далеко не вундеркинды, при всей их гениальности, создали антологию мирового поэтического слова — то, что осталось на дне сита истории. Культура употребила на это дело многие силы многих поколений — от Гомера до Пушкина на Западе, от Физули до Самеда Вургунга на Востоке...

Светить
Чужим стараемся мы светом,
Хоть и считаем
Мы его своим!
Да, Физули —
Кто с этим спорит? —
Гений,
Но в пафосе хвастливой болтовни
Забыли мы, что не имеет тени
Тот, кто заснул
У прошлого в тени...
Пора подумать,
Что мы значим сами...

(«Довольно!»)

Мерой поэзии является прежде всего мера зрелости художника, его философской, нравственной мудрости, созвучной, соизмеримой нашему коллективному опыту, отсюда гармония личности, а уж затем краснота эпигамы, умение уловить в паруса ветры эпохи... Эпохи меняются, жизнь течет, а настоящее искусство делает для нас мир вечно настоящим, ибо речь идет о человеке, жаждущем во все века быть человеком...

Почти во всем, что написано Бахтияром Вагабаде в его новой книге, я нахожу силу, ясность, зрелость ума — его метания и утверждения, возникающие не от игры а от высокочувствительности, «экологичности», убежденности души. Ко всему, что окружает нас в жизни, он

имеет свое отношение, ко всему есть у него свое дело — страстное видеть добро и зло, красоту и безобразие, высоту и низость в великих и малых проявлениях человеческого духа. Это и есть главное дело художника-мыслителя, художника-поэта. От размолвки с любимой, вечной темы отношений мужчины и женщины, в которой ранимость, причудливость, противоречивая приверженность и доподлинная верность любящих существ трогают до слез, ибо это все узнаваемо, и только поэт мог уловить неуловимое в этих мучительно-светлых отношениях, от этих всем присущих страстей Бахтияр перебрасывает мосты-мысли, мосты-образы к абстракциям времени и пространства, к тревоге дней наших — к ядерной угрозе миру, каждому из нас и нашим потомкам, снова обращается к человеку, соседу, к его очагу, и от очага — к Вселенной — так развивается, так плодотворит неумное дарование большого поэта, достигшего размаха и расцвета.

Думается мне, многие читатели смогут найти сегодня себя, свой мир, свои переживания и чувства в поэзии Бахтияра Вагабаде.

Культура поэтического мышления Вагабаде, будучи национальной по природе, и это исключительно важно — быть, уметь оставаться глаголом породившего тебя народа, вносить свою лепту в живую архитектуру языка своего народа, культура поэтического мышления Вагабаде в то же время обладает свойством наднационального порядка, обретая тем самым масштаб общечеловечности. Проблема соотношения национального и интернационального — одна из самых животрепещущих и дискуссионных в наши дни — находит в творчестве Вагабаде редкое по своей полноте, образности и убедительности подтверждение плодотворности, прогрессивного развития многонациональной советской литературы. Читая в данном случае азербайджанца, читаешь мир.

И еще хотелось бы отметить очевидные достоинства Вагабаде, как художника-поэта, — неразрывные двудельные узы лиризма и гражданственности в творчестве, это очень сильная сторона поэта, свидетельствующая о цельности личностного и общественного начал в его мировосприятии. Он патриот, он наставник, он нравоучитель в хорошем смысле этого слова. Другое цельное качество Вагабаде заключается еще в том, что он умеет жить историей как современностью. Страдает за историю, как

за день сегодняшний — опять же это говорит о масштабности и сложности его тематики.

Султаны казнили налево, направо,
Жестокость владык в поговорку вошла.
Дворцам доставалась минутная слава,
История — вечно в лачугах жила.

(«Дворец Топкапы»).

История давно уже миновала, нет уже ни правых, ни неправых, казалось бы, зачем терзаться, когда бывшее стало прахом, но поэт судит историю, как день сегодняшний, как будто это непосредственно касается его и его современников, как будто бы от этого зависит судьба нынешних людей, и будь то во власти времени, если бы оно обернулось вспять, владыки прошлого, те, что «в роскошных коронах к чужим языкам привыкали», непременно казнили бы такого поэта за его сарказм, гнев, ненависть к ним, за его неизбывные сострадание, понимание, любовь к тем, которые прожили в лачугах, сохранив историю нации навечно, ибо они — народ.

Поэтов много на горизонте, когда перелистываешь газеты и журналы, поэтов мало рядом, когда остаешься наедине и пытаешься в двух-трех словах сформулировать, что такое жизнь, — в таких случаях помогают жить и думать истинные поэты, слово которых есть концентрация мысли, образа, духовности. К ним принадлежит наш современник — Бахтияр Вагабзаде.

А теперь по поводу вынесенных в заголовок строк из Вагабзаде — мне они показались очень символическими и личностными, — Бахтияр Вагабзаде все еще строит свой дом поэзии, он еще силен, руки мастеровиты, кладка прочна и красива...

В этот дом надо почаще захаживать читателю...

Чингиз Айтматов

«Литературная газета»,
19 октября, 1983 г.

Ужас небытия нестерпим для души.
— До рожденья ты знала о чем-нибудь? Нет.
Что же знать после смерти ты хочешь, скажи?

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СМЕРТИ

1

Тот, кто умер, не может родиться опять,
Не кончайся, — мы к жизни взываем, — продлись!
Жизнь не вечна, — лишь смерть может вечностью стать.
Вечность небытия — это смерть, согласись.

— Ты боишься?
Не думай о смерти, мой друг.
Не страшна, если вовсе не думать о ней.
Мысль о смерти рождает смертельный испуг,
Снизу вверх не смотри на нее, не мрачней.

— Как же можно не думать о ней? Не пойму.
Каждый день подхожу я к незримой черте.
Я завидую силе твоей и уму,
Пребывающему на такой высоте.

2

— Смерть страшит меня.
— Смерть — это небытие.
Разве можно бояться того, чего нет?
— Но пронзить она сердце готова мое
И отнять у меня эту жизнь, этот свет.
Трудно жить, если знаешь последний ответ.

ЗАДАВАЙТЕ ВОПРОСЫ

Вопросу истина обязана рождением.
Он проникает в суть, начав издалека.
О, время странное...

Изъят из обращения
Вопрос, как будто изгнан он из языка.

Сплошь многоточия, всё точки, запятые,
Всё восклицательный по книгам бродит знак.
Где ж вопросительный? Как будто в неживые
Края ушел от нас, мол, знаем всё и так.

Но плохо видят без него и смотрят косо.
И замедляет жизнь

тысячелетний ход.
Вопрос задайте мне,
и пусть скорей без спроса
Он в двери истины гранитные войдет.

ПРИЧИНА МОЕЙ РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

Ты восходишь и заходишь для меня,
Мою радость и печаль мою храня.
Ты восходишь — превращаюсь в свет дневной,
Ты заходишь — превращаюсь в мрак ночной.
Ты со мной — и этот дивный мир со мной,

Нет тебя — и мир не нужен остальной.
Ты со мной — и мне иных не надо благ,
Даже враг твой дорог мне, ведь твой он враг.
Ты со мной —

и мир со мной,
и я в нем есть.

Нет тебя — и бремя жизни мне не снести.
Ты со мной — и камень свеж, как лепесток.
Нет тебя —

и камнем кажется цветок.
Ты со мной — и я понятен сам себе,
Нет тебя — и чужд я собственной судьбе.
Всей душой к тебе я пригнан и прижат.
Как невидимый цветочный аромат,
Проникаешь ты таинственно в меня,
Мою радость и печаль мою храня.

ОСУЖДЕНИЕ

Ты, что губы скривил, осуждая любовь,
Ты не знаешь, что жизни мне нет без нее.
Ты стремишься от радости к радости вновь,
И мое тебе кажется горьким житье.

Песню
В жертву тебе не хочу принести.
Осуждаешь меня, удовольствия раб,
Но ни разу любовь у тебя из груди
Яркой песней не вырвалась, рифмой хотя б.

Осужденья в словах моих нет, бог с тобой,
Если ты осуждаешь меня, не беда:

Ты не знаешь,
Что песня мне стала судьбой.
Что не стал бы собой без любви никогда.

ОДИН ДЕНЬ

Считая минуты до встречи с тобою
Опять опоздал я, на день опоздал.
Он годом мне кажется, полон тоской.
О, замок тоски, одиночества зал.

Мне слез моих стыдно, — скорей бы уснуть.
Прилег я, чтоб вечер скорей наступил.
Печаль — мой товарищ, мы выбрали путь
Нелегкий, бредом, выбиваясь из сил.

Четыре мне времени года дано
Прожить, целый год — в этом дне без тебя.
Мне кажется, пламенем обожжено,
Стучит мое сердце, часы торопя.

Скорей бы стемнело, скорей бы окно
Я шторкой задернуть вечернее мог.
Напрасно больной так спешит, все равно
Та груша созреет в положенный срок¹.

Я понял бы, если б я был поумней,
Что время не жалуется жалобных фраз.
То медленней время течет, то быстрее,
От рока зависит оно, не от нас.

¹ Больной спешит, а груша поспевает в свое время (пословица).

СЕМНАДЦАТОЕ ДЕКАБРЯ

Моему другу Ш. Гусейнову
посвящается

В декабре ты родился под чистой звездой,
Под прозрачной звездой, озаряющей мрак.
Жизнь загадочна и затмевается тьмой,
Но потухший порой оживает очаг.

Ничего, что зола так похожа на тень,
Спит под пеплом невидимый сгусток огня.
Тем упорней рассматривать завтрашний день
Из сегодняшнего мы пытаемся дня.

Разве видел в начале большого пути
Ты свои достижения и горести, брат?
Будем славить года, что нас ждут впереди,
И дружить, и служить им по совести, брат.
Год за годом грядут, бьется сердце в груди,
Я под пеплом огню затаенному рад.

Разве двадцатилетние думали мы,
Что когда-нибудь будет и нам шестьдесят?
Так и нынче не знаем, какие из тьмы
К нам прекрасные новости стаей летят?

Иногда, выше вымысла вымахав, быть
Превосходит все, все ожидания, брат;
И сама исчезает, рассеявшись, пыль,
И светлеет промытый страданием взгляд.

То, чего мы так ждем, застревает в пути,
А чего мы не ждем, то приходит как раз.
Иногда, получив, мы теряем, учти,
Зло добром иногда обернется для нас.

И в реке под безмолвно текущей водой
Нам не видно кипенье студеных ключей;
И народ поднимается гневной волной,
А казалось, он спит и не сбросит цепей.

И светлеет теченье истории вдруг,
Честь и правда цветут, увядает обман,
И проходит, как тысячелетний недуг,
Власть огромных империй, редет туман.

Он вчера еще плотной висел пеленой,
А сегодня его обтрепались края.
Жалок тот, кто сегодня доволен собой
И, кичась, говорит о себе: я, я, я.

Собираясь в дорогу, всю радость, всю боль
Разве мог различить твой внимательный взгляд?
Но сегодня поздравить тебя мне позволю:
С наступающим завтрашним днем тебя, брат!

* * *

Как часто были для меня
Желанней всех явлений дня
Виденья снов, хотя рукой
Их не достать.
Припав щекой
К подушке, в снах своих не раз
Я жил, — и образы у глаз
Теснились; как бывал я рад,
Что множество моих утрат
Мне возмещали эти сны!
Что пользы в бурях?
Тишины

Просил — и бед водоворот
Стихал.
Взамен дневных забот
Виденья призрачные мне
Являлись, счастлив был во сне.

* * *

Узором из пустых словес твой день расшит.
Столикое твоё лицо меня страшит.
Где правда, не пойму, в речах твоих, где ложь?
То белым молоко, то черным ты зовёшь.

Загадка для меня — твой нрав, твой лживый взгляд.
Иль ты рожден таким, а сам — не виноват?
Понять не в силах я, стремясь тебя простить,
Как можно на лице сто ликов разместить?

ДОЧЕРИ

Приходишь, уходишь.
Я глаз не свожу.
Ты знаешь, чего я хочу, твой отец?
Прочешь по лицу, —
потому и гляжу
Так жадно, — довольна ли ты, наконец?

Приходишь, уходишь...
Тревогу тая,
Начать не решусь разговора с тобой,
Понять я хотел бы, дочурка моя,
Довольна ли ты обновленной судьбой?

Мне трудно, ты видишь, печаль превозмочь,
Но жизнь повернуть не хотел бы я вспять.
Отец может, балуя, радовать дочь,
Но счастье не может он дочери дать.

Приходишь, уходишь.
И чувствую я
С тревогой, что нет переменам числа.
Домой ты приходишь, дочурка моя,
Так, будто не здесь родилась и росла.

Застенчивой стала чуть-чуть и как бы чужой,
Пора бы да я не привыкну никак,
Что гостьей приходишь к себе же домой
И смотришь иначе на отчий очаг.

Все переменялось в дочерней судьбе.
Как ты изменилась, я вижу, люблю.
Люби и любимую будь...
О тебе
Я все же тревожусь и рад за тебя.

Мне грустно, но я не о том, моя дочь.
Любви не стесняйся, ей жизнь посвяти.
Да, есть у тебя отчий дом, моя дочь,
Но счастье свое в доме мужа найди.

МОЯ ТЕТУШКА

Когда скончалась мать, мне тетушка была
Опорой, без нее мне было б одиноко.
Я в мире не один, о, сколько в ней тепла!
Все крепостью она мне чудится далекой.

Когда прихлынет грусть, я к ней уехать рад,
В Агдаш меня везет стремительно машина.
Ах, тетушка и мать похожи: аромат
Живит меня — племянника и сына.

Не так ли на цветок торопится пчела?
Знакомый аромат мою пленяет душу.
Как тетушка моя бывшее берегла?
Вновь детство я найду и юность обнаружу.

Волшебный аромат, он радостные сны
Забывшейся душе нечаянно навевает;
Взглянуть на дом родной смогу со стороны,
Как будто вновь очаг потухший пламенеет.

Что запаха милей знакомого? Я рад
Нахлынувшим мечтам, опять душа крылата.
Таинствен и глубок волшебный аромат,
Я чувствую себя, каким я был когда-то.

А тетушка моя зовет меня: сынок.
Негромкие слова, заботливые взоры.
И глядя на ее узорчатый платок,
Я вижу прежних дней ожившие узоры.

— Дитя мое, ты сед? — Ее печален взгляд.
Касается волос так ласково и чудно.
— Ах, тетушка, ведь мне давно за пятьдесят! —
Но тетушке в мои года поверить трудно.

Советы мне дает, — кто тетушки добрей?
И слушает меня, и головой кивает.
Я про детей своих рассказываю ей,
А тетушка меня ребенком называет.

Все горести мои читает на лице,
Не скроется от глаз ни глупость, ни нелепость.
Забывается, как мать, как птица о птенце.
Ах, тетушка — моя опора в мире, крепость.

Нет крепости прочней, надежней на земле,
Какая сила в ней подспудная таится!
Вся мощь ее в любви сердечной и тепле,
Готова за меня со злом земным сразиться.

Нет крепости прочней... В чем держится душа?
Ведь дунешь — упадет... Печали и недуги...
Но распрямляюсь я, надеждою дыша,
Когда на плечи мне свои положит руки.

Нет крепости прочней... не склонит головы,
Вступить за меня и защитить готова.
Пусть много в жизни зла и подлости, увя, —
В глаза ее смотрю, в добро поверив снова.

Я голову на грудь тихонько к ней кладу —
И вот моя беда, печаль моя забыта.
Я крепости прочней на свете не найду,
Чем тетушка моя, поддержка и защита.

Двоюродной сестре и брату говорю:
Когда бы знали вы, как совесть виновата.
Бывает в нас, как я за то себя корю,
Что мать свою ценить я не умел когда-то.

Когда бы знали вы, как больно мне порой,
Как тетушку мне жаль, как время смотрит грозно...
Сейчас скажите ей, пока еще живой,
Слова любви, потом очнетесь — будет поздно!

Нет матери моей — нет тетушки у вас.
Однажды я и вы вдвойне осиротеем.
На тетушку смотрю, не отвести мне глаз:
Зачем мы матерей при жизни не жалеем?

ЧАСЫ НА НАДГРОБНОМ КАМНЕ

Часы на могиле, признаюсь, меня напугали.
Родился в таком-то и умер в таком-то году.
Чтоб поняли мы, кто лежит здесь, часы вмуровали
В надгробие: спи, часовщик! Помрачнев, отойду.

Покуда он жил, пребывало рождение в прошлом,
А в будущем времени пряталась смерть, как мечта.
Туманная, чем-то сомнительным и невозможным
Казалась, но вот их связала на камне черта.
Часы чем-то странным, не правда ли, кажутся, пошлым?
Кто умер, тот в прошлом укрыт, как в земле, навсегда.

Мне кажется, что над часами смеется могила.
Недаром же стрелки не движутся, время стоит:
Еще бы оно продолжало идти, не застыло!
На камне могильном часов оскорбителен вид.

Смерть встретилась с жизнью, их спор безнадежен
и страшен.

Царит на поверхности время, а там, под землей,
Оно недействительно. Смерть не вмещается в наши
Часы, циферблат затуманен нездешнею мглой.

Истаяло время, прошедшее время в могиле
Спит с мертвыми вместе; не трогай его, не буди,
Не смей заводить: кто лежит здесь, и думать забыли
О будущем; лишь для неживших оно — впереди.

Зато на поверхности время и впрямь скоротечно,
Зато под землей оно вечности грозной равно.
Течет на поверхности время, но время не вечно,
Зато под землей неделимо и прочно оно.

ХОРОШО, ЧТО НЕ ЗНАЕМ

Четверостишия

Хотя известен нам возможностей предел,
А все равно желаньям нет предела.
И снятся сны — и как бы ни робел
Ты наяву — во сне рискуешь смело.

Когда бы жизнь мечте была равна,
Нам ни к чему бы сны, пожалуй, были.
А если б сны свершались — не нужна
Была бы жизнь — и к ней бы мы остыли.

В любви и счастье, в горе и беде
Душа живет надеждою на чудо.
И жизнь всю жизнь нуждается в мечте,
А без мечты — она лишь тьма и смута.

Мечта, как перн, по ее следам
Бежим... какая, в сущности, ошибка!
Отняв реальность, дымку дарит нам:
Ведь будущее призрачно и зыбко.

Как часто думы горечи полны.
Но жизнь, идя окольными путями,
Выводит к счастью. Сладостные сны
Нередко дружат с горестными днями.

В объятьях сна раскрыл объятья ты
Цветам навстречу... Как цветник желаний
Хорош! Хотя реальные цветы,
Конечно, краше призрачных созданий.

Откуда этот голос в тишине,
Со стороны раздался он, во мне ли?
И если это я лечу во сне,
То кто сейчас лежит в моей постели?

Откуда он, поток, бурлящий здесь?
Скажи, куда он падает отвесно?
И этот берег виден нам не весь,
А кто на том — и вовсе неизвестно.

Что знаю я? Что мало знаю я.
Все знания так обрывочны, случайны...
А знал бы все — и сразу жизнь моя
Скучна бы стала, — что она без тайны?

ЛИЦО — ИЗНАНКА

Листва со стихов опадет, если нет
Корней у них в почве родной и народе.
И сладость и соль их, и темень и свет —
Из речи, в основе ее и природе.

Как сердце, ее бы нам надо беречь,
Кусты речевые, словарные гнезда.
И стих лишь влияет на устную речь,
Но всем ей обязан: он сам ею создан.

Ты, стих мой, в долгу перед речью родной,
В извечном долгу перед родиной милой.

Мы неблагодарны, мы грезим двойной,
Тройной популярностью грезим постылой.
Быть переведенными жаждем, в иной
Язык перетечь с той же болью и силой.

Но переведенная вянет строка
И кажется вывернутой наизнанку.
Свой дождик у каждого места, река,
Свой голос у птиц, что поют спозаранку,
И песнь стиховая глядит свысока
На жалкую тень свою, на самозванку.

От пламени свет отделить не дано,
О, не обожгись, не спеши! Осторожно!
Звучание слова и смысл — заодно,
Так слиты, что их разлучить невозможно!

ЗЕМЛЯ, ТЫ КРУЖИШЬСЯ...

Земля, ты кружишься, чтоб встречи и разлуки
Могли явиться к нам в положенный им срок.
Земля, ты кружишься, чтоб не даваться в руки,
Чтоб за подол тебя никто схватить не мог.

Земля, ты кружишься, чтоб не стояло время
На месте, чтобы миг на миг не походил,
Чтобы, пока он жив, был человек со всеми,
При жизни этот мир на худший не сменил.

Земля, ты кружишься, а если б не кружилась, —
Не повернулась бы к нам никогда лицом
Жизнь, не понравилась бы нам, не обновилась,
Конец началом стать не мог бы, — лишь концом.

Земля, ты кружишься, чтоб мы не разгадали,
Кружась, всех хитростей твоих, и, как ни мал
Наш мир, нам радости милы его, печали,
Не отыскать концов и не найти начал.

КРИК — ШЕПОТ

Кричит — не говорит, вся скроена из крика
Его пустая речь, устроенная дико.

Не метит слово в цель, как выстрел холостой.
Не задевая слух, грохочет бестолково.
Что слово крикуна? — порожний звук, пустой.
Кто тихо говорит, того нам слышно слово.

УСНУТЬ МНЕ ПОЗВОЛЬ

Очень устал я, как будто подвешен
На своих мыслях бессонных всю ночь.
Кто-то счастливыми снами утешен,
Мне же и сон не способен помочь.

Очень устал я; откуда, не знаешь,
Эта печаль и услада во мне?
Бодрствую — ты в моих мыслях мелькаешь,
Сплю — ты в моем пробуждаешься сне.

Очень устал я,
Не будет поблажки!
Кто облегчит этот груз, этот пресс?
Уравновешены, кажется, тяжкий
Вес моей муки и собственный вес.

Что подозрений грубей и телесней?
Дух мой — унылая, черная мгла.
Если б ты стала старинною песней,
Если б мелодией тяжесть сняла!

Очень устал я;
От мглы подозрений
Едкая тьма на душе у меня.
Чем-нибудь вроде весенних растений
Стань, провозвестницей светлого дня.

Сколько терзаний и предположений!
В облаке пыльном сквозь ночи и дни
Мчится по свету табун подозрений,
К вере арканом любовным верни.

Очень устал я.
Но в муке смертельной
Знаю, чем снять ты могла б эту боль:
Спой колыбельную, чтоб в колыбельной
Я растворился, уснуть мне позволь...

МЕСТЬ

Я верую в одно, а движет чувствами другое.
Мой разум замкнут на тебе, и спрашиваю вновь:
Где ключ найти от этого замка? — мне нет покоя,
О, боль моя, тоска моя, блаженство и любовь!

Не кажется ли странною судьба моя слепая?
Все в море превращают каплю радости своей,
А ты, ты море радости моей, как бы играя,
Вдруг превращаешь в каплю —
Всех греховней ты, страшней.

Не помню, что такое радость, взор ее погашен
Душевной болью.
О, кому незрячая нужна?
Мне не нужна такая радость, вид ее мне страшен,
Мне больно, что с тобой никак не связана она.

Печатью на дела мои твоя ложится воля,
И нету в мире запертых передо мной дверей.
Смушают мое сердце этот жребий, эта доля,
Хоть разум не пасует перед волею твоей.

Что делать?
Мне не вырваться из тесного аркана.
На перепутье я, хотя душа в твоём плену.
Сгораю на огне твоём, дымится в сердце рана.
Доверился тебе, из всех избрал тебя одну.

Ты жизни моей стрелкой часовой была, как часто
Я ставил по тебе свои часы...
А ты, увя,
Всем верила, к моим словам была лишь безучастна,
Чужих советов слушалась и шепота молвы.

Тебя же и замучили, в твою вломились душу,
Но боль свою почувствовать ещё не можешь ты,
И пламя, хоть и вырвалось оно уже наружу,
Пока ещё не выдало размеров всей беды.

Огонь, меня сжигающий, с твоим соединится
Когда-нибудь; в раскаянье очнешься, как в дыму.
Прошу, не приходи, когда об стенку будешь биться
Лбом: умершему жалобы и стоны ни к чему.

Вот месть моя тебе!
Я верю, ты не веришь.
Мести
Другой и нет, быть может, на моём печальном месте.

Для любящего сердца нет суровой казни.
Случайность не заслуживает нашего внимания,
А только рок. Когда б в твою любовь я мог поверить,
Клянусь, и эту месть не смог бы я к тебе примерить.

* * *

Как тень, за тобой мои мысли по следу бегут
Ты тенью метнешься — и вновь моя тень тут как тут.
Как жить тебе, бедной? — Куда бы ни бросилась ты, —
Как стража, бегут за тобой мои мысли, мечты.

* * *

Коль не было б лжи, то и правде цены
Не знали бы мы.

Среди нежной весны
Деревья похожи на нас.
От стрижки они лишь пышней, зеленей.
Нас делает горе мудрей и добрей,
В чём я убеждался не раз.

НАДЕЖДА

Надежда, как стяг над моей головой.
На куст,
зацветающий зимней порой,
Похоже «быть может» живое мое.
Оно, как листва, осеняет житье.

Оно, как очки у меня на глазах.
Смотри сквозь «быть может».

С одной стороны
«Быть может» — обрыв, вызывающий страх,
С другой — это в явь воплощенные сны.

ОПАСНЫЙ СОН

Вновь новый титул к имени добавлен...
Он, может, что-то мне и говорит,
но в званиях почетных утопают,
и у меня в глазах уже рябит!

Под бременем похвал талант мой гнется,
сном славы сморен, одурманен он.
И я боюсь: заснет и — не проснётся,
питьем дурманным лести опоен!

И будет он лететь, как скорый поезд,
без остановки... Дым и стук колес.
Аман! — я об одном лишь беспокоюсь:
чтоб на вершину славы не занес.

Я не люблю вершин, там — помпа, пышность
хоть это по душе кому-нибудь...
Быть может, настоящая вершинность —
к вершине высшей следующий путь.

Замедли, поезд! Даже малой почкой
хочу полюбоваться от души!
Чтоб из-под ног не уходила почва,
у малых полустанков не спеши.

Вошла земля родная в сердце прочно,
былиночке ее не изменю!
Оплачены такую болью строчки,
что знаю: не загинут на корню!

Есть долг поэта, он — всех слав пресыще,
и ты себе до смерти не простишь,
коль станет то, что с упоением пишешь,
и ниже, и слабей, чем твой престиж!

Сто тысяч слав порою стих рождает,
но ей ни строчки не родить, — увы! —
Бегущие за славой, — жизнь растает,
и станет ясно, что бесплодны вы.

Холодным ветром скоро осень дунет
и на моей, летящей ввысь, тропе...
Приходят эти сложные раздумья —
предупреждением самому себе!

ДАЙ МНЕ СТРАДАНИЙ

Ты — мой компас на дороге дальней
и воплощение трепетной мечты.
За горою мук, тревог, страданий
моя радость, мое горе — ты!

Горе оселком могучим станет,
чтобы чувствам остроту вернуть.
Подари мне глубину страданий,
и яснее я увижу путь!

День твоих страданий году равен...
Разожжет огонь под пеплом боль!

Как страданье сердце мне ни ранит,
обновит оно мою любовь.

Не могу я больше жить спокойно.
Испытай предел любви и сил,
подари страданье, сделай больно,
чтоб всецело радости вкусил.

Жизни вкус познать желаю честно,
вникнуть в смысл ее и существо.
На земле следы мои исчезнут
без печати горя моего!

Быть хочу причастным к этой тайне,
испытай меня, мой дар и бич!
Подари мне глубину страданий,
чтоб непостижимое постичь.

Нежный мой наставник стародавний,
светлое начало всех начал,
подари мне глубину страданий,
чтобы ложь от правды отличал!

Не прошу тебя: покоя дай мне! —
хоть мечусь в потоке бурных дней.
Подари мне глубину страданий,
чтоб любить тебя еще сильнее!

СНАДОБЬЕ

Я болен, но само страданье — снадобье.
Я, как в темнице, — весь в своей судьбе.
От жизни брать мне всласть все блага надо бы,
но я все это запретил себе.

Винновна ты, что я — в темнице, милая,
в той, что могла бы стать дворцом двоим.
Ты в жизнь вошла стремительно силою,
твой мир непобедимо стал моим.

Я знаю, это — счастье, но не пестую
восторг высокий — быть с тобой всегда.
О, почему не радуюсь, а бедствую
с тобой, моя прекрасная беда!

На мне — то зло, что на тебя обрушивал, —
ведь я тобою стал... Грущу, молчу.
И стыдно ждать, желать чего-то лучшего
мне, собственного счастья палачу.

* * *

Стремясь к тебе, вознесся в небеса я,
а жизнь тянула вниз,
и, сам не рад,
я вдруг постиг, на землю взгляд бросая:
стал мельче я,
ты — больше во сто крат.

Мечтаю, чтобы рядом мы парили,
и вот тебя коснулся я почти,
тянусь к тебе,
а ты, расправив крылья,
летишь туда, куда мне нет пути.

Любовь моя,
как свято я завишу
навек от этой чистой высоты!
О, наш удел: взлетать все выше, выше —
и никогда не достигать мечты...

* * *

Эй, женщина! Откуда в тебе столько
всего, что — верность, вера, сила, стойкость?
Ты молодость хрустальную убила
на чувство, что одним — навеки — было!

Но есть и завтра, новая эпоха.
Мечтать о нем то хорошо, то плохо.
В сегодняшнем растит в душе утешно
твоя любовь терпенье и надежду.

Пока жива надежды беспричинность,
ты с юностью еще не разлучилась.
Тебя надежда в этом мире держит,
ты с ног до головы — сама надежда!

МЕТАМОРФОЗЫ

Меняет голос микрофон,
когда певец поет.
Иной регистр, и тембр иной,
и звуков нов полет.

Меняет грим глаза, лицо,
знакомые черты.
А можно изменить и суть
любви, надежд, мечты.

Иной меняет имя, род,
и свой родимый край,
и материнский свой язык
на чужеземный рай.

И так бывает: в тяжкий час,
когда все — трын-трава, —
меняет кое-кто из нас
и мысли, и слова.

Он думает: ну что ж, судьба...
Так покорись судьбе.
Он изменяет сам себя
изменою себе.

Адам когда-то рай сменил,
но помним с давних пор:
цвет красный яблока пленил
его невинный взор.

А мы на что себя в наш век
меняем в дебрях лет?
В итоге будет человек,
а человечность — нет!

* * *

Я — дерева близнец, мой ствол увенчан кроной.
Земля, где я весной пустил росток зеленый,
Придя на свет из тьмы небытия, —
Мое Отечество и Родина моя.

Грядущее — плоды моих трудов,
Сегодняшнее — ветви для плодов,
А прошлое — мои живые корни.
Мой ствол питался мудростью корней
И становился крепче и стройней,
А крона — зеленей, пышней, просторней.

Сегодня — этим именем зову
Все то, что ныне вижу наяву.
Окно в грядущий день — мое Вчера,
Оно распахнуто для света и добра.

Я — сын земли, я врос в нее корнями.
Я — сын Отчизны, ей воздам плодами.
Но знай, что крепостью, двужильностью ветвей,
Плодоносящих на земле и в звездной сфере,
Я — сын своей эпохи в большей мере,
Чем сын отца и матери своей.

* * *

В дрожь бросает суета,
деловая кутерьма,
в пору сдвинуться с ума
в этой скачке заводной!..
Я мечтаю, словно раб,
вынуть шею из ярма,
ох, забот неуправот,
тьма их, тьма передо мной!

Но при мысли о тебе
я свергаю этот гнет,
разрываю этот круг,
мчусь на волю поскорей, —
моя бедная душа расцветает и поет,
я в разлуке с нею был,
но теперь вернулся к ней.

Ох, при мысли о тебе...
закрываются глаза,
чтоб не видеть ничего,

кроме зарева любви.
Только слышу, как поют
листья, солнце, бирюза,
склоны гор, земной простор,
воздух, волны, корабли.

Ствол сухой цветет зимой,
и при мысли о тебе —
отменяется январь,
назначается апрель,
молодеет старый мир
от перемен в моей судьбе,
от любви моей к тебе
льется свет, поет свирель.

Если каждый окрылен
этим чувством неземным, —
не состарится никто
и вовеки не умрет,
потому что от любви
мир становится иным,
продлевая жизнь людей
на столетия вперед.

От любви, любви, любви
просыпается душа!
Остальное — тяжкий сон,
как его ни назови, —
сон бесчисленных забот,
что не стоят ни гроша
в свете мыслей о тебе,
о любви моей, любви!

Сегодня — этим именем зову
Все то, что ныне вижу наяву.
Окно в грядущий день — мое Вчера,
Оно распахнуто для света и добра.

Я — сын земли, я врос в нее корнями.
Я — сын Отчизны, ей воздам плодами.
Но знай, что крепостью, двужильностью ветвей,
Плодоносящих на земле и в звездной сфере,
Я — сын своей эпохи в большей мере,
Чем сын отца и матери своей.

* * *

В дрожь бросает суета,
деловая кутерьма,
в пору сдвинуться с ума
в этой скачке заводной!..
Я мечтаю, словно раб,
вынуть шею из ярма,
ох, забот невпроворот,
тьма их, тьма передо мной!

Но при мысли о тебе
я свергаю этот гнет,
разрываю этот круг,
мчусь на волю поскорей, —
моя бедная душа расцветает и поет,
я в разлуке с нею был,
но теперь вернулся к ней.

Ох, при мысли о тебе...
закрываются глаза,
чтоб не видеть ничего,

кроме зарева любви.
Только слышу, как поют
листья, солнце, бирюза,
склоны гор, земной простор,
воздух, волны, корабли.

Ствол сухой цветет зимой,
и при мысли о тебе —
отменяется январь,
назначается апрель,
молодеет старый мир
от перемен в моей судьбе,
от любви моей к тебе
льется свет, поет свирель.

Если каждый окрылен
этим чувством неземным, —
не состарится никто
и веки не умрет,
потому что от любви
мир становится иным,
продлевая жизнь людей
на столетия вперед.

От любви, любви, любви
просыпается душа!
Остальное — тяжкий сон,
как его ни назови, —
сон бесчисленных забот,
что не стоят ни гроша
в свете мыслей о тебе,
о любви моей, любви!

ГОВОРЯТ ПРЕДМЕТЫ

Памяти композитора *Узеира*
Гаджибекова

Концом пути зачеркнуто начало,
И начат север там, где кончен юг...
Иначе

 это имя
 заввучало,
Историей, преданьем стало вдруг.

Теперь они — музея экспонаты.
Перо и стол и нотная тетрадь.
Они переменились в миг утраты
И, новым смыслом с этих пор богаты,
Иную ценность стали обрeтать.

И, кажется, они заговорили
И вышли к свету, на простор Земли
Из тесноты обыденной и пыли,
И разом необычность обрели.

Начнут рассказ...
 И жемчуг лет нанизан
На нить воспоминаний в блеске дня.
Слегка подышат...

 И под леплом сизым
Мерцает сердце, полное огня.

Его любовь и радость и гордыня,
И обращенный в будущее труд,
Раздумья, страсти и мечты
Отныне
В его вещах безжизненных живут.

Красноречив
Минувшего осколок,
И век вещей, свой сохранивших строй,
Прикосновенье помнящих,
Так долог,
Что дольше жизни гения порой.

ВРЕМЯ

Детство,
 юность
 и зрелость — никак не сведу
три судьбы, совершенно различных, в одну.
Тот, кем стал я — неведомое существо,
народившись, отвергнул меня самого.
То, что было вверху — опускается вниз,
изменяется цель моей жизни и смысл.
Лампой время зажглось — вновь кружусь я, увы,
мотыльком вокруг горящей его головы.

Пусть наивный стучит кулаком себя в грудь,
что, мол, время его не меняет ничуть.
По течению судьбу мою время несет,
а не с этого берега жизни на тот.

Где волшебное зрение детства? — ему
солнце завтрашнее было видно сквозь тьму.
Но мечты, обгонявшие время тогда,
остаются мечтами, отстав навсегда.
И моя голова представляется мне
снежной, в складках, горой — и по ней на коне
скачет время — то крепко натянет узду,
то ослабит ее, направляя судьбу...

Я свободу божественным правом зову,
это право свое защищая, живу.
Но, свободный,

я не был свободным ни дня —
раб часов, что стучат на руке у меня...

РАЗУМЕТЬ — НЕ РАЗУМЕТЬ

Как пчелы пьют нектар — так я всю жизнь свою
из книжек и газет, которые читаю,
сок разума и сок познания пью.
Что я утрачиваю? Что приобретаю?
И лучше ль искушенность зрелых дней
былой неискренности моей?

В незнание — благо. Что за благодать —
не принимать, а выполнять решения
и своего невежества не знать,
и в правоте своей не знать сомнения,
и ни на миг не усомниться в том,
что истина всегда в тебе самом...

Но если разум, совестью томим,
тебя в водоворот познания втянет —
сомнение станет спутником твоим,
а истина — тревожной тайной станет.
Сомнение — груз, влекущий душу в глубь
познания, где новые сомнения
жмут изнутри и обжигают грудь,
утратившую рай неразумения...

Лицом к лицу с самим собой стою.

Кто прав из нас? —

брюзгливый враг сомнения

иль я, который пьет всю жизнь свою,
как пчелы — пьют нектар,
сок разума?..

УЗНАЕМ

Пусть мысль бессонно рвется в глубь, где скрыты
пределы тайн земных и неземных.
Пусть рвется ввысь, чтоб человек с орбиты
Увидел Землю — и себя постиг.

Кто знает, почему красна от веку
кровь? А ведь надо, чтобы каждый мог,
взяв семечко — назвать цветка расцветку,
воды глотнув — назвать ее исток.

Познав свой дух, познаем сущность нашу —
способность ненавидеть, дар любить,
и почему природа жизни чашу
неблагодарным нам дает испытать.

Узнаем, к поражениям иль к победам
придем путем, извилистым подчас.
Узнаем, кто мы с вами в мире этом:
случайность — или создан мир для нас?

Когда звучит пастушеская дудка,
не видя звука — мы согреты им.
И видим мы творения рассудка,
тогда как разум наш для нас незрим.

Тот — жил, как червь, тот — создал мир, считайте,
но почему для них — один порог?
И почему творец, столь близкий к тайне,
все самого себя понять не мог?

Почти любой глубин своих не знает.
Овцой считался — оказался львом.
Что за источник дух его питает
отвагою на поле боевом?

Давным-давно замечено в народе,
что от любви до ненависти — шаг.
И столько темных недр в людской природе,
что часто не поймешь, где друг, где враг.

Возьмите кошку — зверь своим умишком
легко распознает своих врагов.
Она собак боится, но не слишком.
А мышь — ее. Так испокон веков.
А человек? Кто друг, кто враг того,
кто и себя не знает самого?

По запаху цветка в потемках черных
способные создать вселенную — беспспорных
примет единоверца мы не знаем,
и собственного сердца мы не знаем.

Глазами, не способными друг друга
увидеть, видим звезды — что за выюга
вкруг них дымит, мы все равно узнаем
и заодно себя самих узнаем...

* * *

Азери Агаеву

Думал в юности, что задарма получу
все от жизни — собой очарован, не ею,
думал также о том, что и жить не хочу,
коль собою весь мир восхитить не сумею...

Обошел я с тех пор чуть не весь белый свет,
проходили года, пролетали мгновенья.
И глядел я мгновению каждому вслед,
очарованный жизнью до самозабвенья.

Жизнь! Оттенки цветов и созвучий ее
повторялись в оттенках душевных движений —
и меня очаровывало бытие,
повторенное тысячами поколений...

Спохватился — к закату склоняется жизнь,
жизнь, что мнилась юнцу нескончаемым пиром...
Но о том, что пустые мечты не сбылись,
я ничуть не грущу, очарованный миром...

Хочешь стать очарованным — не суестись
и на поле — с горы
или с поля — на гору
глянь с любовью, мой милый. Лишь только не тщишь
мир собой восхитить —
это юноше впору...

КАКИЕ МЕДАЛИ?

И на суше, и в море идут состязанья,
Люди ищут пути, люди ищут признанья,
И тому, кто тропу прорубает в скале,
И тому, кто тоннель прорывает в земле,
Кто выходит на лед,
Чтоб крутить виражи,
Кто всех глубже нырнет,
Всех быстрее пробежит,

Все смелей покоряет глубины и дали —
Беспристрастные судьи вручают медали.
Победитель медалью счастливо бряцает
И хвастливо соперника он отрицает.

Но победа его
Для другого преграда,
А награда его
Для другого утрата.
«Первый я» — мы дурными кричим голосами,
Нам неважно, что скажут другие о нас.
И поэтому перед своими страстями
Как рабы замираем, смиренно склоняясь.

Но к рекорду бегущий порой забывает,
Что тому, кто в себе чувство «я» убивает,
Кто умеет сказать — «Он не хуже меня»,
Кто живет справедливо, других не кляня,
Говорит от души «золотые» слова,
Уважает чужие дела и права —
Тот мудрец наивысшей достоин медали.
(О когда бы медали за это давали!)

В ТЕНИ ГОРЫ

Мое и деда рядом имена
Стоят с тех пор, как я на свет рожден.
Вагаба внуком — так зовут меня.
Он умер...

но опять родился он
Сегодня, именем своим храним,
И стало имя адресом моим.

Дед, внук и правнук — так заведено,
Друг друга воскрешают в именах.
Любой из нас одной цепи звено.
И протянулась эта цепь в веках.
Что стоит глупых возражений пыл,
Когда ты имя деда уронил!

Стоит твое и деда имя в ряд...
Тем больше в перстне древнем красоты,
Чем драгоценней вделанный брильянт —
Об этом, юноша, подумай ты.
Ведь ты в цепи последнее звено,
Тебе ее продолжить суждено.

Познать свой корень должен человек...
О юноша, правдивый дай ответ —
Узнал иль нет о том, как прожил век
Тебе свое вручивший имя дед?
Задумался ли ты хотя б на миг,
О чем мечтал он и чего достиг?

Взяв имена без спроса, мы вершим
Свой путь по жизни.
Но, быть может, мы
Живем всю жизнь, не покорив верш
В тени горы могучей, среди тьмы?

ОТВЕТ

*В Иране появились «ученые»,
которые отрицают националь-
ную самобытность азербай-
джанского народа. Один из них
Яхья Зека, азербайджанец по
национальности.*

Бесчестные кидают
 в чужие двери камни.
В себя швырнул ты камень,
 и погрузился в тьму.
Мы слышали, как люди
 становятся врагами.
Ты стал врагом не людям,
 себе же самому.

Твой саз всю игру играет,
 интриге чьей-то внемя,
И все же понапрасну
 ты домыслы плетешь.
Хотя под посвист плетки
 порой танцует время:
История рассудит,
 где правда, а где ложь.

История сквозь сотни
 тончайших фильтров Леты
Слова людей пропустит,
 и разрешится спор.
История оставит
 тебе твои клеветы —
Хоть раз ты видел, чтобы
 прошел сквозь сито сор?

Давно уже я понял,
 о человек двуликий,
Все эти измышленья
 зачем тебе нужны.
И Насими, выходит,
 и Физули великий,
И Хатаи с Сабиром —
 Фирдоуси сыны?

Куда же дел ты гордость
 и честь, на самом деле?
Перед чужими в доме
 своем склонился ты,
Неужто по-персидски
 тебе когда-то пели
И бабушка, и мама
 лайла и баяты?

Когда твой дед бесстрашно
 прошел хребты Алтая,
Его отвагу честно
 признал твой господин.
Когда Коркуд пел песни,
 язык наш прославляя,
Еще не появились
 газели Саади.

Историю народа
 веками создавали
Народа щит и сабля,
 народа саз и стих.
А как же это вышло,
 что мы сегодня стали
Последышами персов,
 отбросами чужих?

Наверно, слышал в детстве
ты сказку про Джыртдана,
Ее простую мудрость
поймет и млад и стар.
Не струсил перед дивом
Джыртдан, но как ни странно,
Вороны испугавшись,
воробышком ты стал.

О ты, самодовольный,
скажи, по чьей указке
Не разбираясь в средствах,
клеветешь ты на нас?
Забыл уж больно быстро
ты бабушкины сказки,
Очаг, что сложен дедом,
отцом хранимый саз.

Просила мать аллаха,
чтоб он приветил сына:
«Ему побольше счастья,
а беды я возьму.
Пускай опорой сыну
народа будет сила,
Пускай опорой будет
народу своему».

Ты кулаком ударил
по своему народу!
Из-под крыла хозяев,
из теплых, сытых дней
На мельницу чужую
ты лил с усердьем воду,
И сам уже, наверно,
поверил лжи своей?

Твои поблекли краски,
и сплыло все, что было,
Под ливнями эпохи —
такие вот дела.
Тебе удар наотмашь
история влепила
Той похвалой, что раньше
была тебе мила.

Ты молоко свое, как трус юля,
Назвать прокисшим не спеши, Яхья.
В свою тарелку с руганью плюя,
Чужую миску не лижи, Яхья.

Ты научился этим играм где?
Кто ездит на тебе, держа в узде?
К меже своей путь преградив воде,
Не орошай чужой межи, Яхья!

Служить им не устал ты? Пробудись,
Лишь инструментом стал ты — пробудись,
Ведь выбросят на свалку, пробудись
И не лепись репьем к чужим, Яхья!

За годом год господ любой приказ
Ты выполнял, не поднимая глаз.
Браня отца, хвостом за разом раз
Подобострастно не маши, Яхья!

Коль веришь ты, что есть над нами бог,
Фиглярствовать безбожно как ты мог?
Такой народ, как наш, творя подлог,
Не пачкай грязью черной лжи, Яхья!

Бесстыдно клясть на всех углах постой
Родной очаг, тендир для хлеба свой.

С чужого берега на свой не вой,
Как пес цепной, от всей души, Яхья!

НЕ ЯВЛЯЕТСЯ РАЗВЕ?

Что жизнью является нашею — тяжесть
И радость житья не является разве?
Что смертью является нашею — грустный
Итог бытия не является разве?

К высокому светлому духу стремленье
Удел только тех, кто изведаль паренье.
И все-таки нашей мечтой накопленье
Монет и тряпья не является разве?

О нашем таинственном, тысячеруком,
Изменчивом мире мы спорим друг с другом.
То пышно цветущим, то скошенным лугом
Планета сия не является разве?

Топтали, копали мы землю веками,
Но тайна ее не разгадана нами.
А вечностью эта земля под ногами
И крышей жилья не является разве?

Мы с ней обращаемся, словно злодеи,
И все безрассуднее наши затеи.
Гляди, подтвержденьем того, что глупее
Нас нету, земля не является разве?

Здесь каждый шагает своею тропею,
А в вечном пристанище, там, под землею,
Являются души людские одною,
А всеми твоя не является разве?

* * *

Поэт, не трать бумагу, если чистых
Грызущих душу слов уж боле нет.
Сердца людей не согревают строки,
В которых выстраданной боли нет.

То с истиной одною, то с другою
Живешь — а значит, не готов ты к бою.
Враги восторжествуют над тобою,
Коль высказать им правду воли нет.

К муке своей, не избежав искуса,
Подсыпешь сор — не будет в хлебе вкуса.
Того лишь просит у тебя искусство,
Чтоб не кривил ты, правды коли нет.

Ты кривду видишь — обостренность зренья
С усердьем буду славить каждый день я.
Но разве ты поэт, когда прозренья
В душе и самой малой доли нет.

КУДА ИДЕТ?

Уже мы до кости земли дошли
И принялись кромсать ее совместно.
Надолго ли у матери-земли
Еще терпенья хватит, интересно?

Преступных наших глупостей не счесть —
Мы мир крушим, забыв, что есть и месть.
Нет ни начала, ни конца — а есть
У мира середина, неизвестно.

Когда смеется каждый раз судьба
Над нашими потугами, когда
Мы чувствуем, что землю ждет беда,
Вопросы задавать ей неуместно.

Кто побеждает, проиграл давно.
Не изменить того, что суждено.
У мира тысяча оттенков, но
Мы черного достойны, если честно.

От века знаем, что природа — мать,
Зачем же ей страдания причинять?
Куда земля, кружась, идет? — опять
Удары ей наносим мы бесчестно!

СМЕРТЬ

Мы понимаем, что удел любого — смерть,
Таков закон: конец всего живого смерть.

Пока живем, всегда мы думаем о том,
Что воплощает мрак и ужас слово «смерть».

Но не известно, что нас после смерти ждет,
Познанию предел, уму оковы смерть.

Так в чем же смерти смысл? Сказали древние,
Что всех соединит с землею снова смерть.

Коль время задержать смогли б мы, что тогда?
Быть может, нам воздать почет готова смерть.

Оплакиваем мы умерших, между тем
Благодеяние, хоть и сурова, смерть.

Если исчезнет смерть, состарится наш мир,
А значит, вечности первооснова смерть.

12 1 12-3

СЕНД ИМАДЕДДИН НАСИМИ

(1369 — 1417)

СТЕНАНИЕ

стихотворная драма
в семи картинах

Вместо эпиграфа:

ИМАДЕДДИН НАСИМИ (1369 — 1417)
НИКОЛАЙ КОПЕРНИК (1473 — 1543)
ДЖОРДАНО БРУНО (1548 — 1600)

Рассветный ветерок — таково буквальное значение поэтического имени (Насими) великого поборника человечности, героя многочисленных преданий, легенд, устно бытующих издавна на Востоке, а также художественных произведений наших современников.

Пьеса в стихах «Стенание» повествует о великом азербайджанском поэте и философе Насими Ширвани (XIV в.), о его влиянии на всем Востоке. После казни Фазлуллаха Насими, его ученик Насими явился одним из пропагандистов хуруфизма. Это учение утверждало, что, духовно совершенствуясь, человек может возвыситься до бога, соединиться с божественным началом. Девиз этого учения нашел выражение в знаменитой декларации «Аналь-хагг» — я истина — «Я бог». С точки зрения ортодоксов это было ревизией корана, ересью. А по сути — дерзким утверждением значительности человека, его духовной мощи, бунтом против его порабощения. Бунтом, который Насими стоил жизни...

На основе хуруфизма Насими призывал человека верить в свою мощь и величие. Тем самым он защищал достоинство человека, которое растаптывалось. И призывал его к борьбе за свои права, бунтовал против исламского догматизма.

Насими вошел в историю как неистовый проповедник, глашатай хуруфизма, еретического с точки зрения ортодоксального ислама течения, возглавляемого Фазлуллахом Насими, в знак почтения к которому он и взял себе созвучный псевдоним — Насими. (Сначала он подписывал свои стихи псевдонимом Гусейни, в память о Халладже Мансуре, который был публично казнен в 922 г. за то, что отважился открыто провозгласить: «Аналь-хагг», «Я — бог (истина)». Настоящее имя его было Гусейн, от него и пошла суфистская секта гусейни, или халладжид, которую объявило безбожной официальное мусульманское духовенство и подвергло жесточайшим гонениям.

Почему Насими, уроженец Шемахи, оказался в далеком Галебе, где его постигла печальная участь? На этот вопрос много ответов. Поэта увлекал не просто ветер странствий. Из-за крамольности его воззрений и проповеди он не мог долго пребывать на одном месте, приходилось скрываться, менять места пребывания. Это — во-первых. Во-вторых, необходимо было расширять аудиторию, увеличивать число сторонников и последователей. Нельзя не напомнить народные предания, связанные с Насими. Вот одно из них: Юноша во всеуслышание распевал стихи мятежного поэта, которого тщетно разыскивали. Юношу спросили: «Чьи это стихи?» Он ответил: «Мои». «Значит, ты — Насими?» «Да, я — Насими», — был ответ. Юношу волокут на эшафот, но из толпы выходит человек и заявляет: «Освободите его. Автор стихов — я. Насими — я». Оба они оспаривают друг у друга право на смерть. Наконец, властители избирают жертвой второго, подвергают жестокой пытке (сдирают заживо кожу), затем вешают. Перед кончиной палачи глумятся: «Ты мнил себя

аллахом. Что же ты бледнееешь от страха?» Поэт набрался сил ответить: «Я — солнце, взошедшее на горизонте великой любви. И солнце меркнет на закате».

Есть предание и о том, что 13 приверженцев поэта выдали себя за него и приняли мученическую смерть ради того, чтобы отвести угрозу от своего вождя...

Так или иначе, Насими прошел по белому свету, как очистительный ветер, разметающий тучи средневекового мракобесия. Учение о том, что человек богоравен, конечно же, не было окончательно агностическим, но это было утверждение величия человеческого духа, мощное провозвестие гуманизма, мятеж, бунт против несправедливости общественной.

Выступая против ислама, Насими ополчался и против других религий — язычества, христианства, он не видел разницы между мечетью, церковью и капищем идолопоклонников, разъединяющими людей. Вместе с этим он призывал представителей различных наций сплотиться в поклонении единому божеству — человеческому гению.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эмир, правитель Галеба.
Принц, сын Эмира (наследник его).
Захид, духовный деятель страны.
Даянат, его сын.
Логман, придворный ученый.
Айпара, его дочь.
I Насими
II Насими
Везир
Чалпапах, друг детства Логмана (прозвище, букв.: серая па-
пах).
Старый поэт
Молодой поэт
Рахман } узники
Субхан }
Керамет }
Подозрительный
Страж, тюремщик.
Немой
Мерван

ПРОЛОГ

XIV век. Галерб. Узники сколачивают помост и виселицу. Поодаль рас-
хаживает страж.

Рахман.

Подай топор.

Керамет.

Держи-ка.

Субхан.

Вот те на!
Да тут же нет без гнили ни бревна.

Рахман.

А что же удивительного тут?
Для настоящих виселиц берут
Товарец, что погаже, поскверней.
Обычай тот известен с давних дней.
Есть корни у деревьев всех на свете,
Но видел ты хоть где-нибудь, хоть раз,
Чтоб корни были у деревьев смерти,
Как виселицы прозваны у нас?

Страж.

Не языки пускайте в ход, но руки,
А болтунам — темницы, для науки.

Керамет.

Прибью, пусть не стрекочет, как сорока.

Рахман.

Ты сам не кукарекай раньше срока.

Субхан.

На чудо у меня надежды мало.
Отряды наши тают. Все пропало.

Рахман.

Ну, а Муса?

Керамет.

Пока не схвачен он.

(Страж, стоя поодаль, прислушивается к их разговору.)

Рахман.

Так, стало быть, Муса не побежден,
И светел ум, и верен путь его.

Страж.

Как вас, поймают кто-нибудь его.

Рахман.

Да что ты говоришь?

Страж.
А то, что слышишь.
Субхан.
Другой бы сдох давно, а ты все дышишь.
Керамет.
Дай пришибу его.
Рахман.
Убавь свой пыл.

Страж.
Вчера Захид в мечети объявил,
Коль сам Муса с повинной не придет,
Прикончат всю семью его, весь род.
Кто ж голову Мусы доставит, тот
Изрядно золотишка огребет.
Да, семьдесят тысконок ждут в казне.
Ух, если бы Муса попался мне!..

Керамет.
А ты б его осилил, безбородый?

Страж.
А ты осиль-ка золото, попробуй,
Есть в золоте особенная сила,
Что не одну, а сто голов сносила.
Я это видел. Это был урок
И я его запомнил назубок.

Субхан
(морициться).

Хорош урок.

Страж.
Ну, хватит рожи корчить,
Сегодня это велено закончить.

Страж уходит, свет гаснет. Справа выходит Логман, слева —
Захид.

Логман.
Ложь с правдой на ножах из века в век,
А мучается бедный человек.

Моя богиня — правда, только правда,
Она — моя отрава и отрада.

Захид.
Смерть — тоже правда. Но кому желанна?
Любая ль правда радостней обмана?

Логман.
Когда ликует ложная молва,
Тогда, объята дымом, плачет правда,
Когда сладка неправда, как халва,
Тогда бывает правда горше яда.

Захид.
У мира свой порядок, что к чему,
Приноровляться надо нам к нему,
Считаться с веком надо каждый час,
Иль жизнь отвергнет и осудит нас.

Логман.
От правды отпирается бедняга,
Боясь утратить жизненные блага,
Но, обретая многое, убогий
Проигрывает, все-таки, в итоге.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

XIV век. Галеб. Опочивальня принца-наследника во дворце. Принц спит.
Космическая музыка. Принц видит сон. Появляется тень (призрак)
Даяната.

Принц.
Даянат? Так это ты,
снова ты передо мной?
Почему из-за меня
ты пожертвовал собой?

Молчанье.

Я не в силах позабыть
рокового того дня,

Не отходишь по ночам
ты от сонного, меня.
Неотступно целый день
ты со мной среди людей.
Словно черное пятно,
ты на совести моей.
Ты погнб, но и меня
на мучения обрек,
И признательность моя
превращается в упрек.
Почему на смерть пошел,
согласился почему?
Я поступка твоего,
видно, так и не пойму.

Молчание.

Жизнь чужую оплатил
смертью собственной — зачем?
Не ждлаешь отвечать?
Убирайся, если нем!
Ты вдобавок и оглох?
Дайте света! Где же свет?
Почему из-за меня
умер ты в расцвете лет?
Д а я н а т.
Средство у тебя одно —
обо мне не вспоминать

Уходит.

П р и н ц.
Что же, не ответив мне,
удаляешься опять?
Д а я н а т.
Для того чтобы понять,
мною надо стать тебе.

П р и н ц.
Много-много мудрых тайн
я постиг под стать тебе.
Все, на что способен ты,
должен я уметь не хуже.
Д а я н а т.
Пред тобой просторный круг,
начинай, отважйся, ну же!..
Есть пословица одна:
Удалец заводит схватки,
ударяя без оглядки.

Молчание.

Мало ль что придет на ум
ненароком удалцу,
Обо всем подряд болтать
удалому не к лицу.
П р и н ц.
Почему, скажи хотя б,
ты считаешь, что я слаб?
Д а я н а т.
Ты и сам не возразишь —
хорошо сказал народ:
Камень, брошенный вдогон,
только в пятку попадет.
Расколется может сталь,
не согнется все равно.
Прыгнуть выше головы
человеку не дано.
Мало грезить да мечтать —
надо исполнять мечты.
Я же знаю хорошо,
из какого теста ты.
Не по собственной вине —
по природе мягкотел,

не сумеешь совершить
никаких великих дел.

Принц.
Обвиняешь — докажи!

Даянат.
Говорю тебе опять,
я не верю, чтобы ты
мог достойно смерть принять.

Что ж ты правду не открыл?
Оказался жидковат.

Почему не рассказал,
что погиб вместо тебя
сын Захида — Даянат?

Принц.
Наконец-то прорвалось
то, что в сердце ты берег.
С удовольствием приму
самый тяжкий твой упрек.
Мутный, будто горный сель,
я отринуть муть желал.

Самому себе свою
уяснить я суть желал.
Радует меня твой гнев,
очищает брань твоя,
Самого себя сквозь них,
просветляясь, вижу я.

Даянат.
До тех пор, пока свой путь
не сумеешь озарить,
Будет жизнь тебя карать —
что же мне тебя корить!
Станет почестью печаль,
если помысел высок.
Как из розы, выжимай
из живого сердца сок!

Нега разрушает нас,
стойкости лишает нас,
Скорбь не только сокрушает,
но и возвышает нас.
Пусть тебя охватит боль,
обожжет беда тебя,
Человеческая жизнь
осенит тогда тебя.

Тень Даяната исчезает, свет зажигается. Принц просыпается. Сойдя с ложа, распахивает. Внезапно что-то вспомнив, вздыхает.

Принц.
Он же тоже Айпару
с детских лет еще любил.
Грех мой тяжелей меня.
О, аллах, придай мне сил,
Укрепи и просвети
Изнемогшего в пути!

Песня.
(концовка первой картины).
С той поры, как ты погас,
я томлюсь в тени.
Вспоминаю о тебе —
думаю все дни.
Ночь придет — спешу тебя
встретить хоть во сне,
Только не приносят сны
облегченья мне.
Пусть рассвет скорей придет,
сумрак удалит!
Разве память о воде
жажду утолит?
Нет мне жизни без тебя
и не может быть,
Иль сегодня без вчера
может наступить?

Вспоминаю о тебе,
а сама в огне,
Вспоминаю день и ночь —
и все мало мне.
Пусть рассвет скорей придет,
сумрак удалит,
Разве память о воде
жажду утолит?

ВТОРАЯ КАРТИНА

Комната Айпары. Она напевает. Принц входит.

Айпара.
Принц? Это — неожиданная честь,
Но добрую ли ты объявишь весть?

Принц.
Меня сюда смятение привело.
Мне тяжело. Мне очень тяжело.
Я совестью измучен. Только ты —
Спасение мое от маеты.

Айпара.
Но что случилось?

Принц.
Потерпи, постой,
Дай горем поделиться мне с тобой.
Я лгал. Постыдно лгал. И эта ложь
Меня сегодня тянет на правеж.
Замкнулся мир, замкнулся предо мной
И стал одной загадкою сплошной.
С тех пор, как Даяната потерял,
Себя я без возврата потерял.

Айпара.
Я понимаю, принц, тебя.

Принц.

С тех пор
Передо мною тот ужасный взор,
Я содрогаюсь с головы до пят.
Я в смерти Даяната виноват.
Лесные хеллачи в недобрый час
Напали неожиданно на нас.
Был замысел разбойничий неплох:
Подъем тяжелый — слева, пропасть — справа.
И наш отряд, застигнутый врасплох,
Мгновенно окружила их орава.
Мы развернуться не успели там,
Схватили нас, связали руки нам.
Спросили, кто из нас наследный принц.
Я онемел под взглядами убийц,
А Даянат, несколько не смущен,
Ответил им, что принц наследный — он.
«Не верим!» — крики раздались кругом,
Но он стоял упрямо на свосм.
И снова тот же задан был вопрос.
И к небу у меня язык прирос.
И были взгляды их страшнее стрел,
И я молчал. Я рта раскрыть не смел.
А Даянат вскричал, как властелин,
«Вы что, оглохли? Я — эмиров сын».
А их главарь..

Айпара.
Муса?

Принц.
Да, да, Муса.
Какие были у него глаза!
Красноречивей не встречал я глаз!
Он, кажется, узнал меня и спас.
Отвел меня в сторонку и шепнул:
«Не мешкай» — и легонько подтолкнул.
Поверил я в немыслимое чудо

И без оглядки убежал оттуда.
Достоинство и преданность храня,
Пал жертвой Даянат из-за меня.

А й п а р а.

Давно бы так — отмучился б давно.
Признание — просвет, а не пятно.
Как хорошо, что ты открылся сам.
И все расставил по своим местам.

П р и н ц.

Я повинился, но имей в виду —
Я снисхожденья твоего не жду.
Таким, как есть, предстал я, наконец,
Чтоб ты разобралась с моей виною,
Но только пусть не знает твой отец,
Что Даянат позорно предан мною.
Логман — учитель мой, наставник первый,
Я, к сожаленью, ученик неверный.

А й п а р а.

Как сына, любит мой отец тебя.

П р и н ц.

Но он того не ведает, любя,
Что совесть извела его любимца.
Горит печать предательства на мне.
Боюсь, услышав о такой вине,
Вместо меня отец твой устыдится.

А й п а р а.

Понятно.

П р и н ц.

Пред тобой открылся я,
Теперь я — подсудимый, ты — судья.
Пытался стать я сам себе судьей. —
Не получилось. Слово за тобой.

А й п а р а.

Когда б себя не осудил вполне,
Наверно, не пришел бы ты ко мне.

Давай вернемся в прошлое, назад,
Росли втроем — ты, я и Даянат.
С младенчества друг с другом вместе мы,
Резвились вместе в раннем детстве мы.
У моего отца, опять втроем,
Науки постигали мы потом.
И все о каждом каждому из нас
Доподлинно известно, без прикрас.
Наследный принц, меж нами и собой
Не ставил ты границы никакой,
Но воспарял на титуле своем,
И мы росли, как равные, втроем.
Необходимо наказание там,
Где не хотят вины своей признать,
А если человек казнится сам,
Зачем вдобавок нам его терзать?

П р и н ц.

Я был уверен: так и скажешь ты,
Иль я твоей не знаю доброты?
Но все это — один протяжный звук,
Я не могу избавиться от мук.

А й п а р а.

В тебе, живом, пускай твой друг живет —
Избавиться сумеешь от невзгод.
Давай встречать и скорбь, и торжество,
Стараясь быть достойными его.
Как памятник, что сердцем вознесен,
Пусть символом добра предстанет он.
Считай, удастся нам вернуть его,
Продолжив труд его и путь его.

П р и н ц.

Но с Даянатом спорил я подчас,
Случались столкновения у нас.

А й п а р а.

Из-за чего?

П р и н ц.
Из-за того, что он
Был хуруфизмом слишком увлечен.
А й п а р а.
Ах, ну и что же!
П р и н ц.
Как так — ну и что же!
Иль хуруфизм — не дерзкое безбожье?
Что означает «аналь-хагг»? Я — бог!
Мол, в низком есть величия залог.
А й п а р а.
А разве это — ложь?
П р и н ц.
Не верю я,
Нет в хуруфизме смысла бытия.
А й п а р а.
Оледенел наш разум, сердце пусто,
Мы догме покорились, как ярму.
И очищение, возвышение чувства
Считается кощунством. Почему?
П р и н ц.
О человеке сказано давно —
Ему сравниться с богом не дано.
И если так, а это явно так,
Что утверждает возглас «аналь-хагг»?
А й п а р а.
В нем — вера в человека, в нас, людсй...
П р и н ц.
Не верю в человека, хоть убей!..
А й п а р а.
Не видя силы у себя в душе,
Порочишь человека вообще.
П р и н ц.
Где эта сила? В чем заключена?
А й п а р а.
В душе, внутри у каждого она.

Добро и недобро же в нас самих,
И ложь, и правда тоже в нас самих.
П р и н ц.
И ложь сильнее правды. Да, сильней!
А й п а р а.
На человека клеветать не смей!
Когда бы правду ложь взяла в полон,
Вращалось вспять бы колесо времен.
Бог человеку совесть дал, чтоб он
Был к вечному, святому устремлен.
Кто зло в себе убьет, сумеет тот
Достичь недосягаемых высот.
П р и н ц.
Достигнет, если сможет побороть
Соблазны, что впитались в кровь и плоть.
Но как же их осилить, если он
От века на бессилье обречен?
Единственно кто может это — бог,
Нет ничего, чего бы он не мог.
А й п а р а.
А человек?
П р и н ц.
Убог от века он.
А й п а р а.
Но разве мало тех, кто испокон
Во имя веры жертвует собой?
П р и н ц.
Как сын Захида?
Нет, я не такой.
Он, падая, поднял меня рывком.
Да, есть величье в подвиге таком.
Д а я н а т.
Ты признаешь величье, ну так что ж
В него не веришь, если признаешь?
Вспыхивает свет, тень отстраняется.

П р и н ц.
Замолкни. Я оглох. Везде — вранье,
И на уме у каждого — свое.
Я думал, что утетишь ты меня.
На что мне назиданья? Болтовня!

А й п а р а.
Мой принц, мой брат...

П р и н ц.
Меня отныне нет,
Сам от себя бегу, теряя след.
Мне Даяната вовсе бы не знать!..

А й п а р а.
Он мучается. Может быть, сказать
Ему всю правду. Нет, потом попозже.
Но он уже возвысился навеки.
Кто говорит, что человек ничтожен?
Велик неимоверно человек!

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Э м и р восседает один, любителю танцовщицами, исполняющими затей-
ливые фигуры. Входит Везир.

Э м и р.
Везир, клянусь твоею головой,
Тот глуп, кто болен скорбью мировой.

Везир.
Да, это — так. Живи, пока живой,
Считай, что этот мир навеки твой.
Жизнь — это плетъ, а человек — юла,
Кружись, пока могила не взяла.

Э м и р.
Везир, вникай в мир этот, а не в тот,
Не размокай, на нас еще не льет.

Ты мелководье пошлое оставь,
Туда, где глубоко, пускайся вплавь.

Входят Логман и Принц.

Довольно, удалитесь!

Танцовщицы удаляются.

А сейчас
Делами подзаныться в самый раз.

(Логману и Принцу.)

Полезно поприсутствовать и вам.
Начнем.

Везир.
Изволь. Дворцовый страж — Мерван.
Содержится в темнице за проступок
И очень странно, что за столько суток
Не произнес ни слова. Неспроста
Сковала немота ему уста.
Как поступить с негодным?

Э м и р.
Пусть войдет.

Везир
(страже).

Введите.

(Логману и Принцу.)

С жиру бесится народ.

Логман.
А в чем вина вонителя сего?

Везир.
Спал на посту.

Логман.
И только-то всего?

Везир.
Но он еще и говорил во сне.
Логман.
А что он говорил?
Везир.
Клику ли мне
Такое повторять? Помилуй бог.
Пусть хлеб Эмира им пойдет не впрок!

Эмир.
Скажи, что он сказал!
Везир.

Я не слыхал
Бессовестней, чем эта, клеветы.
Логман.
Сынок, что ты сказал?

Молчанье.

Эмир.
Ну, что же ты?
Логман.
Эмир наш милосерден, знай, сынок.
Везир.
А он сказал, что наш Эмир жесток.
Принц.
Но, может, это — чей-нибудь навет?
Логман.
Наследник прав.

Молчанье.

Везир.
Нет, быть не может, нет!
Допустим — ложь, допустим — клевета,
Так что же он не раскрывает рта?
Логман.
А что ему сказать? Ответь-ка мне,

Ты знаешь, что бормочешь сам во сне?
Не примет бог неправого суда.

Эмир.
Во сне и выдают себя всегда.
Давайте так его приговорим,
Чтоб дать острастку болтунам другим.
Какие будут мнения?

Везир.
Смерть ему,
Пусть не вредит Эмиру моему!
Логман.

Свой разум есть у каждого в стране.
«Эмир жесток» — так вырвалось во сне
Неволью у бедняги. Это — глас
Души его раздался в поздний час.
Так вырвалось тайное подспудно,
Однако убеждение неподсудно.
Людей нельзя судить за убеждения,
Закон гласит: причиной осуждения
Считается деянье, лишь оно.
И тут решение может быть одно:
Он виноват.

Эмир.
А в чем его вина?

Логман.
В служебном небрежении она.
Спать на посту нельзя. И, значит, он
Быть должен сообразно осужден.

Эмир.
Я возражаю. Разве я жесток,
Как утверждает этот голубок?

Логман.
Жестоким он назвал тебя, а ты
Яви пример душевной доброты,
Но если ты казнишь его, то сам
Обоснованье дашь его словам.

Эмир

(после продолжительного размышления).

Убрать его! Я выдохся. Потом,
Мы это дело толком разберем.

(Обращаясь к Принцу.)

Что, юноша? Увидел, наконец,
Как мается несчастный твой отец?
Забот разнообразных — через край.
И ты в дела правления вникай.
Не будешь знать — запутаешься тут.
Державой управлять — нелегкий труд.

Принц.

Я убедился.

Эмир.

Все дела на мне,
А ты, мой сын, все время в стороне,
В себя уходишь, будто меч в ножны,
А мы с тобою рядом быть должны.
Творится что-то странное с тобой,
Что за печаль томит тебя, открой!

Принц.

Так, ничего...

Эмир.

А все-таки?

Принц.

Слегка
Обиделся на жизнь, взяла тоска.

Эмир.

Не понимаю — что за охи-ахи,
Откуда эта дряблость, эти страхи?
Да кто сильнее тебя во всей стране?

Принц.

В подарок эта мощь досталась мне.

Везир.

Не огорчайтесь. Он — еще дитя,
Поймет, немного времени спустя.

Эмир.

(Логману).

Да он же смутным страхом обуян!
Чему же ты учил его, Логман?

Логман.

Принц знаниями владеет, как я сам.

Эмир.

Что пользы в этих знаниях нам, царям!
Ты должен был в нем волю укреплять,
Учить его страну управлять,
Ты был обязан убеждать юнца
В могуществе престола и венца.

Логман.

Учительница — жизнь, наставник — опыт,
Что человеком самолично добыт.
Как мы научим управлять конем
Того, кто не сидел еще на нем?
Страною править жизнь его научит,
Когда бразды правления он получит.

Везир

(желая переменить тему разговора).

Эмир, поэты просятся сюда.

Эмир.

Пускай войдут.

Везир

Извольте, господа.

Входят два поэта.

Пусть первым почитает тот из вас,
Кто жизнью умудрен и седовлас.

Входит Захид, он в черном одеянии — абе. Что-то шепчет на ухо Везиру. Везир знаком дает понять, чтобы он обождал. Захид отступает в сторону. Старый поэт, поклонившись, читает свои стихи.

Старый поэт.

Я в помощь мысли призываю слово,
Но нет у слова волшебства такого,
Чтоб подчинить пространство своей воле
И воспарить к эмиру на престоле.
Когда б увидел нашего эмира
Шейх Низами, венец поэтов мира,
Он детскими забавами назвал бы
Все подвиги царевича Хосрова,
А Искендер Македонянин стал бы
Служить эмиру за раба простого.

Везир.

Прекрасно, превосходно!

Захид.

Глубока

И многомудра каждая строка.

Поэт

(на ухо Логману).

В поэзии мудрейший Низами
не шейхом и не шахом был, а богом,
Какому унижению предают
поэта в раболепии убогом!

Логман.

Аллах свидетель, верно — эти вирши
Иных и совершеннее, и выше.
Однако я покорнейше просил бы
почтенного устада-стихотворца,
Конечно, если он найдет возможным,
не трогать Александра-македонца
И не тревожить шейха понапрасну,
а, мастерство свое являя миру,
Пять книг создать, как Низами когда-то,
и посвятить их нашему эмиру.

Везир.

Мысль очень справедлива.

Эмир.

Знать хочу —

Тебе такое дело по плечу?

Старый поэт.

Ей-богу, что сказать, была б такая
Возможность, я бы рук не покладая
Трудился б день и ночь, забыв покой.

Эмир.

А что же, нет возможности такой?

Старый поэт.

Расскажут небеса всего верней
О бедности, о сирости моей.
Ей-богу, прокормиться нелегко.

Логман.

Разбогатеть желанье велико.

Эмир.

Ну, что ж, посмотрим.

Старый поэт.

Нет превыше чести,
Стоять перед тобой на этом месте.

Поэт, тотчас выступив вперед, произносит экспромтом.

Поэт.

Если поэт раболепствует, значит,
Громко хохочет народ, а не плачет.
Паденью-возвышению хвала,
Такому украшению хвала.

Везир.

Хвала!

Старый поэт.

Кому — хвала, чему хвала?
Коварному его уму хвала?
О повелитель мой, уразумей:
Он с виду голубь, а по сути змей.

Эмир.
О чем они?
Везир молчит.

Логман.
Великий мой эмир,
О неладах поэтов знает мир.
Они чернят друг друга с давних пор,
И это тоже — явный оговор.
Его стихи невинны — в них была
Хвала, обыкновенная хвала.
Захид.

Пусть повторит.
Поэт.
Пропал... исчез мой пыл —
Я произнес и сразу же забыл.
Старый поэт.

Он лжет. Он вспомнит — строже прикажи!
Поэт.
Взгляните, кто кого винит во лжи!
Эмир.

Темница плачет по нему, темница.
Логман.
Ей-богу, властелинам не годится
Сажать поэта, все равно — какого,
В тюрьму из-за единственного слова.

Поэт.
Но если это — слово правды жгучей,
Ложь перед нею корчится в падучей.
Сто слов неправды никнут перед ним —
Пред словом правды-истины одним.
И чтоб не дать ему распространиться,
Темница служит деспоту, темница.
Эмир.

Скажи-ка, голодала ли страна
С тех пор, как власть над нею мне дана?

Поэт.
Аллах, считая, что одной стране
Одной беды достаточно вполне,
Изволил к нам направить лишь эмира.
Благодарим тебя, создатель мира!
Эмир.
На небо уповать не хочешь ты,
О правде на земле хлопочешь ты.
Восстанье — вот твое единственное средство,
Темница — вот твое единственное место.

Поэта уведат в темницу.

Везир
(Эмиру).
Вниманья просит господин Захид.
Эмир.

Я слушаю его, пусть говорит.
Захид.
Приход мой, понимаю, не уместен,
Но у меня важнейшее известье.
Эмир.

Захид, ты — столп религии в стране,
Но до какой поры, скажи-ка мне,
По сыну траур будешь ты хранить.
Захид.

Ты волен, государь, меня винить.
Великий грех — оплакивать без меры
Того, кто жертвой пал во имя веры.
Я, как служитель веры, виноват,
Но мне, отцу, так дорог Даянат
И так хочу отмстить его убийцам —
Бунтовщикам, кяфирам, нечестивцам.
Что клятву дал их корень подрубить
И всех их поголовно истребить.
Уйму печаль по сыну моему
И эти знаки траура сниму.

Э м и р.
Ну, ладно. С чем явился?
З а х и д.

Государь,
Вчера был схвачен молодой бунтарь,
Читал стихи кяфира Насими.
Спросили: «Чьи стихи?» Сказал: «Мон».

Э м и р.
Выходит, Насими попался нам?
З а х и д.
Так утверждает нечестивец сам.
Э м и р.

А что же ты?
З а х и д.
Не досказал я дела.
Известие сразу город облетело,
Народ на площадь вышел посмотреть,
Как схваченный преступник примет смерть.
Я произнес убийственную речь,
Палач занес неотвратимый меч.
Но в это время кто-то крикнул: «Стой!»
Палач застыл с мечом над головой.
А тот, кто криком казнь остановил,
Поднялся на помост, набрался сил
И начал: «На казнимом нет вины,
Стихи не им, а мной сочинены.
Я — Насими, не он, а я, поверьте,
Зачем его приговорили к смерти?»
Мы видели подобное впервые,
Стояли, будто статуи немые,
А он свое твердил: «Я — Насими,
Меня перед судьбою не срами».

Э м и р.
Смотри, какая смелость! Странно даже.
З а х и д.
Позвольте — доскажу, что было дальше.

А дальше узел затянулся туже.
Он не успел договорить, как тут же
Приговоренный выкрикнул с помоста:
«Я — Насими, а он обманщик просто».
Такая перепалка разгорелась,
Как будто им добро сулила смелость.

П р и н ц.
Затеять состязанье из-за смерти,
Иль ничего не стоит жизнь на свете?!
Э м и р.
Так что потом?

В е з и р.
Я с толку сбился сам,
Пошло такое представление там.
Один покончить требует с собой,
Нет-нет, со мной! — упорствует другой.
Желали быть казненными они.

Э м и р.
А может быть, помешаны они?
З а х и д.
Нет, каждый из двоих в уме своем
И оба многосведущи притом.

П р и н ц
(Эмиру).
Не понимаю, кто в своем рассудке
Себе такой конец назначит жуткий?

Э м и р.
А какова их цель?
З а х и д.

Вот мой ответ.
Ни бога нет у них, ни веры нет.

Л о г м а н.
В воззрениях неизбежны расхожденья,
Брать за основу надо убежденья.

Эмир.

Стране иная вера не нужна,
Ислам един и суть его одна.

Захид.

И мы ислама преданные слуги.

Эмир.

Довольно! Неужели нет в округе
Такого человека, чтобы он
Знал Насими в лицо.

Захид.

Произведен
Сыск надлежащий. Родом он с Ширвана,
Ширван же есть пристанище шайтана.
Все выходцы оттуда очень странно
Ведут себя. Труда большого стоит
Из них хоть слово вытянуть простое.
Они и взбаламутили наш город.
От Фазлуллаха, будь он трижды проклят,
Распространилась ересь в наше время,
Ширванцы занесли в наш город семя
Своей шайтаньей веры — хуруфизма.
И Фазлуллах у них за бога признан.

Эмир.

Захид, уж больно речь твоя пространна,
Не забывай, что и Логман — с Ширвана.

Логман.

Нет, что же мне роптать, в конце концов,
Сейчас невежды учат мудрецов.

Эмир.

Задал задачек нам один поэт.

(Логману.)

Быть может, ты его узнаешь?

Логман.

Нет,

Не доводилось видеть мне его,
Я родину покинул с юных лет.

Эмир.

Но что-то делать надо все равно.

Захид.

Есть предложение у меня одно.

(Склоняясь, что-то шепчет на ухо Эмиру.)

Принц.

О повелитель мой, родитель мой,
Позволь и мне вблизи на них взглянуть.

Эмир.

Ну, что ж, гляди, но осторожен будь.
Захид, покруче меры предприми.
Один из них, бесспорно, Насими.
Установи, кто именно.

Захид.

А тот,
Кто вместо Насими на смерть идет,
Опасность еще большую тант.

Везир.

Да-да, мой повелитель, прав Захид.

Эмир.

Ну, ладно. Разрешаю удалиться.

Все уходят, остаются Эмир с Везиром.

Куда же подевалась танцовщица?
Везир, я отдохнуть хочу, везир,
Вели для нас двоих устроить пир.
Дела на время отложить желаю.
Долой их бремя, поблажить желаю!

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Темница. Узники, сгрудившись на земляном полу, поют песню.

Хор.

То вечное, что носит имя божье,
В самом себе открой, — мы говорим,

Величья своего узреть не может
Лишь истинно слепой, — мы говорим.
Соло.

Достоин славы тот, кто ради правды
Пожертвует собой, — мы говорим.
Не «бог велик», как прежде говорили,
Но «человек велик», — мы говорим.

Стражи вводят I и II Насими. Тюремный страж выпускает их
в темницу.

Страж.
Заткнитесь, это что еще за песня!
Субхан.
Не песня, а молитва.
Рахман.
А верней — порыв из подземелья в поднебесье.
Субхан.
С чего такое множество огней?
Страж.
С того у нас такое освещение,
Что принц-наследник это помещенье
Изволит удостоить посещения.
II Насими.
День добрый.

Рахман.
Новоселам — честь и место.
Субхан

(пристально разглядев их).
Мужам ученым в куче будет тесно,
Вот здесь удобней, около стены.

I Насими.
Спасибо, но не все ли мы равны?
Не место украшает человека,
А разум возвышает человека.

Керамет.
Ей-богу, это — наш...
Рахман.
Эх, простофили,
Не нашего б сюда не посадили.

(Обращается к I Насими.)

За что же вас сюда?
I Насими.
Мы размышляли.
Рахман.
И только-то? И вас за это взяли?
Но разве размышлять запрещено?
I Насими.
Смотря, как думать. То-то и оно.
Субхан.
А как же думать надо?
II Насими.
Как велят,
А собственный совсем не нужен взгляд.
Иметь не надо собственного взгляда,
А, как властям угодно, думать надо.
Рахман.
А вы посмели размышлять иначе,
И угодили в подземелье, значит?

Поэт.
Страшнее наших вин твоя вина,
Сам бог тебя не вытащит со дна.
Кто думает по-своему, тот сразу
От правды отличает ложь-проказу,
А это страшно каждому лгуну,
Из тех, что изнутри крушат страну.

(Указывает на узника, молчаливо приткнувшегося в углу.)

Р а х м а н.

Что ж, если поразмыслить, этот малый
Избрал наивернейший путь, пожалуй.
Разговорить его никак не можем,
Он имя позабыл свое, похоже.
Ни слова не проронит ни о чем,
За это он и прозван Молчуном.

П о э т.

Язык освоив за год, человек
Молчанью обучается весь век.
Он говорил во сне, удел — темница.
Открыто говорить? Он — не тупица.

К е р а м е т.

(указывая на Молчуна).

Тот может говорить, но будто нем,

(указывая на Немого)

А этот отродясь немой совсем.
Несчастный, в мир явился безъязыким.

Р а х м а н.

Да он же счастьем наделен великим.
Скорей не он, а мы с тобой — калеки.
Есть языки у нас, но в нашем веке
Что можно сделать, языки имея.
И слишком часто пятимся, немея.
Не смеющий свое промолвить слово
Во много раз несчастнее немого.

К е р а м е т

(Рахману, указывая на Молчуна).

Уж больно мне не нравится Молчун,
Ну, дай же я его поколочу.

Р а х м а н.

Скажи, а чем он провинился, брат?

К е р а м е т.

А тем, что он ни в чем не виноват.

Р а х м а н.

Здесь виноватых нет.

С у б х а н.

Вот потому

Мы с вами и упрятаны в тюрьму.

Р а х м а н.

Допустишь в этой путанице промах,
Решая, где добро, где зло гнездится.
Великие преступники — в хоромах,
А мелкие преступники — в темницах.

И И а с и м и

(первому).

Ты слышишь? Это — лучший нам ответ.
Теперь ты понимаешь — нужды нет
Идти на гибель вместо Насими.
Его дорога признана людьми.

И И а с и м и.

Мы оба живы помыслом одним,
Но, все-таки, давай с тобой решим —
Ты или я — кто Насими из нас?

И И а с и м и.

Мой брат, я говорю в который раз:
Не будь так безрассуден и упрям,
Как будто правды ты не знаешь сам?

И И а с и м и.

Я знаю: Насими — не ты, а я.

И И а с и м и.

Но кто же я?

И И а с и м и.

А ты спроси себя.

П о э т.

О, Насими! Поверить в это трудно.

К е р а м е т.

А почему?

П о э т.

Величье недоступно.

І Н а с и м и.

Давай играть не будем в кошки-мышки.

Р а х м а н.

Мы знали отдаленно, понаслышке:

Воруют иногда стихи чужие,

Сегодня же увидели впервые,

Как похищают самого поэта,

И выгод не сулит подмена эта.

К е р а м е т.

Какой из них Лженасими, скажи,

Он у меня попляшет из-за лжи.

Р а х м а н

(сам с собой).

Тот, или этот? Кто же самозванец?

І Н а с и м и.

(второму).

Ты где родился?

ІІ Н а с и м и.

Насими — ширванец,

Отсюда и прозвание — Ширвани!

І Н а с и м и.

Довольно. Соглашайся — не тяни!

ІІ Н а с и м и.

Я понимаю — цель твоя прекрасна,

Но ты собою жертвуешь напрасно.

Ведь жизнь, что подарить мне хочешь, брат,

Мне тяжелее смерти, во сто крат.

І Н а с и м и.

Я умоляю, не упорствуй, хватит!

Тут неуступчивость твоя некстати.

ІІ Н а с и м и.

Темницы рухнут и падут оковы,

Возобновится жизни торжество.

Нет смерти Насими, пока готовы

Идти на гибель люди за него.

С у б х а н.

Они на смерть оспаривают право,

Я из-за них ума лишусь, ей-право.

Р а х м а н.

А было ль у тебя ума чуток,

Чтоб потерять ты тоже что-то мог?

П о д о з р и т е л ь н ы й.

Говорил же — языки

до добра не доведут.

Полюбуйтесь, болтуны —

принц-наследник тут как тут.

П р и н ц.

Это же — хеллач Муса!

Жаль, однако, молодца.

Угрожал сверженьем нам,

А теперь повержен сам.

Принц приближается к узникам, І Насими отворачивается.

П р и н ц

(Рахману).

А скажи-ка, молодец,

ты за что попал в тюрьму?

Р а х м а н.

А за то, что взятки брал.

П р и н ц.

Взятки брал? А почему?

Р а х м а н.

Задают такой вопрос

мне впервые. Ну, дела!

Почему я взятки брал?

Уж причина, знать, была.

П р и н ц.

Назови ее, открой!

Р а х м а н.
Подобает ли с тобой
Разговор вести такой?
П р и н ц.
Подобает или нет —
Ты мне должен дать ответ!
Р а х м а н.
На престол взойдешь — тогда
Разберешься без труда.
П р и н ц.
Я желаю знать сейчас.
Р а х м а н.
Разговор пойдет у нас
напрямую?
П р и н ц.
Напрямую!
Р а х м а н.
Ну, тогда представь себе
рыбу — все равно какую
Начинает с головы
рыба портиться любая.
Но всегда скребут с хвоста,
рыбу чистить начиная.
Вот отсюда и идет
невеселая учеба.
Кто побил и кто побит —
виноваты будут оба.
Тот, кто надо мной стоит, —
невеликая персона.
И однако дань ему
я плачу беспрекословно.
С малым жалованьем мне
эта мзда не по карману,
Что ж я буду подносить,
если сам взимать не стану?

П р и н ц.
Не бери и не давай.
Р а х м а н.
Невозможно.
П р и н ц.
Отчего же?
Р а х м а н.
Да его же самого
понуждают еще строже.
Я беру — ему даю,
он меня на то и ставил.
Он берет — наверх дает.
Это — правило из правил.
В поговорке немудрой —
оправдание греха:
«Взял орех — отдал орех,
мне осталась шелуха».
Колесо «бери-давай»
так и вертим всю дорогу,
Если бы никто не брал,
не давал никто б, ей-богу!

Принц глубоко задумывается. Обращается к Рахману.

П р и н ц.
Вывод надо сделать мне
Из признанья твоего,
Что естественны вполне
Взятка, или воровство,
Что порядочных в стране
Нет людей. Ни одного.
(Подходит к Керамету.)
Ну, а ты за что сидишь?

К е р а м е т.
Жить на свете надоело.
Уши старосте отсек.

П р и н ц.
Почему?

К е р а м е т.
Да было дело.
Подчистую урожай
загребал он в счет налога,
Я просил его, молил,
дескать, сжался ради бога.
А поганный этот пес
Руку на меня занес,
Да при детях, при жене...
Что же оставалось мне?

П р и н ц.
Ты бы жалобу подал.
К е р а м е т.
Да кому же?

П р и н ц.
Иль в стране
нет начальника повыше?

К е р а м е т.
Есть пословица одна,
может быть, ты тоже слышал:
Ни один на свете меч
Сам себя не станет сечь.

(Принц подходит к Подозрительному.)

П р и н ц.
Ну, а в чем твоя вина?
П о д о з р и т е л ь н ы й.
Заподозрили меня,
дескать, умопомрачение,

Я ж подозреваю сам
всех вокруг без исключения.
П р и н ц
(подходит к поэту).

А твоя вина?
(Узнает поэта.)

Поэт?
Угодил сюда ты тоже?

П о э т.
Ну, где же я еще
очутиться был бы должен?
С у б х а н.

Ишь, как точно подытожил!
П о э т.

Удивительно не то,
что поэт в тюрьме томится,
Удивительно, что здесь
мы воочью видим принца.
П р и н ц.

Я...
П о э т.
Быть может, ты пришел
нас, людей, спасти от скотства?
Нет, явился показать
власть свою и превосходство.
У кого какая цель
нам же с полувзгляда ясно,
Нет, счастливый не поймет,
как терзается несчастный.

Р а х м а н
(Поэту).

Оттого, что мертвецы
поминаются халвою,
Им сдается, что живым
нет от сладостей отбою.

Мы в неволе, мы в тюрьме,
ну, а те, что за стенами,
На свободе ли они,
много ль разницы меж нами?
Поэт.
Да, хотя под стражей мы
и хотя закрыты двери,
Мы открыто обо всем
говорим, по крайней мере.
Но и этого лишен
тот, кто числится на воле.
Изнывает, будто воск,
человек не оттого ли?
Мы в тюрьме, но даже здесь
каждый узник гнету страшен.
За решеткою — не мы,
за решеткой — мысли наши.

Принц снова погружается в глубокое раздумье. Свет гаснет. Освещается только лицо принца. Перед ним возникает сын Захида — Даянат.

Принц.
Значит, так...
Даянат.
Что значит — так?
Ты слышал все, как есть.
Призадумался? Ну, что ж,
Есть о чем подумать здесь.
Столько лет держался ты
высоко и в стороне,
А сегодня, наконец,
побывал на самом дне.
Начался переворот
у тебя в уме, в душе,
Был ты мертвым. Не скажу,
что теперь воскрес уже.

Принц.
Мне бы ничего не знать,
как не знал я до сих пор, —
Вспыхнул спор внутри меня,
снова вспыхнул старый спор.
Даянат.
Вижу — понимаешь ты,
но упорствуешь опять,
Понимание свое
не желая признавать.
Что за время, что за век —
Из-за свойства понимать
терпит муки человек!

(Даянат удаляется, принц призывает стража, указывает на I Насими.)

Принц.
Этого оставь со мной,
Остальных возьми, устрой
В общей камере другой.
(Указывая на II Насими.)
А вот этого пойдни
В одиночку посади.
Страж.
Будет сделано.
II Насими.
Нет, нет!
Дайте же сказать и мне...
Принц.
Говори же.
II Насими.
Он не тот,
За кого себя с таким
безрассудством выдает.
Он — не Насими.

П р и н ц.

Ну, что ж,
Нам известно: это — ложь,
Как известно нам и то,
кто он есть на самом деле.

И Насими и другие узники уходят. Немой, пользуясь случаем, прячется в боковой камере. Это замечает Рахман, прячется в камере, расположенной по другую сторону.

П р и н ц.

Будем оба говорить
без утайки, без подвоха.
Ты — хеллач, он — Насими.

И Н а с и м и.

Начал вроде бы неплохо.

П р и н ц.

Ну, коль скоро это так,
то, пожалуйста, ответь,
Почему вместо него
ты принять желаешь смерть?

И Н а с и м и.

А когда захидов сын
шел на смерть, тебя спасая,
Побуждало что его,
вдохновляла мысль какая?
Неужели окажусь
я слабей, чем сын захидов,
Не сумею умереть,
друга недругам не выдав?

П р и н ц.

Я же был в твоих руках,
но меня ты не убил,
Или счел, что я тогда
недостойн смерти был?

И Н а с и м и.

Может быть, смелее стал
и теперь жалеешь ты,

Что когда-то уцелел
у погибельной черты?

П р и н ц.

Нет, признательность тебе
я храню, как память друга,
Чем могу полезным быть —
я всегда к твоим услугам!
Благодарен я судьбе,
что послала эту встречу,
Долг свой давний возвращу,
на добро добром отвечу.

И Н а с и м и.

Что задумал — объясни.

П р и н ц.

Ты меня, впервые встретив,
Посчитал тогда, что я
не дорос еще до смерти.
Я же думаю, что ты
перерос ее, слепую,
И поэтому тебя
даже к смерти я ревную.
Здесь о том, что ты — хеллач,
мне известно одному,
У твоих врагов тебя
я сегодня отниму
И побег тебе устрою.

И Н а с и м и.

Я не верю.

П р и н ц.

Почему?

И Н а с и м и.

А хотя бы потому,
Что эмиров сын, увы,
не способен на такое.

П р и н ц.
Ладно. Можешь сей же час
беспрепятственно уйти.
Ну, ступай же!..

И Н а с и м и.
А того
оставляешь взаперти?

П р и н ц.
Он умрет, он обречен,
ты же под моей опекой.
За добро платить добром
полагается от века.

(*И Насими смеется.*)
Этот смех — над чем, иль кем?
И Н а с и м и.

Над тобою, над тобой,
Благодетель дорогой.
О каком таком добре
ты твердишь, скажи на милость,
Человеку, чья рука
к царству смерти устремилась?
Трон великой высоты
Я уже легонько тронул,
Но спешишь низвергнуть ты
Прикоснувшегося к трону.

П р и н ц.
А скажи, ты в этот мир
сам собой явился, что ли,
Чтоб впоследствии его
по своей покинуть воле?

И Н а с и м и.
Жизнью смерть мою сочту,
коль ценою этой смерти
Богоравный человек
жить останется на свете.

П р и н ц.
Тот, кто собственную жизнь
не считает дорогою,
Разве может дорожить жизнью
чьей-нибудь другою?
И Н а с и м и.
Есть у каждой жизни цель,
эту истину простую,
Не попробовав понять,
отвергаешь ты вслепую.
П р и н ц.
Если ты считаешь смерть
столь высокою ступенью,
То ее и как хеллач
ты достигнешь, вне сомненья.
Но зачем, встречая смерть,
взял ты имя Насими?
Жил под именем своим —
под своим и смерть прими!

И Н а с и м и.
Это трудно объяснить,
а еще трудней осмыслить,
Вовсе не любая смерть
может смертного возвысить.
Есть единственная смерть,
допускающая в вечность,
Право на нее дает
истинная человечность.
Наивысшая любовь —
необычная дорога,
Смерть во имя Насими —
это смерть во имя бога.
Совершив последний шаг,
на мою взойду вершину,
И безвременную смерть
от великого отрину.

П р и н ц.
Если нет иных путей
с вечной истиною слиться,
Если чтишь столь высоко
имя вашего провидца,
что под именем его
с жизнью хочешь ты проститься,
Высшим благом почему
одарить себя решаешь,
А беднягу Насими
этой почести лишаешь?
Не ведут ли тебя здесь
Себялюбие и спесь?
И Н а с и м и.
Умереть, как Насими, —
честь большая, это правда,
Умереть за Насими —
это большая награда.
П р и н ц.
Предположим, что твои
притязания приму,
Кто на самом деле ты,
мне известно одному,
Это в нашем мире, здесь,
ну а в том, увидишь сам,
Вмиг тебя разоблачат,
твой обман раскроют там.
Уж не бога ль самого
ты задумал обмануть?
И Н а с и м и.
Мой же бог во мне самом,
я его являю суть,
Мне обманывать себя
нужды нет, причины нет,
Я намерен обмануть
только этот, лживый свет.

П р и н ц.
Ну, а если твой подлог
не удастся?
И Н а с и м и.
Поддержи!
П р и н ц.
Значит, твой хваленый бог
Не чурается и лжи?
И Н а с и м и.
Лучше правды, что под нож
Подставляет Насими,
Ложь любая, если ложь
Избавляет Насими.
С той поры, как наш отряд,
был разбит в бою неравном,
Со стихами Насими
я прошел по многим странам.
Я читал его стихи
горожанам и дехканам,
Сочетанья вещих строк
Помогали с богом слиться,
Чудотворный их поток
Просветлял сердца и лица.
Я сражался сколько мог,
И мечом, и словом бился,
Человеческий мой долг
Отдавая, не скупился.
Назначенье оправдал,
все, что начал, завершил,
И отныне жизнь моя
пользы никакой не даст,
как бы долго я ни жил.
П р и н ц.
Это я уразумел.
А теперь прошу ответить,

Как бесстрашие обрести,
как лишиться страха смерти.

И Н а с и м и.

Драгоценна жизнь, но есть
кое-что и подороже.

Тот, чей срок не наступил,
этого понять не может.

П р и н ц.

А какой он, этот срок?

И Н а с и м и.

Тот, кто не постиг любви,
в тонкости не вникнет эти.

П р и н ц.

Ничего милей, чем жизнь,
Полагаю, нет на свете.

И Н а с и м и.

Смысла в собственной судьбе
Не нашедшему, тебе

и представить тяжело,

Что необходима смерть,
если время подошло.

Тот же, кто усвоил цель,
для которой предназначен,

По-другому видит мир
и ведет себя иначе,

Жизнь его, считает он,
не ему принадлежит,

А любви, что заслужил,
по всему принадлежит.

Я — должник такой любви,
я — такой мечты должник,

Если ради них умру,
стану истинно велик.

П р и н ц.

Небесчужденному мне
объяснить не откажись,

Как позволю умертвить
даровавшего мне жизнь?

И Н а с и м и.

Ну, тогда отсюда пусть

Оба — он и я — уйдем,

Я с тобою соглашусь

На условии таком.

П р и н ц.

Нет, один из вас, один.

И Н а с и м и.

Значит, он и только он.

И считай, что этим мне
долг твой будет возвращен.

П р и н ц.

Заклинаю я тебя

верой, принятой тобой,

Обращаюсь к твоему

Разумению с мольбой:

Не ершись, к тому клоня,

Чтоб омыла руки мне

кровь того, кто спас меня.

Понимаешь ли, что так

не ведется у людей,

Иль не чувствуешь стыда
перед совестью своей?

И Н а с и м и.

Нет.

П р и н ц.

Матерый дьявол ты

в человеческом обличье,

Я бессилен пред тобой,

ты же действуешь все притче.

Стиснут верою своей,

ты не хочешь стать свободней,

Я — дитя небесных сил,

ты — исчадье преисподней.

(Опускается на колени, воздевает руки к небу.)

Почему бессильным ты
 породил меня, о боже,
И неведеньем таким
 наградил меня, о боже?
Я не знал, что жизнь текла
 за дворцовыми стенами,
Что роились люди там,
 и смеялись, и стонали.
Миром наш дворец считал
 и не знал я, сын Эмира,
Как широк и сложен мир,
 и несхожи дети мира.
Помоги же разглядеть
 и добро, и зло, о боже!
Как пошлю на смерть того,
 кто меня от смерти спас.
Как мне тяжело, о боже!
 И Н а с и м и.
А ты знаешь, что искать
 подкрепление у аллаха —
Это значит: потерять
 самого себя от страха.
Я, спасая жизнь твою,
 в том ущелье нешироком,
Думал, что смертельный страх
 станет для тебя уроком.
В испытанье не окреп,
 ты, увя, остался прежним,
Ныне я на смерть иду —
 ты в смятении безбрежном.
 П р и н ц.
В жертву жизнь свою принес
 в том ущелье Даянат,
В смерти друга моего
 я, несчастный, виноват.

Не избавившись от мук,
 с прежней связанных виной,
Как мне новые принять?
 Что я, каменный, стальной?
Приговор тебе готов —
 как под ним я подпишусь?
Это же — великий грех,
 гнева божьего страшусь.

 И Н а с и м и.
А представь на миг один,
Что воскрес заходов сын.

 П р и н ц.
Это ж невозможно, нет.
 И Н а с и м и.
Ну, а если он, живой,
Встал бы вдруг перед тобой?
 П р и н ц.
Я бы посвятил ему
 жизнь до самого конца.
 И Н а с и м и.

Поклянись!
 П р и н ц
 (достает Коран, целует его).

Клянусь тебе
Откровением творца.
 И Н а с и м и.
Хорошо. Теперь клянись,
 что Захида и других
Убедишь, что я и есть
 несомненный Насими.

Пауза.

Поклянись, что будет жить
 несравненный Насими.
 П р и н ц.
А нельзя ль без клятвы?

И Н а с и м и.

Нет.

Я обязан сделать все
для того, чтоб жил поэт.

П р и н ц.

Хорошо. Клянусь тебе.

И Н а с и м и.

Эти клятвы пусть тебя
не страшат ни в коей мере.

Я в порядочность твою
окончательно поверил.

А теперь еще одно,
не сочти желанье странным,

Я б хотел наедине
побеседовать с Логманом.

П р и н ц.

Что? И он...

И Н а с и м и.

Не думай, нет...

нечто вроде завещанья,
Как старейшине, ему
передам я на прощанье.

П р и н ц.

Проведу к нему тебя.

П р и н ц и И Н а с и м и уходят. Немой выползает из своего укрытия.

Н е м о й.

Значит, этот и другой —
за надежными дверьми,
Значит, семьдесят — хеллач
и сто тысяч — Насими.

Ай, да бедненький немой!
Прочь все горести, долой!
Страж, эй, страж!

С т р а ж.

Я — ваш слуга,
Я — телохранитель ваш!

Н е м о й.

Ты Захиду от меня
Донесенье передашь.

С т р а ж.

А какой из них двоих
Настоящий Насими?

Н е м о й.

Кто награду обещал —
ты, иль господин Захид?
Я — не дурень упускать
то, что предо мной лежит.

С т р а ж.

Рядом с умником таким
я, выходит, дуралей,
Каблуки себе сбивать
ради выгоды твоей.
Нет, клянусь твоей башкой,
Я — дурак, да не такой.

Н е м о й.

Поощрит тебя Захид.

С т р а ж.

Нет, с Захида ты сорвешь.

Н е м о й.

Ладно. Вот тебе, держи.
Но учти, это — грабеж.

(Дает ему монету.)

С т р а ж.

Маловато.

Н е м о й.

Живодер!

(Дает еще одну монету.)

На, возьмишь с собой в могилу.

Страж.
Пустосвята одолеть
лишь безбожнику под силу.

Страж удаляется. Рахман выходит из своего укрытия.

Рахман.
Ах, пройдоха из пройдох,
ты же вроде был немым!
Ну, сейчас поговорим!

(Раскрывает двери камер.)

Эй, сюда!
Скорей сюда!
Что стряслось?

Субхан.
Рахман.
Вот он, ябедник проклятый,
Оборотень, соглядатай.
Подозрительный.
Я ли вам не говорил —
соглядатаи везде,
Хочешь жить — умей молчать,
иль окажешься в беде.
Керамет.

Дать ему?
Рахман.
Да поспильней,
Чтобы этот сукин сын
Больше не губил людей.

Под звуки хора «Велик человек» заключенные душат Немого.

Поэт.
Попробуй, в мире что-нибудь пойми!
Добро и зло — один из них источник.

Поднялся человек — как Насими,
И низко опустился — как доносчик.

Заключенные, связав стража, бегут из тюрьмы.

ПЯТАЯ КАРТИНА

Дом Логмана. Айпара и Даянат выходят из сада.

Айпара.
Неужто я спаслась от маеты!..
Я знала: жив-здоров, как прежде, ты,
Но боль порою сердце так пронзала,
Что вмиг я забывала все, что знала.

Даянат.
Теперь удостоверилась?
Айпара.

Вполне.

Даянат.
Так дай тобой налюбоваться мне!
Постой, ты стала словно бы другою,
И кстати это платье голубое,
Небесность нахожу в голубизне.

Айпара.
Ну, что уж там небесного во мне!

Даянат.
А ты не знаешь этого пока?
Как небо, ты маняще-глубока,
Есть и в тебе таинственная сила,
Она меня навеки покорила.

Айпара.
Не зря сказали: у любви большой
Раскрыто сердце, но глаза незрячи.
А женская душа и ум мужской
Должны быть глубже моря, не иначе.

А й п а р а.
Ты изумил меня умом своим.
Д а я н а т.

Но я тебе, тебе обязан им.
Любовь дала второе зрение мне,
Горенье мне и озаренье мне.
Любовью в небе движимы светила,
Жизнь на земле — всецело от любви,
Твоя любовь меня преобразила,
И ум, и чувства высветив мои.

А й п а р а.
Не забывай, однако, что в глаза
Хвалить мужчине женщину нельзя.

Д а я н а т.
Зазнается?

А й п а р а.
Возможно.

Д а я н а т.
Никакая
Не может стать чрезмерной похвала,
Когда, как небо, без конца и края
Душа и необъятна, и светла.

А й п а р а.
Какая бесподобная тирада!
Из золота ее отлить бы надо.

Входит Р а х м а н.

Р а х м а н.
День добрый.

А й п а р а.
Добрый день.

Р а х м а н.
Опять беда,
Не то не прибежал бы я сюда.

Внезапно время казни перенес
Захид, собачий отпрыск, мерзкий пес.
Д а я н а т.

Что-о?

Р а х м а н.
Извини, башка совсем забита,
Забыл, что как-никак ты — сын Захида.
Д а я н а т.

Ну, то-то.

Р а х м а н.
Казнь назначена была
На завтра. Но папаша твой со зла
Иль просто с недосыпу куролесит.
Сейчас Мусу на площади повесят.

Д а я н а т.
Мы проиграли, значит.
Р а х м а н.

Поспешай,
Авось, и выйдет что-то невзначай.

Уходят.

А й п а р а.
Ступайте, пусть ведет удача вас,
Пусть сам создатель помощь вам подаст.

Входит Л о г м а н.

Л о г м а н.
День добрый, дочка.

А й п а р а.
Добрый день, отец.
Ну, как?

Л о г м а н.
Большая радость, наконец.
Я только что оттуда. Я так рад...

А й п а р а.
Чему?
Л о г м а н.
Оплакан нами Даянат,
А он не умирал, а он живой.
Напрасно убивались мы с тобой.

Пауза.
Муса сказал, что Даянат давно
В делах и мыслях с нами заодно,
И принца он готовил осторожно,
И плен, и гибель разыграл нарочно.
Ты вроде бы не рада?

Пауза.
Что с тобой?
А й п а р а.
Известно было мне, что он живой.

Л о г м а н.
Ты знала?
А й п а р а.

Да.
Л о г м а н.
Но почему ж тогда
Не поделилась с самого начала?
Выходит, ты и далее б молчала?

Пауза.
А знает ли отец его, Захид,
Что сын его любимый не убит?

А й п а р а.
Нет, он не знает.
Л о г м а н.
Держите впотьмах?

А й п а р а.
Отец, намеревались мы на днях
Тебе открыться и просить совета.
Допустим, мы Захиду скажем это,
Поможет ли он сыну по-отцовски?
Л о г м а н.
Исключено. Святоша горд чертовски,
Что сын его погиб во имя веры,
И вдруг развеются его химеры.
Такую не потерпит он поруху,
К тому же у него не хватит духу.
А й п а р а.
А если бы с тобой стряслось такое —
Принес бы в жертву ты дитя родное?
Л о г м а н.
У каждого — свой взгляд на жизнь.
А й п а р а.

Но он —
Отец, что смертью сына удручен.
Л о г м а н.
А что же Даянату — не пойму —
С отцом не повидаться самому?
А й п а р а.
Он говорит, исламом так пропитан
Отец мой, сан высокий заслужив,
Что будет правдой обо мне убит он,
Уж лучше пусть не знает, что я жив.
Л о г м а н.

Пожалуйста. Такого господина
Кто ж знает лучше собственного сына!
А й п а р а.
Отец, мне о хеллаче расскажи.
Л о г м а н.
Его влекли большие рубежи.
Везде, всегда, и признан, и гоним,
Он жил согласно помыслам своим.

Сегодня он, возвысаясь над людьми,
Жизнь отдает во имя Насими.

Входит Чалпапах.

Чалпапах.

Привет, земляк.

Логман.

Привет тебе, привет.

Чалпапах.

Не узнаешь?

Логман.

А в том и нужды нет.

Любой земляк равно желанен нам.

Чалпапах.

Я — Чалпапах, я из села Мельгам.

Логман.

Прости, что сразу не узнал тебя,

Я часто-часто вспоминал тебя.

Но вспоминал-то я тебя таким,

С каким расстался, — юным и лихим.

У мира же извечная игра:

Отнять сегодня то, что дал вчера.

Ты изменился, брат, за годы эти.

Чалпапах.

Да кто ж не изменяется на свете?

Логман.

Глянь, доченька, взглядишь в орла седого,

Друг юности со мною рядом снова.

(Обращается к Чалпапаху.)

Благословляю даже пыль дорог,

Что привели тебя на мой порог.

Я рад, что вижу вновь тебя, мой брат,

Ты мне расскажешь обо всем подряд,
Но Расскажи о родине сперва.

Чалпапах.

С уходом Фазлуллаха наш Ширван
Утратил славу прежнюю свою.

Логман.

Не вытерпел и я в родном краю,

С тех пор и обретаюсь на чужбине,

Но клятве нашей верен я поныне.

Ты тоже, брат, не усидел в Мельгаме.

Сюда какими занесло судьбами?

Чалпапах.

Я толком объясню тебе сейчас,

Ты не сочти пространым мой рассказ.

Крестьянствовал мой сын у нас в Мельгаме

И кое-как сводил концы с концами.

Был работающим, но не боевитым.

И вдруг примкнул к мятежным хуруфитам.

Забыл о земледелье, о крестьянстве.

Как Насими, гонимый ветром странствий,

Покинул дом, пошел по белу свету

И в проповедях следовал поэту,

Беседы вел со всякими людьми,

Распространял ученье Насими.

Логман.

Ну, что ж,

Не на отца ли сын похож?

Чалпапах.

Я не корю его, я сам когда-то

Летал повсюду за мечтой крылатой,

Теперь едва бреду за пядью пядь

С одним желаньем — сына отыскать.

Мне в Бурсе дал совет земляк один,

Что, может, здесь объявится мой сын.

И я в надежде поспешил сюда.

Такая привела меня беда.

Когда б увлекся только мой Турал,
Его б я легкомысленным назвал,
Но обошел я весь Азербайджан,
Растет среди селян и горожан
Влиянье хуруфитского ученья.

Л о г м а н.

Да, в этом и Галеп — не исключенье.
Выходит, это — не пустая блажь,
А правда, что народ примет наш.

Ч а л п а п а х.

Выходит, так.

Л о г м а н.

Да, время изменилось.

Ч а л п а п а х.

Мне сына разыскать бы, сделай мплость.

Л о г м а н.

Я завтра дам тебе проводника.

Ч а л п а п а х.

Вот это превосходно.

Л о г м а н.

А пока

Изволь, располагайся, ты — мой гость.

В скитаниях намаялся, небось.

Логман с Чалпапахом удаляются в боковую комнату. Входит П р и н ц.

А й п а р а.

Неужто, принц, ты весть несешь худую?

П р и н ц.

Впустую все труды мои, впустую.

Да что ж я мог поделаться, если он

Был страха смерти начисто лишен.

Того, кто во вражде с самим собою,

Не примирить и слезною мольбою.

Над ним Коран читали, он же в знак

Упорства трижды крикнул «аналь-хагг»!

И на меня прощально поглядел,
И молча петлю на себя надел.
И жизнь последней искрой проблеснула.
И — все. И человека вмиг не стало.

А й п а р а.

Как так — не стало? Он остался! То есть,
И жизнь, и смерть — не больше, чем условность.

Они в словесном нашем обиходе.

Но их же нет и не было в природе.

Есть человек и поиск его вечный
Своей исконной сути человеческой.

П р и н ц.

Три дня, три ночи тело святотатца

На виселице будет оставаться, —

Так наш Захид-законник повелел.

А й п а р а.

Ну, есть же и терпению предел,

Или конца терпению не будет —

Невыносимый гнет выносят люди!

П р и н ц.

Молчи! Ни слова! Глух отныне я,

В расправе над Мусой повинен я.

Из-под дождя я в ливень угодил,

Из лап уйдя, под бивень угодил.

(Пауза, размышляет вслух.)

Не понимаю — что за человек!

Бесценна жизнь, а он ее отверг.

Коль сердце у него обычным было,

Откуда же бралась такая сила?

Нет, смертный быть не может столь сил.

И вряд ли вновь придет такой, как он.

Он был порывом с головы до ног,

Он и меня увлечь отчасти смог.

(Размышляет, внезапно оборачивается к Айпаре.)

Нет, я не верю в символ «аналь-хагг»
Перечит богу тот, что мыслит так.

(Снова пауза, размышляет вслух.)

Но силой духа, смелостью строптивца
И странностью нельзя не восхититься.
Что это означает — ты не знаешь?

А й п а р а.

В себе самом ты бога постигаешь.

П р и н ц.

Провозглашая «аналь-хагг», он стал
В моих глазах высокогорным кряжем,
А высший из сановников — так мал,
Что с кучкой праха не сравнился б даже.
И тут я понял, что такое смелость,
И зрелище в душе запечатлелось.
Постичь пытаюсь — богом мощь такая
Дается человеку, иль порой
Сам человек способен, вырастая,
Так высоко подняться над собой?

Входит Логман.

Л о г м а н.

Принц, добрый день!

П р и н ц.

День добрый. Вас, учитель,
На площади я так и не увидел.

Л о г м а н.

Я узника пред казнью посетил,
А остальное — выше моих сил.

Входят Даянат и Рахман. Принц пристально всматривается в Даяната.

Л о г м а н.

Даянат!

Д а я н а т.
Учитель мой, уstad!
Л о г м а н.

Голубчик,
Как я рад, о как я рад!

П р и н ц.

Что такое! Это — явь, иль сон?
Даянат ли это, иль не он?
Кажется, опять нахлынул бред...

Д а я н а т.

Нет, перед тобой не призрак, нет,
Я, как говорится, во плоти.

(Приближается к Принцу.)

А за скрытность ты меня прости.
Посвятить тебя тогда же, там
Я не мог, ты понимаешь сам.

П р и н ц.

Верится с трудом, но это — он.
Это въяве — он. Я потрясен.

Д а я н а т.

Откровенно говоря...

П р и н ц.

Постой,
Богу воздадим за жребий твой.

(Обнимаются.)

П р и н ц.

Многое теперь понятно стало,
Но загадок все еще немало.

Д а я н а т.

Что ж не ясно?

Пауза.

Иль с твоим умом
Трудно было убедиться в том,

Что себя нашел я в хуруфизме
И его считаю делом жизни?

П р и н ц.

Это мне известно и давно,
Неизвестно ж по сей день одно:
Плакать иль смеяться, сознавая,
Что в стране нескладница такая.
Если сын Захида — хуруфит,
Полное безбожье нам грозит.

Д а я н а т.

Хуруфизм не отвергает бога.

П р и н ц.

Как же чтить он полагает бога?

Д а я н а т.

Там, где к человеку нет любви,
Не ищи ни бога, ни святыни,
Поиски упорные твои
Будут безнадежней, чем в пустыне.
Только в человеческой груди
Тяга зарождается святая,
К боголюбью следует идти,
С человеколюбья начиная.

Л о г м а н.

Не любой — с рождения — герой,
Человек и робок, и отважен,
Совершает подвиги порой,
Сам того не замечая даже.

А й п а р а.

Вот же — Насими. Любое слово
Отчеканил он на сотни лет.
Он умрет, исхода нет иного,
Но его твореньям смерти нет.
Сам творец в смущенье входит тоже
Рядом с человеком иногда:
Смертен человек — создание божье,
Делу ж человека смерть чужда.

П р и н ц.

Но творящим вечное искусство
Бог же даровал и ум, и чувство.

Д а я н а т.

Погоди. Ответь по чести мне:
В этой попираемой стране
Что находит, кроме униженья,
Человек, достойный уваженья?

П р и н ц.

Что сказать, ты прав. Но где пути,
Разве можно от судьбы уйти?

Д а я н а т.

Человек, стремящийся в полет,
Участь свою пересоздает.

П р и н ц.

Значит, в человеческой природе —
Сущность и творенья, и творца?

Д а я н а т.

Да, он и телесен, и бесплотен,
Граням и оттенкам нет конца.

П р и н ц.

Мудрено, туману слишком много,
Но не будем отступать от бога.

Д а я н а т.

И однако так велит он сам.

П р и н ц.

Быть его рабами должно нам.
Это наипервый нам завет.

Д а я н а т.

Богу в раболепье нужды нет.

Л о г м а н.

Дал разум бог нам милостью своей,
Чтоб с тварями другими не смешались,

Бог для того и создал нас, людей,
Чтоб мы к нему тянулись, возвышались.

Входит Рахман, прислушивается к их разговору.

Принц.

Но ты, уstad, до нынешнего дня
Скрывал премудрость эту от меня.

Логман.

Я многое внушал тебе не раз
И снова говорю тебе сейчас:
Нет, я не хуруфит, не богослов,
Я постоять за истину готов.
Где правда, там и я, не в стороне,
Противны ложь и лицемерье мне.
Я истину признал моей богиней
И поклоняюсь только ей поныне.
Во благо нам мышление дано,
Людей людьми и сделало оно.
И ты вершины знаний покоришь,
Избрав опорой мысль, а не фетиш.

Принц.

Да вы во взглядах сходитесь всецело,
Дворец не знает, что в стране назрело.

Логман.

Вот вместе вы и собрались опять,
Друг друга вам любить и понимать.

Даянат.

Вот это трудновато.

Айпара.

Отчего же?

Даянат.

Не течь потокам розным в общем ложе.

Рахман.

Ну, если принц поступится чуток,
Его поток вольется в наш поток.

Принц.

Но я пока не искривлял свой путь.

Даянат.

Ты слишком неподатливым не будь.
Он тоже не смирил своей гордыни
И пострадал. Такое время ныне.

Принц.

Постой, а он мне вроде бы знаком.

Рахман.

Беда мне с этим вздорным языком.
Я сын и внук крестьянский, земледелец.

Принц.

И взятки брать-давать большой умелец.

Рахман.

Прости великодушно. Там, в подвале,
Мы о твоём приходе разузнали,
И с целью испытать тебя, как принца,
Осведомлен ли, что в стране творится,
Умышленно, как взяточник-прохвост,
Я плел в ответ на твой прямой вопрос.

Принц.

И что же?

Рахман.

Решено наверняка,
Что в школу жизни ты не вхож пока.

Принц.

Вхожу. Не тороплюсь. Вперед смотрю,
Оглядываюсь.

Логман.

Я же говорю —
Гораздо лучше к делу приступить.

Принц.

Извольте.

Логман.

Сын мой!

П р и н ц.
Я теряю нить...
Л о г м а н.
Немного не в себе сейчас мы все.
Ты вспомни, что ты обещал Мусе.
П р и н ц.
Я слово дал хеллачу, что в темнице
Не долго будет Насими томиться.
Д а я н а т.
И мы того же самого хотим.
Р а х м а н.
Но я пришел с известием другим.
А й п а р а.
С каким таким другим?
Р а х м а н.
(кивая на Даянату).
Его папаше
Дополнить пожелалось горе наше.
Велел он мать Мусы, старуху-мать,
Немедля изловить, под стражу взять.
Удумал он по-своему неплохо.
Какой разумник, а, какой пройдоха!
Л о г м а н.
Хорошего в известие этом мало.
Р а х м а н.
Да, старая заложницею стала.
Захид же объявить велел погромче,
Коль чести запятнать своей не хочет,
Муса такую не снесет обиду,
И, мать спасая, сам придет к Захиду.
А й п а р а.
Час от часу не легче, боже мой!
Д а я н а т.
Они считают, что Муса — живой
И, чтоб на волю выпустили мать,
Себя он не заставит долго ждать.

А й п а р а.
Коль вы ей не поможете, она
В темнице умереть обречена.
Л о г м а н.
Что следует немедля предпринять?
Д а я н а т.
На принца мы надеемся опять.
П р и н ц.
Что ж делать. Вновь пойду на хитрость я.
А труп Мусы кто сможет выкрасть?
Р а х м а н.
Я!
Д а я н а т.
Нет, я уже обдумал это дело,
Исчезнет ночью с виселицы тело.
Л о г м а н.
С почетом будет погребен покойный.
Ступайте. Вами избран путь достойный.

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Темница. Страж с перевязанной головой вводит II Насими.

С т р а ж.
А ну-ка, поживей! Ишь, тоже гусь!
(Толкает II Насими.)
II Н а с и м и.
Зачем же подгонять, я не плетусь,
Нельзя ль без рук?..
С т р а ж.
Заткни-ка свой фонтан!
На что-нибудь мне тоже разум дан

И мысли, что толкается в мозгу,
Я волю дать могу, иль не могу?

II Н а с и м и.

Толкает, значит, мысль тебя к тому,
Чтоб подневольных вталкивать в тюрьму?

С т р а ж.

Эй, если даже ты мудрей, чем змей,
Язвить меня ты все-таки не смей!
Да если бы умом я недобрал,
Над умниками я б не надзирал.

II Н а с и м и.

Свидетельство тому и облик твой.
А что это с твоею головой?

С т р а ж.

А разве ты еще не пòнял сам,
Что бьют как раз по умным головам?
Ты что, чудака, с луны свалился, или
Не слышал, как на днях меня побили?

II Н а с и м и.

За что?

С т р а ж.

Присловье есть такое:
Бараны подерутся меж собою...

II Н а с и м и.

Пастух метнет в барана-забияку,
А палка попадет как раз в собаку.

С т р а ж.

Побили и ушли...

II Н а с и м и.

А как же он?

С т р а ж.

Кто — он?

II Н а с и м и.

Кто был со мною заключен?

С т р а ж.

Приятель твой предстал перед судом...
(Вдруг, подумав о чем-то, замолкает.)
Почем мне знать, что стало с ним потом,
Но если разузнать тебе желанно,
Вынь кошелек из дальнего кармана.
И пару-тройку беленьких мне кинь.

II Н а с и м и.

Какая подлость! Прочь отсюда, сгинь!

С т р а ж.

Без денег ни к чему мне благородство,
А с деньгами и подлость — превосходство.

Входит П р и н ц. Страж при виде его растерялся.

Ты у меня не выудишь ни слова,
Нарвался, хитрован, не на такого!
Мы честно служим, тайн не выдаем,
Не хлопочи!..

П р и н ц.

Оставь-ка нас вдвоем.

Страж удаляется.

II Н а с и м и.

Что стало с ним?

Пауза.

Ведь Насими — не он,
А тот, кто с вами...

П р и н ц.

Я осведомлен.

II Н а с и м и.

Так где же он? Я знать хочу, ответы!

П р и н ц.

Венцом его желаний стала смерть.

Он словно б вырвал для себя покой,
За Насими пожертвовав собой.

II Н а с и м и.

А кто же был на самом деле он?

П р и н ц.

Муса-хеллач. На гибель обречен,
Он все равно б лишился головы.

II Н а с и м и.

Муса? Иль правду скрыть хотите вы,
Иль в заблуждение ввел покойный вас.

П р и н ц.

Когда-то он меня от смерти спас.
Я видел его близко пред собой,
Тут места нет ошибке никакой.

II Н а с и м и.

Он спас тебя, а ты его не спас?
Так отвечают на добро сейчас?

П р и н ц.

Я умолял его, я спорил с ним,
Но оставался он непоколебим,
Одно и то же повторял упорно,
И повторял без дрожи, непритворно:
«Пусть вместо Насими покину свет,
Лишь только бы на свете жил поэт!»

II Н а с и м и.

Довольно! Замолчи! Ни слова больше!
Вконец извращено ученье божье!
Из-за меня погиб несчастный тот,
Уж лучше б я взошел на эшафот!

П р и н ц.

Какой вам прок от этого? Ей-ей,
Чисты вы перед совестью своей.

II Н а с и м и.

И вновь меня осилил он,
Я поражен, я побежден.

П р и н ц
(в изумлении).

Да разве можно смерть победой счесть?

II Н а с и м и.

Иные меры в нашем мире есть.
Противника, что в сотни раз сильнее,
Тот побеждает волею своей,
Кто смертью преждевременною даже
И дело совершит, и слово скажет.

П р и н ц.

Значит, надо смерть считать
наивысшей целью вашей?

II Н а с и м и.

Нет, напротив — жизнь считать
надо высшей целью нашей.

Цель возникает не сама собою,
Отнюдь не с неба падает она,
А жизненной потребностью, земною,
Бывает каждый раз порождена.
Льется кровь невинных жертв,
Знай же, из кровавых рек
поднялось ученье наше,
Из темниц, из мрачных ям,
Где поруган человек,
поднялось ученье наше.

Мы достоинство хотим
человеку возратить,
Говорим: «сумей в себе
человека возродить!»

И когда запрещено
человеку думать даже,
И когда его мечты
в сердце, будто бы под стражей.
И когда оскорблена
самая святая страсть,

И когда, беснуясь, ложь
правду втаптывает в грязь,
Как же допускает бог,
чтоб венец его творенья
Пресмыкался, аки тварь,
обрекаясь на презренье?!
Угнетенный человек
превращается в отребье,
Прозябает на земле,
а ему бы реять в небе!
Во главе угла у нас —
человек и человечность,
Честь, достоинство, любовь,
дружелюбие и сердечность.
Помнить должен человек
о высоком назначенье.
Понимаешь ли теперь
сущность нашего ученья?
П р и н ц.
Понимаю лишь одно:
время повернуло вспять,
Я же слову своему
не намерен изменять.
Перед гибелью Мусы
мною обещано ему
Избавленье Насими.
Вот я и пришел в тюрьму,
И, пожалуйста, пойми,
очень правильно пойми,
Покарали не Мусу.
И Н а с и м и.
А кого же?
П р и н ц.
Насими!
Ты ж без памяти влюблен
и в затмение, сгоряча

Принял ересь Насими
ради дочки богача.
Так вчера, о Насими,
ты отцу представлен мной.

Пауза.

Почему же ты молчишь?
Или хочешь возразить,
или ход нашел иной?

И Н а с и м и.

Я не возражаю, но...

П р и н ц.

Никаких не знаю «но».

Мы поступим только так,
нам другого не дано.

Входит З а х и д.

З а х и д

(И Насими).

Ты, как прежде, Насими,
иль другое принял имя?

О, всевышний, помоги
мне управиться с такими!

И Н а с и м и.

Я сказал: я — Насими,
от смешков своих — уволь.

У меня в груди весь мир,
вся печаль его, вся боль.

З а х и д.

Как же это в грудь свою
ты впихнул такую гору?

А тебе не о других,
о себе поплакать в пору.

Видно, про таких, как ты,
неумных неумех

Говорят: и смех, и грех,
Толком клецек для себя
нашипать не удастся,
А поди ж, на целый мир
нарезать лапшу берется.
Глянь на тучи, что висят
над твоею головою,
И подумай о ветрах,
что промчатся над тобою.

II Н а с и м н.

Не стражай. Не в первый раз
смерть забрать меня грозитя,
Это ты поднимешь вой,
если вдруг лишат мизинца.
Если б твердо верил в то,
что вещаешь принародно.
Не боялся бы и ты
умереть когда угодно.
(Захиду).

Это — козни сатаны.
Ничего, и это тоже
Не могло б произойти,
если бы не воля божья.
Вековечный, четкий круг
начертал всевышний сам:
Возникающему здесь
суждено исчезнуть там.
Ну, а если человек
столь могуч, изволь, — при мне
Стать зимою прикажи
расцветающей весне.
Что такое человек,
чтобы мог нарушить он
Всеобъемлющий закон,
что всевышним освящен!

II Н а с и м н.

Для того на белый свет
человеком я рожден,
Чтобы в мире утвердить
человеческий закон.
Есть в лучах небесных звезд
и моя земная сила,
Я — в собрании светил
полноправное светило.
Я поистине велик,
высотой превосходя
Наибольший горный пик.

З а х и д.

Если холм назвать горой,
разве стать горой холму?
Если человек высок,
есть ли смысл твердить ему
О его же высоте?
Не излишни ль речи те?

II Н а с и м н.

Но когда унижен он,
Высоты своей лишен,
Надо же кому-нибудь
Человека всколыхнуть,
Чтобы вспомнил он свою
человеческую суть!
Невозможно на земле
сосчитать существ живых,
Человек разумный есть
наивысшее из них.

З а х и д.

Ну, коль скоро разум так
превозносишь ты, бахвал,
Самым умным на земле
ты, скажи, кого б назвал?

И Н а с и м и.
Это — тот, кто путь избрал
и рассудком, и душой.
З а х и д.
А, по-моему, умен
тот, кто ум скрывает свой.

П р и н ц.
Прекратите! Хватит слов!
Дело есть, оно не ждет.
(Вручает Захиду указ об освобождении И Насими.)

И Н а с и м и.
Государству, где царят
необузданность и гнет,
Возвышенья не достичь,
не унизив человека.

З а х и д.
Это кто ж унижен нами?

И Н а с и м и
(Захиду).
Женщину сажать в тюрьму —
есть такой закон в исламе?

З а х и д.
Есть!
И Н а с и м и.
Бессовестная ложь!

З а х и д.
Ты куда, любезный, гнешь?
И Н а с и м и.
Мать Мусы в тюрьме, плъ нет?

З а х и д.
Да, под стражею у нас.
Как появится сынок,
мать отпустим в тот же час.

И Н а с и м и.
Отпусти ее!

З а х и д.
Она
Будет освобождена,
Но приманкою пока
Пусть послужит для сына.

И Н а с и м и.
Безнадежен этот ход.

З а х и д.
Почему?
И Н а с и м и.
Смышлен ты очень.

З а х и д.
Что сказать ты этим хочешь?

И Н а с и м и.
Мертв Муса.

З а х и д.
Давно б сказал,
Мы бы траур объявили.
П р и н ц.
Да, мне тоже донесли,
что Мусу на днях убили.

З а х и д.
Он убит? А где же труп?
Кто убил? Где тот молодчик,
Иль не хочет денег он,
или почестей не хочет?
Это — слухи, ложный звон.

И Н а с и м и.
Так и знай: не Насими
был на площади казнен.

З а х и д.
Что?

П р и н ц
(И-му Насими).
Очнись!

Захид.

Что ты сказал?

И Насими.

То, что слышал ты, Захид.

Принц отводит Захиду в сторону.

Принц.

Он рехнулся от любви,
мало ль что наговорит...

Захид.

Хорошо, а кто ж она,
что в придурка влюблена?

Принц.

Есть одна...

(Захид подозрительно осматривает их. II-му Насими.)

Захид.

И кто ж вчера
был казнен?

И Насими.

Хеллач Муса.

Захид.

Вот какие чудеса!

Ну, а кто же Насими?

И Насими.

Я!

Принц.

Ты видишь, как с детьми,
С нами он игру завел...

Захид.

Нет! Я чувствую, что здесь
Скрытый смысл какой-то есть.
Стало быть, ты — Насими?

И Насими.

Да.

Захид.

Ну, что же, на душе

Легче стало у меня.

Значит, отомстил уже

Я за сына своего,

Сам не ведая того.

Что ж, вчера казнен Муса —
завтра Насими казним.

Принц.

Опознание проводи

прежде, чем покончить с ним,

Вдруг допустишь промах вновь
и свою уронишь честь.

Захид.

Опознание, говоришь?

Есть свидетельница, есть!

(Задумывается. Вдруг, словно бы что-то найдя, оборачивается ко II Насими.)

Я на площадь отведу

из тюрьмы старуху-мать,

Чтоб повешенного ей

хорошенько показать.

Если сына своего

опознает в том она,

Значит, этот — Насими.

И задачка решена.

Захид удаляется. Принц хватается II Насими за ворот, трясет его.

Принц.

Что ты наделал? Что ты натворил?

Ты к смерти сам себя приговорил!

А дело к твоему спасенью шло,

Но ты его испортил, как назло.

Подумай только, человек какой

Из-за тебя пожертвовал собой!

Его святую память оскорбил
Так, словно бы его ты вновь убил!

И И а с и м и.

Я был стальным... Но согнут, сломлен я
С тех пор, как он погиб вместо меня.
Мне тяжело теперь, а каково
Пришлось несчастной матери его?!

П р и н ц.

О, какая мощь в тебе!

Я повержен. Признаю.

Велика душа твоя,

ум безбрежен. Признаю.

(Опускается на колени.)

Я во прахе дни влачил,

ты вознес меня в зенит,

Ты — мюршид, вожатый мой,

я — послушник, я — мюрид.

В мир таинственный введи,

от опасностей храня,

Ты — мой бог, ты возродил,

создал заново меня.

И И а с и м и.

Встань. Мы ищем слов таких,

чтобы пламень их не гас,

Ты же — завтрашний эмир,

должен помнить, что у нас

Шахство принято считать

за большое унижение,

А мюридство — это взлет,

истинное возвышение.

П р и н ц.

Да теперь и для меня

никакого смысла нет

В том, что мне эмиром стать

предстоит с течением лет.

И И а с и м и.

Вот теперь на краткий миг

ты сумел осилить зло,

У тебя в душе добро

победило, превзошло.

Кто наследственный венец

пожсав с себя сложить,

Хочет душу увенчать,

хочет истине служить,

Измениться должен тог,

прежде, чем его слова,

И пройти горнило мук —

наша мудрость такова,

Только зрелый человек

понимает свой удел,

Ты же, не познав азов,

стать мюридом захотел.

П р и н ц.

Я — такой же человек,

что и множество людей.

Если б то, что пережил

я в течение этих дней,

Рассказал мне кто-нибудь,

не поверил раньше б я,

Посчитал бы за поток

несусветного вранья.

Но со мною наяву

это все происходило —

Хилость превращалась в мощь,

в слабость превращалась сила,

Я услышал правду тех,

что неправыми считались,

И познал единство всех,

что разрозненно скитались,

Я увидел подлость тех,

что высокими казались,

И увидел твердость тех,
что нестойкими казались.

В долгой спячке пребывал —
отхожу от забытья,

Непонятное досель
хорошо усвоил я.

Оказалось, что всю жизнь
я невесть чему молился,

Потрясение испытав,
я прозрел, я изменился.

И Н а с и м и.

Хорошо. Тогда ответь
на вопрос сперва такой...

П р и н ц.

Твой мюрид тебе, как раб,
внемлет, о наставник мой.

И Н а с и м и.

Труп на площади сейчас
опознает сразу мать.

И, конечно же, Захид
разбушуеться опять,

И к Эмиру побежит
уличать тебя во лжи,

Что ответишь ты отцу?
Мне заранее скажи.

П р и н ц.

Там у каждого — свое,
и забота, и резон,

И какое горе им,
если вместо Насими
был другой бунтарь казнен?

Оба для дворца страшны,
и дворец избудет страх,

Их обоих умертвив
и предав проклятью прах.

И Захиду все равно
в размышлении таком,
Кто из них убит сперва,
кто поплатится потом.

И Н а с и м и.

Только смерть тебя страшит,
не боишься жизни ты,

И не чувствуешь, что в ней
слишком много пустоты,

Но на свете люди есть,
что избрали тяжкий путь, —

Жизнь пустая их страшит,
смертью их не ужаснуть.

П р и н ц.

О, наставник мой!

И Н а с и м и.

Не лъсти,
А признайся, почему
ты решил меня спасти.

П р и н ц.

Я говорил уже, что предо мной
Сначала цели не было иной,
Чем исполнение слова своего,
Что дал Мусе пред гибелью его.
Потом, тебя увидев и узнав,
Я убедился, что Муса был прав,
И принял я учение твое,
И проклял заточение твое.
И снова говорю: Муса был прав,
Смерть вместо Насими себе избрав,
Но прав ли ты, платя такой ценой
За жизнь старухи, что ногой одной
На этом свете, а другой — на том?
Уверен ли ты в выборе своем?
Оправданна ль, скажи, такая мена,
Меняемое разве равноценно?

II Н а с и м и.

Она — земля, родительница, мать —
Возможно ль ценность бо́льшую назвать!
Меня, собрата смертного ценя,
Муса пошел на смерть из-за меня,
А я на смерть согласен ради той,
Что жизнь дала Мусе и мне с тобой.

П р и н ц.

Я снова между двух огней сейчас.
Добра желая каждому из вас,
Наталкиваюсь я, увы, на зло,
Я тоже человек, мне тяжело.
Муса не думал, так подумай ты,
Мне каково от вашей правоты,
Как примириться с тем, что я в долгу
Опять останусь, ибо не могу
Тебя спасти, хоть обещал ему,
И грех великий на душу приму.

II Н а с и м и.

Услуга за услугу — мало тут
Того, что добродетелью зовут,
И в возвращенье долга есть корысть,
Ты сам заметишь, только присмотрись.
Не вышел срок
И ты еще далек
От пониманья, что добро творят
Не ради искупленья иль наград.
По-моему, ребенок ты еще,
Не вышел из пеленок ты еще.

(Принц опускается на колени.)

Колени гнуть не надо предо мной.
О, путник опрометчивый, усвой:
Кто неготовым выйти в путь решает,
Тот заповедь святую нарушает.

З а х н д.

Это что еще такое?

Что я вижу, боже мой!
Если ересью державу
охватило, как чумой,
Если сам принц наследный
трон с короной отдает,
Значит, рушится последний,
самый прочный наш оплот.
А на площади старуха
подняла истощный вой,
Сына мертвого увидев
у себя над головой.
Это был Муса — мятежник,
никакой не Насимн,
Мы оплошностью досадной
осрамились пред людьми.

(Принцу.)

Я единственного сына
потерял из-за тебя,
О твоём печемся благе
мы, добро свое губя,
Ты ж на мельницу чужую,
как нарочно, воду льешь,
Будто враг, свое богатство
обрекаешь на грабеж.
Что ж ты воду ледяную
в свой кипящий льешь котел,
Нас обманывать стараясь,
ты же сам себя провел!
Ладно. Я пошел. Посмотрим,
что еще пошлет судьба,
Изменить ли волю божью
волей божьего раба?!

Захид выходит, но прячется в соседней келье, подслушивает.

П р и н ц.
Спасена старуха-мать,
Что вы можете сказать?

Пауза.

Ждите вечера, а там
Я побег устрою вам.

Принц уходит. II Насими задумчиво рассказывает. Захид появляется из своего укрытия, *(стражу)*.

З а х и д.
Его — немедленно в каменный мешок.
А ключ мне в руки. Понял? И — молчок.
(Входит в темницу.)

Итак, ты — Насими?
II Н а с и м и.
Собственнолично.

З а х и д.
Ну; что ж, отлично, если так. Отлично.
Ты богом был, ты духом был сначала,
А это первым делом означало,
Что ты неосязаем и незрим,
Ни с чем на свете не соизмерим,
Зачем ты зримым стал, обретши плоть,
И дал себя тем самым побороть?
На бога гляньте, бога ради! Бог
Избегнуть западни простой не смог!
Оставь надежду выбраться из сети,
Ты будешь вздернут завтра на рассвете.
Я долго ваши происки терпел,
Но всякому терпенью есть предел.
Когда переполняется сосуд,

Вода и пена через край текут.
Сиди теперь и жди восхода солнца,
Он для тебя закатом обернется.

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

Площадь. На ней главенствует виселица. Справа — Логман и Айпара. Слева появляется Принц.

А й п а р а.
Принц? Что случилось?

Пауза.

Что с тобой?

Пауза.

Л о г м а н.
Сынок,
Скажи, в чем дело?
П р и н ц.
Все труды не впрок.
Наш замысел расстроен. Насими
Содержится за прочными дверьми.
Захид опередить себя не дал
И в тайный перевел его подвал.

Л о г м а н.
А, может быть, со стражем...
П р и н ц.

Я вчера
И злата посулил, и серебра,
Но страж смеется, мол, себя не мучь,
Не у меня, а у Захида ключ.

А й п а р а.
Так как же быть?
П р и н ц.
Не приложу ума.
Что можно сделать — посуди сама.
Вчера ему объявлен приговор.
Сегодня — казнь.

А й п а р а.
Захид некстати скор.
П р и н ц.
А вот, изволь, и виселица.
Л о г м а н.

Нам
Нельзя ли как-нибудь...
П р и н ц.

Он сам же, сам
Испортил дело, что на лад пошло,
Назвал себя, как будто бы назло,
Упорствуя в признании своем,
Завел игру смертельную с огнем.

Появляются крестьяне.

Л о г м а н.
Они — сюда. Давайте отойдем.

Принц, Айпара и Логман удаляются.

С у б х а н.
Я не могу понять, каким путем
Похитили отсюда труп, иль стражи
Сюда и не поглядывали даже.

Р а х м а н.
Нет, четверо их было у стены,
Один подкуплен, трое споены.
Ну, вот — ведут.

К е р а м е т.
А сам ли это он?
С у б х а н.
О том один аллах осведомлен.
К е р а м е т.
Не верится, что это он и есть.

Выходит Захид, твердя молитву. За ним — И Н а с и м и, слева
и справа сопровождаемый стражами.

З а х и д.
О, мусульмане, проповедь прочесть
Я должен до начала казни вам,
А вы старайтесь внять моим словам.
Во-первых, в честь пророка — салават!

Все совершают салават, проводят по лицу ладонью с оттопыренным
большим пальцем, прижимая его по достижении подбородка.

В загробном мире есть и рай, и ад.
Тот, кто не верит в наш Коран священный,
Наказан будет огненной геенной.
Кто отступает от Корана, тот
На этом свете кару понесет
И мир потусторонний потеряет.
Пусть каждый смертный это повторяет!
Немного лет тому назад казнен
Презренный Фазлуллах и проклят он,
Как нечестивец, что попрал святыни.

П о э т.
Он не был святотатцем.

Р а х м а н.
Мы поныне
Его, святого, в памяти храним.
С у б х а н.
Мы головы склоняем перед ним.

Подозрительный.
Да, Фазлуллах не позабыт людьми,
А мы недавно вместо Насими
Мусу казнили...

Р а х м а н.

Где же правда тут?

З а х и д.

Нас обманули.

К е р а м е т.

Кто?

З а х и д.

Казненный плут,
Хеллач Муса, пройдоха и смутьян.

Р а х м а н.

А что ж судья поддался на обман?

К е р а м е т.

Он сам себя, быть может, оболгал?

С у б х а н.

Так что, вам трезвый ум не помогал?

З а х и д.

Спокойствие! Хоть мы и промахнулись,
В конечном счете мы не обманулись.
И правда с нами, честными людьми.
А это перед вами — Насими.

Р а х м а н.

Не первого желают сжить со света,
Которым же по счету будет этот?

К е р а м е т.

Тринадцатый.

С у б х а н.

Недоброе число!

З а х и д.

Ну что ж, не нам — ему не повезло.

Выходят Эмир, Принц, Везир, придворные и Логман. Царю
кланяется Эмиру.

Эмир изволил появиться здесь,
Для нас его приход — большая честь.
И знайте, люди, это появление
Дарует нашим душам просветленье.

Р а х м а н

(на ухо Керамету).

Горбатит наши спины эта честь,
Какой-нибудь предел ей тоже есть?

З а х и д.

Куда глядят ученые — не знаем,
А ересь разъедает белый свет,
Но помните: Коран непререкаем,
Корану в толкованьях пужды нет.
А толкованье — скрытое старанье
Оспорить изреченное в Коране.

П о э т.

Пусть человек, постичь себя желая,
Всю жизнь исканью истины отдаст
Не понимаю, отчего такая
Боязнь правдоискательства у вас!

З а х и д.

Я еще раз напоминаю вам:
Ислам един, нерасторжим ислам.
Един Коран, а также вкупе с ним
И шарият един и неделим.
И нет ученья, кроме шарията,
Поскольку нам иного и не надо.
Ислам всеобщ, не делится на части,
Аллах ни с кем не разделяет власти,
Единственный, которым нам Коран
Через пророка избранного дан.
А те, что сомневаются в Коране,
Пересмотреть пытаются писанье,
Что неприкосновенно искони,
Еретники, безбожники они.

И Н а с и м и.

Захид, ты, безусловно, знаешь,
Общеизвестно испокон,
Что человек — создание бога
И божий сын по сути — он.
Но как же, отвергая сына,
Ты полюбил его отца,
Но как же, отрицая книгу,
Ты полюбил ее творца?
Лукавый раб, перед всевышним
Ты предстаешь с каким лицом,
Стремясь возлюбленного сына
Оклеветать перед отцом?

З а х и д.

Достоин смертной кары каждый ворон,
Что каркает: «я — истина, я — бог!»,
А сам клюет отбросы под забором,
Кошунствует, отвратен и убог.
Вот — верховод вороньего отребья,
Что отвергает веру и закон.
Здесь, в нашем славном городе Галебе,
На виселицу вздернут будет он.
Вот — Насими, безбожник. Он нездешний,
С Ширвана. Полюбуйтесь-ка невежей!

И Н а с и м и.

В чем хочешь, обвиняй меня, клейми,
Но только о невежестве — ни звука.
Помалкивай.

Ч а л п а п а х.

И это — Насими?

(Логман подтверждает кивком. Чалпапах что-то шепчет на ухо Логману. Логман пристально всматривается во

И Н а с и м и.)

Л о г м а н.

Не может быть!

Ч а л п а п а х.

Но это — так.

Л о г м а н
(Чалпапаху).

А ну-ка!..

Посторонись.

(Эмиру.)

Сиятельный эмир,
Прости, но разреши мне молвить слово.

Э м и р.

Изволь.

Л о г м а н
(И Насими).

Сынок, ты вправду Насими?

И Н а с и м и.

Да, Насими. Да, подтверждаю снова.

Л о г м а н.

Одумайся, голубчик. Жизнь прекрасна,
Зачем же отдавать ее напрасно!

(Захиду.)

Коль вы убить намерены его,
Убейте. Что скажу вам? Ничего.
Но я узнал его и клятву дам,
Что он — не Насими. Ручаюсь вам.

С у б х а н.

Как?

К е р а м е т.

Что же будет?

Л о г м а н.

Требует закон
Установить сначала, кто же он.

З а х и д.

Но ты же сам спросил его в упор
И он ответил...

Л о г м а н.

Но с каких же пор

На веру принимается, Захид,
Все то, что обвиняемый твердит?
Преступником не может быть сочтен
Тот, кто заявит, что преступник — он.
Пускай меня покинет благодать
Каабы, где сподобился бывать,
Но он — не Насими... Иль есть улики
У вас иные, мой Эмир великий?

Захид.

Он признает вину свою. К чему же
Излишний разговор, кому он нужен?
И речь твоя нехоти неупрекляема.

Логман.

Я требую от имени закона.

Захид.

Я исполняю заповедь ислама,
А ты противодействуешь упрямо,
Меж тем, как сам Эмир молчит, считая
Что воля совершается святая.
Нельзя мирянам, это же известно,
Влиять на правосудье духовенства.

Логман.

Мы тоже мало-мальски смыслим тут,
Без доказательств суд любой — не суд.
Сначала докажи!

Насими.

Ишь ты, на смерть,
И то, не просто право занимает!
А старый напирает на закон,
Так, будто бы умру не я, а он!

Захид.

Вот, молодец! Мол, сбоку не встревай!

Рахман.

Смотри, какой прожженный негодяй!
Он прежде, чем на плаху повалить,
Не преминул беднягу похвалить.

Захид
(Логману).

Посторонись!

Принц

(Эмиру).

Родитель мой, Эмир,
Великий повелитель мой, Эмир!
Коль этот человек — не Насими,
Захид переусердствовал, уйми!

Захид.

Опасней Насими стократно тот,
Кто с именем его на казнь идет.
Пускай не Насими безбожный он,
Но к смерти должен быть приговорен.

Логман.

Но шариат гласит: нельзя, нечестно
Казнить того, чья личность неизвестна.

Захид окончательно обезоружен. Воцаряется молчание. Из толпы выдвигается Чалпапах, встает перед Эмиром.

Чалпапах.

Позволь мне слово молвить, повелитель.
Я — не галевский, я — ширванский житель.

Эмир.

Ну, что ж...

Чалпапах.

Поверь Логману, властелин,
Несчастный этот юноша — мой сын.
Единственный, его зовут Турал.
Не знаю, почему он называл
Себя в Галебе именем иным.
Великодушно смилуйся над ним.

(Туралу.)

И ты скажи хоть что-нибудь, сынок

(Эмиру.)

Прости его, Эмир. Какой же прок
Тебе, коль жизни ты его лишишь?

Ту р а л.

Отец, и это ты в пыли лежишь?

Ч а л п а п а х.

Себя не жаль, а что сулишь отцу?

Ту р а л.

Отец, тебе такое не к лицу!

З а х и д.

Что скажет повелитель мой на это?

Э м и р.

Хочу спросить и требую ответа.

(*Туралу.*)

Ты ценишь смерть, а жизнью занят мало —
Неужто жизнь совсем в цене упала?

Ту р а л.

Я столько с угнетателями бился,
Что изнемог, ослабла грудь уже.
Я побежден. Я в этом убедился,
Добра не обещает путь уже.

Э м и р.

Что главным ты считал в своей судьбе-
Еще скажи: кто враг, кто друг тебе?

Ту р а л.

Нет у меня богатства, кроме слова,
Терпенья должен я набраться снова.
Я сам свой враг, сужу себя сурово,
Меня другим не ужаснуть уже.

Э м и р.

Бесстрашью удивляюсь твоему.
Ты не боишься смерти. Почему?

Ту р а л.

Аракс преодолев, достиг Евфрата,
Но пешим стал, лишась коня когда-то.
Мне жить на этом свете страшновато,
А смерти не страшусь ничуть уже.

Э м и р.

Ты посмотри, Захид, куда он гнет,
В раздоре он не с верою святой,
Его враги — мой произвол, мой гнет
И, значит, мой он узник, а не твой.

Ту р а л.

Но оправданье гнета твоего —
Угодливая проповедь его.

З а х и д.

Он закоснел, он хладнокровней змея.
Злодей неисправим — казнить злодея.

Э м и р.

Ты истину изрек, Захид почтенный.
Повесить.

Ч а л п а п а х.

Я прошу не как Эмира,
А как отец — отца, пойми меня.
Я за три года обошел полмира,
И не было ни ночи мне, ни дня.
Я шел с надеждой, с думою о сыне
И стала голова седым-седа,
Я ныне повстречал его и ныне
Расстаться с ним, проститься навсегда?!
Такой беды, что извела меня,
Не вынесут ни небо, ни земля!

Ту р а л.

Не умоляй!

Ч а л п а п а х.

А что же остается?
Отец отцу, быть может, отзовется...

Захид.

Какой отец ты, объяснять не надо,
По сыну это видно с полувзгляда.
Кяфира ты вспоил-вскормил, кяфира!

Чалпапах.

Кто ж одолел круговращенье мира!

Захид

(Эмиру).

Когда припрет, они напропалую
В своих грехах винят судьбу слепую.

(Чалпапаху.)

Вот, ты — отец, и я — отец. Однако
Отличен от тебя, как свет от мрака.
Благие сыну приводил примеры
И сын мой жертвой пал во имя веры.

Чалпапах

(Эмиру).

Седины пощади мон, сдержись,
Молиться буду за тебя всю жизнь.
Деяньем добрым убеди людей
В державной справедливости своей.

Стражи вводят захидова сына Даяната со связанными руками.

Захид

(внимательно всматривается в Даяната).

О, слава богу, это — ты, живой?

Ты внял моим мольбам, о боже мой!

(Обнимает Даяната.)

Ты связан? Погоди.

(Везиру.)

Что значит это?

Везир.

Захид, не у меня ищи ответа,
А у него.

(Кивает на Даяната.)

Эмир.

А это — кто, Везир?

Везир.

Пред вами сын Захида, мой Эмир.

Эмир.

Но он же умер...

Везир.

Оказалось, жив.

Нам изменив, хеллачам он служил.
Он с виселицы снял и труп Мусы.

Захид.

Ответь же, о единственный мой сын,
В словах Везира — правда иль навет?

Пауза.

Захидов сын — вероотступник? Нет!
Умышленно, а может, невзначай
Мой сын оболган.

Пауза.

Эмир.

Не вопи, кончай!

Каким слепцом я был, когда врага
У своего голубил очага!

Везир.

Твой сын, Захид, продан сатане.

Захид.

Такого не увидишь и во сне,
Что наяву случается, о боже!

К е р а м е т.
Отцовскую науку сын Захида
Не в ерсь обратил...

Р а х м а н.
Ну, а во что же?
П о д о з р и т е л ь н ы й.
Он в прах его науку обратил
И прах вдобавок по ветру пустил.

П о э т.
И не Захидом стал, а человеком!
Э м и р.

Приехали, Захид, салам-алейкум!
А то бубнил на свадьбе и на тризне:
«Не пожалел за веру сын мой жизни».
А он — предатель, еретик и тать,
И за него — тебе ответ держать.

З а х и д.
Не знаю, что сказать, но признаю
Вину, хоть и невольную, мою.

А й п а р а.
Принц, своего спасителя сейчас
Спаси, как он тебя когда-то спас.

Д а я н а т.
Отец, теперь, как видно, мне — конец.
Удар судьбы перенеси, отец!
У нас с тобою разные пути.
Прости меня, пожалуйста, прости.

З а х и д.
Прочь! Не желаю видеть наглеца,
Что оскорбил достоинство творца!
Тому проклятье, кто, гневя отца,
Безбожно ключ к Корану подбирает.
Проклятье сыну, что, не чтя отца,
Родительское право попирает!

Э м и р.
Ну, а теперь скажи, блюститель веры,
Что должен получить хулитель веры?
З а х и д.

В предательстве его, в его безбожье,
О повелитель, я виновен тоже.
Поэтому сперва меня убейте,
Чтобы не видел ужасы я эти.

Все в изумлении ожидают решения Эмира.

Э м и р.
Ты должен сам его повесить, сам!
Л о г м а н.
Вину превысит кара, и намного.

П р и н ц.
Отец, остановись, побойся бога!
Э м и р.
Приказ Эмира — повеленье божье.

Л о г м а н.
Помилуй, государь. Отец не может
Сыновней кровью руки облагрять.
Э м и р.

При чем тут кровь? Она не будет течь.
Петля же — это не топор, не меч.
П р и н ц.

Не принуждай...
З а х и д.

О, пощади!..
Э м и р.

А ну,
Ты должен искупить свою вину!
З а х и д.

Я ровно сорок лет стою у трона,
Слежу, чтоб ты не потерпел урона.
Я каждый твой указ благословляю,

Смириться непокорных заставлял,
Твои удачи ставя напоказ,
Я промахи твои скрывал не раз.
Ты это тоже счел моей виной?
Не унижай меня, о светоч мой!

Эмир.

Я сам бы искромсал такого сына,
Я б изрубил его на сто частей,
А после их сложил бы воедино
И выбрал бы одежду почерней
И траур бы надел не оттого,
Что сына я лишился своего,
Но оттого бы только сокрушался,
Что он неблагодарным оказался.

Чалпах.

Яви великодушие, властелин,
Тебя мы умоляем о пощаде,
Отцов помилуй ради их седин,
А сыновей — всего святого ради.
И бог, такое видя милосердие,
Воздаст тебе на том и этом свете.

Эмир

(Захиду).

Захид, приказа я не отменял...

Захид.

Господь, ты отступился от меня!
Я сам тебе на верность присягнул
И даже неггибаемых согнул,
Коленопреклоненною толпой
Спесивцы поникали пред тобой.
А ты сломал и смял, и смёл меня,
В кипящий, адский вверх котел меня.
Пусть тень моя скиталицей пойдет,
Пусть град проклятий на меня падет!
Так ты печешься о своих рабах,
И милость такова твоя, аллах?

Поэт.

Захид, когда ты сам в беду попал,
Так сразу же на бога возроптал?

Даянат.

Отец, мужайся!

(Эмиру.)

На глазах у сына
С отцом не поступают столь бесстыдно!

Эмир.

Сын — это раб отца, и если сын
Отца предаст, отец — не господин,
А раб ничтожный своего раба,
А у раба известная судьба.
И чтобы вновь свободу заслужить,
Отец обязан сына задушить.

Принц.

Отец мой венценосный, извини,
Ошиблись в сыновьях своих они,
А ты в своем уверен?

Эмир.

Что?!

Принц.

Я сам
Всемерно помогал их сыновьям.

Эмир.

Да ты сошел с ума!

Принц.

Наоборот,
Я понял, что к чему на белом свете.
Как венценосцу, слушать не расчет,
Как человек, прими признанья эти.

Эмир.

А ты, Захид, задерживаешь нас.

Захид.

Я умоляю — отмени приказ.

Айпара отделяется от толпы, подходит к Эмиру, обращается к Захиду.

Айпара.

Отец, отец! Смотрите на отца!
Но и другие есть еще сердца!
Коль Даянату не избежать мести
Меня убейте с Даянатом вместе!

Принц.

О, боже!

Эмир.

Ну, а эта что городит?
Везир, чья это шавка, чье отродье?

Логман.

Имеет имя и прозвание каждый,
И я — не пес, а это — дочь моя.
А бешеному псу, и не однажды,
Не позволял с цепи срываться я.

Эмир.

Я приютил тебя, приبلудный пес,
А ты в мою державу смуту внес.
Везир предупреждал и я согласен,
Что более хеллачей ты опасен.
Везир, пусть приготовится палач!

Везир.

Он наготове, повелитель мой.

Эмир.

Отсекь собакам головы долой!
Сначала — ей, потом — ему. Исход
Такой же всех неблагодарных ждет.

Принц.

Отец, позволь мне досказать.

Эмир.

Я глух.

Принц.

Не вытерпишь — к тебе вернется слух.
Нет в мире беспричинных перемен.
Мы с Даянатом угодили в плен.
Спасла меня, спроси — какая сила?
Тогда я рассказал не все, как было.

Эмир.

Я знаю все...

Принц.

Позволь...

Эмир.

Нет, ты постой.
Тогда тобой назвался спутник твой.
Да он на том бы свете мог гордиться,
Что жизнь отдал, как подданный, за принца.
Но он не умер, стал еретиком
И вере изменил, — что это значит?
Мусу из петли вынул и тайком
Его похоронил, — что это значит?

Принц.

Несправедливо в том его винить —
Я приказал Мусу похоронить.

Эмир.

Кто? Ты? Да как ты смел, мальчишка!

Принц.

Казнить живого — небольшая честь,
Но мертвого карать — уж это слишком.

Эмир.

Ты кто такой распоряжаться здесь?
А нас уже не ставишь ни во грош?
Не чересчур ли на себя берешь?

Принц.

На свет я вышел, выбрался из тьмы.
Большие повстречал в пути умы.
Намного превосходит их самих
Святыня, вдохновляющая их.

А что такое, в сущности, ислам?
На разуме — клеймо, на сердце — шрам.
А их мышление раскрепощено,
Свободно развивается оно.
У них не счесть мыслителей завзятых,
А кто сказал, что это — недостаток?
Я кто — слуга, невольник, иль дитя,
Что размышлять, как ты, обязан я?
Но ваша цель — подмять мечту и память,
И ограничить мысль мою, обрамить.
А я желаю жить своим умом,
Хоть вы рогатки ставите кругом.
От веры настоящей — их бесстрашие,
И даже смерть для них — не главный вред,
А вы пошли б за убежденья ваши
На жертвы хоть какие-нибудь? Нет!

Д а я н а т.

Да, ваш кумир — беспечное житие,
Все остальное — пролетает мимо.
Не верите в учение свое,
Как верим мы в свое — неколебимо.
Религия ведь тоже мысль, и в этом
Для зрячего нет тайны никакой.
Но если мысль не побуждает к жертвам,
То эта мысль — не мысль, а звук пустой.

В народе — движение, возбуждение.

П р и н ц
(Эмиру).

На этих обездоленных взгляни,
Ладони их в мозолях искони.
Вглядишься, вглядишься попристальнее в них,
Их бог неотделим от них самих.
А где же ваш аллах, где он сейчас,
Да был ли он когда-нибудь у вас?

З а х и д.

Послушай, повелитель мой, послушай,
Вероученье гибнет, храм порушен,
Я знал давно, что принц сошел с дороги,
Облюбовав иное божество,
И я дождался своего в итоге:
Твой сын — преступник. Покарай его!

Народ возмущается.

Н а р о д н ы й х о р.

То вечное, что носит имя божье,
В самом себе открой, — мы говорим,
Величья своего узреть не может
Лишь истинно слепой, — мы говорим.
Достоин славы тот, кто ради правды
Пожертвует собой, — мы говорим.
Не «бог велик», как прежде говорили,
Но «человек велик», — мы говорим.

Э м и р.

Заткните глотки им!

Стражи кидаются исполнять приказание, народ отталкивает их.

Т у р а л.

Насилье тщетно!
Мысль пробудилась — вновь не ввергнешь в соч
Угрозой смерти, ибо мысль бессмертна,
И проникает сквозь любой заслон.
Во имя правды жизнь отдать — не страшно,
Нет счету тем, кто шел за правду в бой.
Однако ради злобного обмана
Еще никто не жертвовал собой.

Э м и р.

Так, значит, и дворец обнасимился,
Смутяны овладели всей страной,

А чтобы в этом я не усомнился,
Меня обезоружил сын родной.

Р а х м а н.

Отцов — четыре, четверо детей.
Захид с Эмиром, не хитря ответьте,
Нельзя ли по-людски среди людей
Вести себя и жить на белом свете?
Сегодня точно так же, как они,
Вы ощутили тяготы людские,
Так почему же вас в былые дни
Не трогали страдания чужие?

Обитатели дворца растерянно переглядываются. Никто не знает, как поступить. Высшее напряжение. Занавес опускается.

Л о г м а н.

В единоборстве истины и лжи
Равны векам иные годы мира.
Истоком речи вопль истошный стал,
Удерживает правда своды мира.

П о э т.

Обманывают радости подчас,
Но мысль выводит к правде каждый раз,
Величье ощутит любой из нас,
Поняв, как велики невзгоды мира!:

Т у р а л.

В наш век вступил неистовый поэт,
Пройдя, как свет, сквозь тьму жестоких лет.
Пусть его призыв, его завет
Услышат ныне все народы мира!

К О Н Е Ц

ДОСТОИНСТВО

Памяти тринадцатилетнего Саша
Логвинова, превыше жизни доро-
жившего своим человеческим до-
стоинством, посвящается.

ПРОЛОГ

Спросил я судей: — Более всего
встречаются сейчас дела какие?
Одни сказали: — Взятки... Воровство...
— Убийства, — так ответили другие.

Пути не зная, к цели не дойдешь,
хоть за костыль хватайся раньше срока.
Различны преступления и, все ж,
у них одна и та же подоплека.

И сразу же о ней сказать верней
(к чему расхожих версий вереница!):
По-моему, преступность коренится
в забвении людьми своих корней.

Что спрашивать с того (скажите мне!),
кто равнодушен ко всему родному —
к родимой стороне, к своей родне,
к родителям, к родительскому дому?
А что такое Родина, народ,
безродный и подавно не поймет.

Какая редкость в наши времена —
сердца, что избежали притупленья!
Да, безразличие — тяжкая вина,
да, бессердечность — это преступленье!

Мы напрягаем разум все сильнее,
а совесть спит себе, не беспокоясь,
и равнодушие к людям у людей
статьей не входит в уголовный кодекс.

Жизнь на земле — от света и тепла,
огнем металлы слиты в сплав единый,
а те, в чьих жилах холодок зменный,
на добрые не призваны дела.

КОНТРОЛЕР

В продмаге — очередь, а в ней
с авоською стоит
мальчонка лет примерно так
тринадцати на вид,
для дома следует ему
купить кое-чего...
И тут сквозь очередь с трудом
добравшись до него,
спросила женщина одна:
— Ты Саша?..
— Я...
— Сынок,

беги в больницу поскорей!
От мамы был звонок.
Ей надо повидать тебя.
Она... Но ты крепись!
И не пугайся ничего,
но все ж поторопись...

Сказала и ушла она...
 Догнать бы, расспросить...
 Но мальчуган оцепенел,
 прервалась мыслей нить.
 А тут и очередь дошла,
 а он дрожмя дрожит,
 трепещет мальчик, как листок,
 что улететь спешит.
 А контролер (его давно
 приметила она)
 на всякий случай перед ним
 предстала, как стена.
 Продукты в сетке перечла
 и видит — перебор.
 Так, за сырок не заплатил...
 Еще малыш, а вор!
 — Ты потому решил бежать?
 Ухватка неплоха.
 Тут важен принцип. А сырок —
 копейки, чепуха.
 — Я заплачу, я позабыл...
 Расстроился, устал...
 Нет, вы послушайте его!
 Он «позабыл», нахал!
 Заплакал мальчик от стыда.
 Безудержные, шли,
 стекали слезы по щекам
 куда-то в глубь души.
 Он людям посмотреть не мог
 от робости в глаза,
 не виноват, ошибся он,
 а доказать нельзя...
 — В больнице мама. Я узнал,
 что плохо ей опять.
 — Причем тут мать? Воруешь сам,
 а впутываешь мать!

— Мне, правда, нужно срочно к ней.
 Она в больнице ждет.
 Простите, тетя...
 — Ну, опять
 заладил, обормот!
 — Я торопился, оттого
 ошибся в счете я.
 — Ты — вор и плачет по тебе
 тюремная скамья!
 И не проси и не канючь,
 тебя я не прощу,
 Ишь, к матери больной спешит!
 Вранье! Не отпущу.
 И вся она — сплошной контроль —
 до кончиков ногтей,
 обман малейший разглядеть
 труда не стоит ей —
 так пронзительна она.
 Попробуй, докажи,
 что подозрительность сама
 взросла на почве лжи.
 Да, подозрительность взяла
 когда-то на прицел
 правдивость наших слов и чувств,
 и помыслов, и дел.
 Ее девиз — не верь ушам,
 не верь глазам своим,
 и над любовью и мечтой
 контроль необходим.
 Такую силу удалось
 ей исподволь скопить,
 что разум наш могла она
 и душу оскопить!
 Кто подозреньем одержим
 час от часу лютей,

тот смотрит взглядом воровским
на мир и на людей.
Что ж ты грозишься, контролер?
А десять дней назад
не грозен был, а робок был
твой зачумленный взгляд.
С ревизией к тебе пришли...
А ты лила елей.
Но недостатку все ж нашли
на тысячу рублей.
И не орала ты тогда,
а улыбалась ты,
и много было жалких слов
и мелкой суеты.
В три раза больше заплатить
пришлось тебе тогда,
чтоб дело грязное замять...
Так чем теперь горда?
— Ну, тетечка, поверьте мне!
— Молчи уж, обормот!
И вновь на мальчика кричит.
Так вор всегда орет:
«Держите вора!» И пойдет
такая кутерьма,
что вору выпадет почет,
а честному — тюрьма.
Бумагу, ручку принесли —
снять с мальчика допрос.
— Фамилия?.. А он молчит
и давится от слез.
Бойтся, что узнает мать,
она же так больна,
что о позоре услышав,
не выдержит она.
— Молчишь, чтобы отстали мы!
Неверно рассчитал...

(Неколебима, как скала,
и в голосе — металл).
— Напрасно мучаешь себя
и досаждаешь нам.
Молчишь, как настоящий вор,
увертлив и упрям.
— Но я не вор! Ну, почему
не верите вы мне?
— Признайся лучше, а не то
поплатишься вдвойне!
Признался б честно — я тебя
могла бы извинить,
но ты упрямнисься...
Пойду в милицию звонить!..

Приходит милиционер.
Да, видно, — все всерьез.
Молчит мальчонка. У него
нет больше слов и слез.
Как переубедить людей,
как отвести навет?..
Он повзрослел, нет, постарел
за час на десять лет...

Да, не в милицию его,
а сразу же в тюрьму,
и не надели (почему?)
наручники ему!
Весь мир для Саши погружен
и без того во мглу,
а тут еще увидел он
и Лиду на углу!
Взгляд одноклассницы его
и цепок, и остер,
уже заметила она!
Позор, какой позор!

И он в смятение от нее
 отводит сразу взгляд.
Не верит девочка глазам:
 в чем Саша виноват?
Однако зря не заберут, —
 подумала она,
и, стало быть, за Сашей есть
 какая-то вина.
И правы взрослые, когда
 втолковывают ей,
что до конца нельзя понять,
 нельзя понять людей...
«А я его... А он меня...
 Я нравилась ему...»
Понятен страх в ее глазах
 и Саше самому.
В участке милиционер,
 формальности блюдя,
допросом долгим доконал
 «порочное дитя».
Смирился Саша, понял он:
 таков порядок здесь,
на все вопросы отвечал,
 а было их — не счесть.
На преступление яркий свет
 пролив со всех сторон,
соорудили протокол,
 как требует закон.
И хоть бы кто-нибудь сказал,
 что это сущий вздор —
вести о двадцати пяти
 копейках разговор.
О воспитании нашлось
 немало громких фраз
и, как пример, помянут был
 Макаренко не раз.

Берут подписку под конец
 (чтоб документ иметь!)
о том, что не допустит он
 такой ошибки впредь.

В ВОЛЬНИЦЕ

Сегодня утром делали укол —
обмякла вдруг, лишилась чувств больная.
В сознание врач с трудом ее привел.
Глаза открыла, что-то вспоминая.

И вспомнила, и вымолвила мать:
— Пусть Сашу позовут ко мне сейчас же...
Однако те, что кинулись искать,
нигде никак найти не могут Сашу.

И мать еще тревожней ждет и ждет,
и мысленно зовет, торопит сына.
Вести сегодня на секунды счет
есть у нее особая причина.

Не от укола худо стало ей —
от чувства, что ее ребенку худо.
Как точно извещает матерей —
откуда это чувство, это чудо!

Взгляд неотступный в дверь тоскливо врос.
Но дверь открылась... Саша на пороге!
Встречает сына мать потоком слез,
давая выход горестной тревоге.

— Ты где же до сих пор, сыночек, был? —
она сквозь слезы спрашивает сына.

— Да с Димкой на две серни ходил,
он потащил меня почти насильно.

— И правильно! Ведь ты уже давно
лишь в школе да со мной сидишь часами.
Ты не был так давно уже в кино! —
И затянуло вновь глаза слезами.

Стыдится, он поднять не может глаз,
язык горит, как наждаком задетый.
Впервые в жизни он солгал сейчас
и устыдился лжи невольной этой.

На тех, кто лгать принудил, поглядим,
в различье можно тотчас убедиться —
своекорыстно лгать не стыдно им,
а он своей невинной лжи стыдится.

И мысли все нескладней и грустней:
«Я тут солгал — и вмиг уверил маму,
а там не лгал, но правоты своей
не доказал и натерпелся сраму».

Названья фильма даже не спросив,
поникла мама сразу отчего-то,
не хочет на расспросы тратить сил,
или иная у нее забота?

Она такую раньше не была.
А если все же усомнилась мама?
Да, мой обман, наверно, поняла,
но мне об этом не сказала прямо.

А мне себя понять еще трудней,
попутала меня какая сила?
Я как посмел сказать неправду ей,
что правду говорить меня учила!

А что же, так и выпалить в упор:
мол, радуйся, не зря жила на свете,
сегодня припечатан словом «вор»
твой сын! Вот он, с клеймом позорным этим...

У мальчика — мурашки по спине:
удар постигнет маму неминуемый.
И вспомнился в больничной тишине
ему давно произошедший случай.

Однажды дядя был у них в гостях.
Вдруг свет погас, а дело было к ночи.
Но не пришлось им долго ждать впотьмах,
исправил дядя моментально счетчик.

Зажегся свет... Был Саша очень рад.
А цифры, цифры — надо так суметь же! —
прокручивались в счетчике назад,
чтоб счет за электричество уменьшить.

И, хитростью своею упоен,
тем, что его уменье пригодилось,
сестре сказал об этом гордо он.
Но та не похвалила — рассердилась.

На брата косо глянула она:
— Сейчас же сделай так, как было раньше!
Нам чехарда такая не нужна.
Не фокусник ты, милый, а обманщик!

— Ты странная, — пожал плечами брат, —
сейчас у всех предметов — дно двойное.
Где правда, честность? Люди говорят
одно, а делать норовят другое.

Известно: лучший способ жить — обман.
Тут — что-то не додашь, там — не доплатишь...

Но в сердце, как колючка, боль вонзилась,
напрасно он забыть о ней хотел.

Не радует краса бутонов свежих
И песня канарейки не нужна.
Твердит себе он: «Головы не вешай»,
Но от угрюмых дум гудит она.

Был Саша до сих пор простым мальчишкой,
таким, как все, в свои тринадцать лет.
Бесхитростно любил кино и книжки...
Впервые для него померкнул свет.

Все ясным до сих пор и чистым было,
он жить легко и радостно привык,
а жизнь ему пощечину влепила,
явила свой суровый, грозный лик.

Откуда знать ребенку, что от века
настроен мир на тысячу ладов,
то нежит он, то режет человека,
и сладит с тем, кто к схватке не готов.

Пока не попадаем в испытанья,
Считаем — на ладонях мир у нас,
но могут стать трагедней мечтанья
при столкновеньи с жизнью без прикрас.

Еще вчера, свою являя милость,
шумела жизнь привычная вокруг
и вдруг бесповоротно изменилась —
как будто что-то вырвали из рук.

Мир представлялся, как в кино, как в сказке,
и радужно светился на лету,

и вдруг сегодня все утратил краски,
и в плотную облекся черноту.

Мир предстает ребенку разноцветным,
но четко каждый цвет определен,
полутона ребенку незаметны,
оттенков не улавливает он.

Откуда знать ребенку, что калечит,
да так, что и костей не соберешь,
но, правду записав в больные, лечит,
прикинувшись целительницей, ложь.

Откуда было Саше знать до срока,
какое это горе с давних пор,
что слишком часто правда одинока,
а ложь себе находит сто опор.

Обман и воровство друг другу рады,
и тем они особенно страшны,
что надевает ложь корону правды...
Зачем ей доказательства нужны?!

Вот если ты — не вор, тогда не сетуй,
ты должен доказать, что ты — не вор.
Вдобавок и сырок не сам же в сетку
забрался. Значит, ты его и спер.

Растрату магазинную прикрыли,
помог вор вору... Их попробуй тронь!
Ложь, эта лошадь, занимала крылья,
зато едва плетется правды конь.

Не попадется вор — ему известны
уловки и окольные пути,

скорей свою же неподкупность честный
оплатит прозябаньем взаперти.

Пока не выпадают испытанья,
мир чистым медом угощает нас,
но могут стать трагедней мечтанья
при столкновеньи с жизнью без прикрас.

И контролер из всех углов косится,
и милиционер кричит: — Пиши!
А, может, это все лишь только снится,
все только мнится в глубине души?

Глядит на Сашу с ненавистью Лида,
«вор!» — восклицают пол и потолок,
со всех сторон — презренье и обида,
«вор!» — шепчет в доме каждый уголок.

Как жить с незаживающим ожогом
и по земле униженно ходить,
и горевать в сознании убогом,
что даже мать с отцом не убедить.

Милиция свой акт направит в школу,
а там — собранья, педсовет, учком,
и снова — акты, справки, протоколы...
Потребуют раскаянья. Но в чем?!

Не виноват. Но никакой отваги
не хватит, чтобы выдержать сыр-бор,
да после милицейской той бумаги
кому и докажу, что я — не вор?!

Куда-нибудь сбежать, укрыться... Или
спокойно ждать... Ах, если бы я мог!

Мне раньше никогда не говорили,
что так ужасен мир и так жесток!

«Он попросил короткой передышки
у мыслей, у которых был в плену,
и в руки взял себя, придвинул книжки.
«Давай-ка с математики начну!»

И трудную решил задачу верно.
В ученье никогда не отставал,
но в жизни с незадачей самой первой
он потерпел немыслимый провал.

Внезапно, словно в беге, он споткнулся
и приостановился на бегу,
задумался, опасливо вернулся
к той мысли, что жила в его мозгу.

В кольцо на потолке, его приметив,
от зимнего пальто ремень продел...
И стало безразлично все на свете.
И это был конец, тупик, предел.

Его решение было слишком скорым —
борясь за справедливость, паренек
несправедливым самоприговором
себя, невиноватого, обрек.

В то время, как ему бы и карать
преступно равнодушных, всю их рать,
и зло, что пострашнее прочих зол, —
рядящийся в законность произвол.

Но выбита опора из-под ног,
И Саша сделал то, что сделать мог.

Исход смертельный выбрав, не готовясь,
он посчитал его за верный путь,
расшевелить надеясь нашу совесть
и правдолюбье наше всколыхнуть.

Застигнутый врасплох недоброй славой,
набрался мальчик мужества и сил,
и, над собой устроив суд неправый,
он правый суд над кривдой предвещил.

Воровкой заклеямен, как вор отпетый,
он бескорыстно произвел расчет.
Кто платит долг, тот более, чем это
отпущено судьбою, не возьмет.

Он всех нас превзошел сознаньем долга,
мир у таких, как он, людей в долгу, —
расстался с жизнью, данной ненадолго,
но не остался перед ней в долгу.

Ошеломлен ребенок, ошельмован,
не встать ему, не ринуться, разя,
и все-таки свое сказал он слово,
да так, что позабыть его нельзя.

Сказал — с какой решимостью, заметьте! —
о силах зла, живучих искони,
Они, — сказал, — заслуживают смерти,
но умираю я, а не они.

«Они живут и, значит, правосудье
себя не может счесть живым вполне,
они живут — и правота, по сути,
на смерть обречена, подобно мне».

Растоптано достоинство, распято,
клеймо на сердце выжгло воровство,

и стала жизнь единственной платой
за реабилитацию его.

В ребенке личность — вдумайтесь, какая,
и, до чего в своих понятиях строг,
он, как святыню, честь оберегая,
собой и всем на свете пренебрег!

Нет, долгого ему не надо века,
коль будет жить, пятна не соскребя?..
Тот возвышает званье человека,
кто превосходит самого себя!

СЛЕДСТВИЕ

А виноватых нет и нет. Бумага
и та, выходит, изводилась зря.
Сперва допрошен контролер продмага,
иль контролерша, проще говоря.

Она сказала: — Я не виновата,
действительно же лишним был сырок,
и я, поскольку вышла недоплата,
мальчишке впрок хотела дать урок.

(Хорош урок! С той самою же силой
себя ей поучить бы в самый раз!)
Тут контролершу всю перекосило,
и слезы так и брызнули из глаз.

А следователь думает: «Наверно,
одумалась и плачет потому...»
Но женщина рыдала откровенно,
сморкаясь, злясь и жалуясь ему

на то, что нервотрепка надоела,
что каждый подкопаться норовит,
вопросы да расспросы то и дело,
и сон уже пропал, и аппетит.

«Меня курочит каждый, кто захочет,
что за напасть — не понимаю я!
Вчера одна мне позвонила ночью —
и ночью нет спасенья от хамья.

За что — не знаю — премии лишилась
и звания «ударник комтруда»!
(И снова — в слезы. Это — не фальшивость,
она рыдала искренне, да-да!)

Молчком, без слез лишился жизни мальчик —
иначе снять не мог с себя пятна,
она же так неудержимо плачет
о премии, котарой лишена.

Тот — человек и эта, вроде, тоже,
но так они между собой несхожи,
что я не понимаю — кто она?

Коль человек, где человечность? Сбыла?
За сколько продала и что взамен
заполучила, выгодно ль купила?
И сколько этих сцен и этих цен!

— Скажите, услышав о смерти Саши,
что сделали?

— Не помню... А, скажу:

«Зачем он?» — я подумала тогда же
и смысла до сих пор не нахожу.

Ей не понятно! Право же, не стоит
за эту непонятливость пенять,
есть объяснение самое простое —
откуда ж вору честного понять?

Она живет, еще не раскумекав,
что выбрала звериное житье,
что человек по сути человеком
стал,
ошутив достоинство свое.

А ты его топтала и орала.
Без умысла? Неправда! Не божишься.
Зовешься человеком, а украла,
украла человеческую жизнь.

Тебя не потрясло несчастье это,
вины своей не ощутила ты,
ты просто испугалась — не ответа,
а маеты, досадной маеты.

Нет, ты — не чадо, ты — исчадие века,
(за слово отвечаю, как за чек),
прикинулась, зовешься человеком,
но ты — не человек, не человек.

Ты кажешься себе культурной, вроде,
по моде наряжаясь, но что с того —
теперь и воровство, как видишь, в моде,
но признак ли культуры — воровство?

Одеждой разживаетесь богатой,
чтоб скрыть нутро убогое свое.
Ты не воруешь? Но с твоей зарплатой
как занять фирмóвое тряпье?

И до того духовное растленье
доходит средь коллег твоих сейчас,

что воровство уже не преступлением,
а доблестью считается у вас.

Да, в моде воровство. Наело морды,
плодится оголтелое ворье.
Нет воровства у матери-природы,
откуда это у детей ее?

От нищеты духовной стало ныне
таким распространенным воровство,
воруют землю, хапают святыни,
а труд и знание — более всего.

Растаскивают, прут напропалую,
вполне привычной стала эта страсть —
историю присваивать чужую

и славу не заслуживать, а красть.
И похищать не просто одиночек —
миллионеров, их сынков иль дочек,
а сразу племя целое, народ.

Что ж будет дальше, если так пойдет!..

* * *

Начальник отделения журналисту
Сказал: — Вы просто предубеждены,
«милиция сработала нечисто»,
но нет за нами никакой вины.
Мы действовали, как велит закон,
параграф каждый нами соблюден.

По-своему начальник, в общем, прав,
но у души не протокольный нрав.

Свой мир в груди обыкновенной есть,
загадки, будто во Вселенной, есть.

Нет ничего, что сердца многогранней.
Вглядишься, начальник, пристальнее в жизнь,
ты радугу стремлений и желаний
в инструкцию не втиснешь — откажись!

Свой ключ у сердца каждого, особый,
не подберешь, так попусту не мучь.
Ты сердцем сердце отомкнуть попробуй,
здесь ключ инструкций — непригодный ключ.

Но если вместо сердца — тяжкий камень,
не справишься и с легкими замками.

Записка объяснительная Саше
пронзает, будто молния, сейчас,
листок обыкновенный тем и страшен,
что обвиняет каждого из нас.

Когда по буквам собственной рукою
он обещанье выводил, что им
не повторится в будущем такое,
прощался мальчик с будущим своим.

Не знали вы, его подозревая,
что близко пропасть, а не просто падь,
не знали вы... откуда ж камню знать,
как горяча бывает кровь живая!

За двадцать пять копеек жизнь пропала,
кто скажет — это много, или мало!

Беды сердца не предсказали ваши.
и первый промах породил второй.

Изволь, начальник, будущее Саши
к инструкции какой-нибудь пристрой!

КТО ВИНОВАТ?

Закрето дело, ибо нет виновных,
а если это странно слышать вам,
так загляните в кодекс уголовный
и вы найдете подтверждение там:

оно должно само собой закрыться,
иного толкованья и не дашь,
поскольку и убитый, и убийца —
лицо одно и то же. И — шабаш.

А если глубже вдуматься и строже:
на что же человеку жизнь дана,
когда за двадцать пять копеек может
вдруг оборваться запросто она!
Цена всей жизни — жалкий четвертак?
Нет, уверяют, что-то здесь не так!

Виновных, скажем, нет, а побудитель?
И он не подпадает под статью?
Кто побежденный здесь, кто победитель,
или игра закончилась вничью?

Не страшно, что о смерти говорится,
мол, не уйдешь, куда себя ни день,
а страшно то, что подлинный убийца
не найденным остался по сей день.

И если так, вину разделим ныне
на всех без исключения людей.

Ты в этой смерти косвенно повинен
и, безусловно, я повинен в ней.

Коль так пойдет и дальше — горе нам,
прикрыть придется трауром бедлам
и черные накинуть одеянья
на идеалы наши и деянья.

Мне страшно, что этап наступит некий,
когда на белом свете в свой черед
рождаться будут люди-человеки,
но человечность напрочь отомрет.

* * *

Что это с человеком — чем взрослей,
тем дальше он от сущности своей,
живет, запрятав, словно бы в тюрьму,
себя в себя, не знаю — почему!

Мы — взрослые, мы думаем одно,
а говорим другое. Так сложилось.
А малым детям (то-то и оно!)
не свойственна увертливая лживость,
известно прямодушие ребят:
как понимают, так и говорят.
А в детстве человечества, как дети,
чистосердечны все были на свете...

Давайте хоть сегодня проследим,
как человек сознанием своим
пространство мировое озарял,
а мир, в себе носимый, разорял!

Мы двигались сперва за пядюю пядь,
потом решили — а быстрее нельзя ли? —

и, рвась вперед, откатывались вспять,
что находили мы, а что теряли!

Я думаю, со страхом и тоской —
а не переродился ль род людской?
И в том теперь опасность состоит,
что, может быть, созданя новый вид,
какое-то особенное «гомо»,
кто и знакомо нам, и незнакомо!

* * *

Мы с вами как вдовца назвать должны,
что зубы рвет у умершей жены,
поскольку это — зубы золотые?
(Я не поверил, услышав впервые,
ведь обретался этот зубодер
в достатке и почете с давних пор.)
А брата, не желающего даже
смотреть на брата, если он под стражей?
(Пусть виноват и крепко виноват,
но это — брат, единокровный брат!)
А сыновей и дочерей,

что крова
лишают мать или отца родного?

А тех, кто, отхватив солидный куш,
рассовывают деньги по карманам,
а тех, что мерзость дел своих и душ
расписывают розовым обманом? —
их как назвать и как их осудить,
чтоб сердце, хоть немного, остудить?!

* * *

Хвала тому, кто, возмущенно-крут,
осовременил прозвище «манкурт»

и дал его (нет прозвища верней!)
той новой разновидности людей,
что нарождалась исподволь средь нас
и явно обнаружилась сейчас!

Я б случай частный посчитал несчастным,
но ведь образовался целый клан,
где каждый — лилипут перед начальством,
а перед подчиненным — великан.

Растенья гибнут, исчезают звери,
повсюду птичий щебет поутих,
невосполнимой убоясь утери,
заносим в «Книгу красную» мы их.

И вот,
хочу сказать и в страхе медлю:
а если вдруг манкуртство победит,
и новый вид людей займет всю землю,
и навсегда исчезнет прежний вид?!

* * *

У нас в Баку спелтрест возник недавно
под наименованьем «Бэрпачи»¹,
что зданья восстанавливает славно —
блестят, как золотые, кирпичи.

Давайте же и мы себя очистим,
пусть постепенно, не в один прием,
но черствость, словно корку, соскрежем
в придачу с ложью и своекорыстьем!

Расстанемся с парадным суесловьем,
нам повседневный труд необходим,

¹ *Бэрпачи* (азерб.) — реставратор.

все светлое, святое восстановим
и цельность в человеке возродим!

* * *

Родных и близких собрала беда,
отец крепился в горе, он — мужчина,
а мать — в больнице. Как пойдешь туда
и скажешь ей, больной, о смерти сына!

Когда же стала поправляться мать,
сошлись родные у ее кровати
и, все-таки, решили ей сказать
о ранее скрываемой утрате.

Она молчала, мертвенно-бледна,
и даже не заплакала сначала,
и вдруг с постели вскинулась она
и закричала, страшно закричала:

— А кто виновен — так и не нашли?
Отец не знал, что матери ответить,
все опустили взгляды до земли,
и мать сказала: — Никому на свете
не догадаться, чья это вина,
но я-то знаю, только я одна.

Я родила и вырастила я,
и в смерти Саши я одна повинна,
пусть все узнают — в том вина моя,
что человеком воспитала сына.

Где следовательно? Пусть идет сюда,
«виновница нашлась!» — ему скажите
и требуйте скорейшего суда,
посадят пусть меня в тюрьму, — скажите.

...Проспали мы, не видели того,
как черное прикидывалось белым,
очнулись — а обман и воровство
считаются уже обычным делом.

С чего же началось, с чего пошло —
установить сегодня тяжело.
И разве же могла подумать мать,
что правда своего не скажет слова,
что воспитанье правильное
сжать
петлею сможет
мальчика родного.

ЭПИЛОГ

Великий Пушкин вызвал на дуэль
ничтожество, что честь его марало.
Не дрогнула Засулич, выбрав цель,
и выстрелом свалила генерала —
во имя справедливости карала.

Наверно, Саша отличал чутьем
добро от зла. Чутье острее в детстве,
в нем Пушкин жил, жила Засулич в нем,
их пониманье доблести и чести.

От истины — добро, а зло — от зла,
от истины Земля возникла наша,
она давным-давно бы умерла,
не будь на ней таких людей, как Саша.

Хороших в мире больше, чем плохих,
и, все-таки, хороших провожая,

нишаем, сиротеем мы без них,
гнетет утрата — каждый раз! — большая.

Раскроем души настезь! В добрый час!
Отвергнем отчужденность черепашью!
Вовек не уничтожит атом нас,
коль не утратим человечность нашу.

Переворот в сознание делать нам
не с теми, чьи мышление закоснело.
Где есть великодушие, бомба там
не разорвется — утверждаю смело.

С недавних пор все более страшит
нехватка кислорода в атмосфере,
а разве нам не в той же самой мере
опасны недостаточность доверья,
взаимопониманья дефицит?

Давайте жить, как подобает людям,
бояться откровенности не будем,
а убоимся сладеньких гримас,
что обернутся горечью для нас,
а пуще убоимся равнодушия,
что хуже смертоносного оружия.

Не рухнет мир
и жизнь пребудет в нем,
коль не дадим разрушить бурям века
тот мир, что миром внутренним зовем,
зовем духовным миром человека!

ИЗВИНИТЕ, ОШИБКА!

(поэма-памфлет)

Сюжет заимствован из зарубежных газет.

Это — быль, это — страшная сказка двадцатого века
о стране, где сатрапы решают судьбу человека:

кто будет жилец,
кто будет мертвец,
кто будет калека?

Свора тиранов и сброд шарлатанов
плюют на законы.
В царстве подлогов, доносов, обманов —
судьи всегда непреклонны,
для них доказательства лучшего нет,
чем клевета и навет,
чтоб казнить человека, ни в чем не виновного,
и признать невинным злодея сановного.
Запреты суровые шарията?

Исключительно для простофиль,
для тех, кто так глуп, что живет небогато
и стоит дешевле, чем пыль.

Это — страшная быль о Селиме, казненном безвинно,
о Селиме, повешенном по приговору суда.
Никаких доказательств, что он виноват?!

Ерунда!

Судьям некогда в этом копаться, расписывать длинно.
Ставит подпись свою повелитель, не глядя — куда.

Интересно, что же думает он
о несчастной своей стране,
о народе своем несчастном,
когда не глядя расписывается
в том, что жизнь человека честного
так низко упала в цене —
дешевле, чем виселица?!
Нет ни малейшего следа —
ни страха, ни стыда...
Что государство? Что народ?
Они — рабов безликий сброд,
а он — венец творенья,
хозяин жизней и смертей,
хозяин рек, небес, людей!
Когда? В какое время?
В каких веках его страна?
В двадцатом!.. Ну и времена!..

В двадцатом веке — ну и времена! —
на виселице вздернули Селима,
и цепенел народ, идущий мимо,
не зная, в чем преступника вина,
чутьем народным втайне осуждая,
что гибнет жизнь такая молодая!
А справедливость, правосудье —
где притаилось в этот миг?
Как мертвецы, молчали люди,
от страха проглотив язык.
И только вздохи, с хрипом, свистом,
скрестились в воздухе нечистом.
И не отважился никто
спросить: «Повесили за что?»
Какие могут быть вопросы,
когда владыка, бог светил,
любые задавать вопросы
народу строго запретил?

Какой там свод каких законов?
Владыка — свят, владыка — прав!
И много храбрецов знакомых
молчали, в рот воды набрав.
И, всей душою поднатужась,
сочли законным этот ужас.
Нет, язычок пустила в ход
боязнь за собственную шкуру.
Она, уговорив народ
признать законной процедуру
несправедливого суда,
лишила чести и стыда
людей, молчащих, как в земле,
когда невинный был в петле.

Во времена рабовладельческого строя
рабы трудились, от натуги воя,
и за кусок,

что в рот собака не брала,
сто раз кричали «Слава!» и «Хвала!»
А в нашем веке, современные рабы
не избежали этой горестной судьбы.
Голодных, нищих, спящих на полу,
их заставляли воздавать хвалу
за те же самые объедки и обмотки.
И мысли мертвые, зажатые в колодки
железных штампов,
заставляют их зубрить,
боготворить
и всякий раз благодарить!
Рыдать им хочется —
обязаны смеяться!
Раб современный превращен в паяца.
Кричи «Я счастлив!» в самый черный день
и, как на праздник,
белое надень.

Сам на себя натравлен человек,
сам на себя науськан и патаскан.

Ты хочешь выжить?

Так смирись навек

с лицом, приросшим к всевозможным маскам,
со лживой правдой и с правдивой ложью,
с ее бахвальством и претензией на божью,
на окончательную истину во всем.

И ты согнуться должен колесом,
ногами думать, головой ходить —
на виселицу чтоб не угодить!

И коль не боязно своей лишиться крови,
входи, пожалуйста, и пробуй — на здоровье! —
на этой площади, арене, в мире этом
названья подлинные возвратить предметам,
на истинные сущности взглянуть
и каждой — имя первородное вернуть.

Попробуй в первомысли, в душу слов
проникнуть сквозь гранитный их покров.

Боишься?..

Так помалкивай, не вякай!

Ведь истина не может быть двойкой.

Страх заслонил — и не видна она,

У страха — зад широк, черна спина.

Кто ты, Страх?.. Наваждение сущее?

Животное ископаемое?

Ты — тайная сила, гнушая
спины, головы несгибаемые.

Тайная сила, изменой
зовущая доблесть и дерзость,
верностью — дар вдохновенный!

Страх, ты кто?.. Из какой биохимии?

Из какого ты сделан сырьем?

Времена бывали плохими,
если ты вытравливал мое «я»,

моего лица выраженье

выглаживал утюгом,

швыряя меня в сраженье

с самим собой — как с врагом

затыкая рот справедливости,

уничтожая, мучая

совесть, без коей вырасти

может лишь наихудшее,

подстерегая, выслеживая

правду в разбойный час,

чтобы воткнуть ей лезвие

без посторонних глаз!

Это — твоя повадка,

Страх, ты всегда таков!

Ты подталкиваешь украдкой

умных и дураков —

к мышеловке, стоящей сзади,

к рабству, пыткам, террору, лжи,

сам сладострастно глядя

клеши, виселицы, ножи.

Страх, ты — тот, кто всегда оправдывал

гнет, оковы, кровопролития,

под землю и в скалах складывал

стены тюрем и перекрытия.

Ты всегда был менялой — гением,

в этом деле тебе везло:

честь — на подлость

легко выменивал,

дар — на бездарь,

добро — на зло.

Страх, ты сделал —

скрывать не будем! —

наихудшее для людей:

человечность противна людям

и люди противны ей!

Если б Страх не заткнул платками,

не забил бы камнями рты,
не замкнул бы семью замками
языки людской правоты...
если б Страх не торил дорогу
рабской обслуге зла, —
как легко бы нам стало, ей-богу,
жизнь какой бы счастливой была!..
Что за время сейчас у порога?
Наше время? Да что ж это с ним?..
На глазах честного народа
ни за что повешен Селим.
А где справедливость, люди?
У Страху в подмышках потных.
Усы он, довольный, крутит
в пальцах нечистоплотных.

Весть дошла до отца Селима.
Он не издал ни звука...
Словно промчалась мимо
эта весть — как стрела из лука.
Почему он не вздрогнул даже?
Попробуйте вы поверьте,
когда к вам придут и скажут
с порога о страшной смерти!..
Молла повторяет новость.
За сердце хватаясь, старик
вдруг побелел, как волос.
В нем задохнулся крик.
В глазах его — мрак и пламень.
В постель несут старика.
От горя такого камень
треснул бы наверняка.
А как же душа отцова
стерпит в таком огне?!
Не проронив ни слова,
он в страшной сгорал тишине.

Но цель у моллы — четкая,
и он будет долбить до конца.
Перебирая четками,
он сказал, не щадя отца:
«Отец, твой сын изменил исламу... и —
грешен траур по нем, он такой подлец.
Знаю, весть принес я тяжкую самую:
Как-никак, ты — его отец.
Грех, однако же, на душу брать нельзя!
Ты отец пятерых — его не считая.
Ради них — надо же закрыть глаза
на одного! Это вещь святая.
Что проку от стонов? Свершилось дело.
Мусульманин, слушай меня внимательно:
сейчас прибудет покойника тело.
Хорошенько запомни, вникая основательно:
шариат — это праведный путь времен,
из бытия он идущему дан,
неверный не может быть погребен
на обычном кладбище для мусульман.
Запомни:
таких вот хоронят только
на новом кладбище «Ленетабад»!¹
Только тех, кто сражался за веру стойко,
хоронят на кладбище «Джаннетабад»².
В названье, запомни, указано прямо
место покойника в мире загробном —
по особому распоряжению имама
и согласно сведениям самым подробным
о покойнике... Кладбище «Ленетабад» —
это вечное место для проклятых вечно.
А для блаженных — «Джаннетабад»,

¹ Ленетабад — ад, куда попадают грешники и проклятые.

² Джаннетабад — рай, куда попадают праведники.

поскольку их верность была безупречна.

Известно имаму:
кто верен исламу,
а кто отступился —
к позору и сразу».

Молла умолк... Все доводы иссякли.
Вздыхает — словно гору скинул с плеч.
Ему, должно быть, совестно — не так ли? —
за только что промолвленную речь,
за то, что брал он старика измором,
сверля словами про «Ленетабад»?..
Но в том и дело — с этим разговором
молла не думал пятиться назад.
Любой ценой он шел упорно к цели:
«Я все сказал... Ты слышишь или нет?»
Старик лежал безмолвно на постели.
Молла желал узнать его ответ.
Он наклонился, вопрошая снова:
«Ты что, не слышишь?»
Ни словечка с губ...
На этот раз молла затряс больного
за плечико —
и понял: холодный труп.
Одна слеза из мертвых глаз при этом
упала вниз, как звездочка — во мглу,
являясь окончательным ответом
на тот вопрос, что так свербил моллу.
Перегорело все — обида, горе
семидесятилетнего отца,
и было слез непролитое море
в одной слезе, дожившей до конца,
и был в ней крик, доступный только душам,
а не ушам.

Но кто расслышит крик
одной слезы над кратером, потухшим
из-за того, что мир жесток и дик?..

Молла встает, он точен, как в аптеке:
изобразить печаль, созвать родню,
лицом чтоб старца повернули к Мекке¹,
закрыли ему веки...

Тут на дню —
две смерти в доме,
вопли, стоны, плачи...
Молла сказал:
«Терпите! Как иначе?
Что ни случится — все послал аллах».
Вдруг — шум и гам,
ворота — нараспах,
и с трупом на руках
несутся в раже,
пересекая двор, «закона стражи»:

«Вот этого проклятого мерзавца
несите только на «Ленетабад»,
и только там его заройте завтра —
и не посмейте нарушать обряд!
Никто из верных мусульман отныне
ему — не друг, не родственник, не брат.
Кто предал мусульманские святыни —
провалится пускай в «Ленетабад»!»
Молла сказал:
«Не стоит огорчаться,
он получил свое и выбрал сам.
Я убежден, никто из домочадцев
из-за него не осквернит ислам.
Отца же схороните честь по чести».
...Отца и сына положили вместе,
а завтра в полдень
похоронят врозь —
такое горе в доме завелось.

¹ По мусульманскому обычаю, умершего человека поворачивают лицом к Мекке, где захоронен пророк.

Что за время сейчас у порога?..
 Наше время?.. Да что ж это с ним?..
 На глазах честного народа
 ни за что повешен Селим.
 Сын с отцом, два покойника, рядом
 лежащие в доме своем,
 по диким, жестоким обрядам
 не могут рядом, вдвоем
 в потустороннем доме
 в родимой земле лежать.
 Убитые горем родственники —
 не только что возражать
 они не имеют права
 в этой державе, но —
 им даже о чем-то расспрашивать
 строго запрещено!
 Горе гражданам, горе веку,
 той планете и тем небесам,
 где забыли, что быть Человеком —
 есть высочайший сан,
 выше моллы, министра,
 выше имама; всех
 выше — быть Человеком!
 Самый позорный грех —
 бесчеловечность!.. Если
 над этим где-то хохочут весело,
 значит, там ни за что повесят
 кого-то или уже повесили.
 Там на ранги делятся люди
 (в стране, о которой речь),
 благодаря многоблудью,
 уменью пролезть, протечь,
 пронырнуть, просочиться ловко,
 выдать ворона за соловья, —

такая там обстановка —
 рай для жулья, воря, —
 для менял, шулеров, разбойников
 различной величины, —
 сортируют там даже покойников
 (степени, ранги, чины)
 на первый, второй, третий
 и так далее — сорт!
 Всё — на том и на этом свете! —
 там сортирует черт:
 лавки, дома, заборы,
 улицы и детей,
 могилы, гробы, в которых —
 черви да мрак костей.
 Тут — высшие мертвецы,
 там — низшие мервецы.
 Тут — плечи больших чиновников,
 их челюсти и крестцы,
 там — голени почтальона...
 «Джаннетабад» и «Ленетабад».
 Кто делит земное лоно,
 кто в рай сортирует, в ад?
 Кто работает здесь аллахом,
 в страхе держа народ,
 с лютым таким размахом
 ему зашивая рот?
 Кто делит на категории
 загробные территории,
 кладбища, крематории
 и небеса, в которые
 этот мир выдает бумагу
 идущему в мир иной —
 согласно чину и рангу
 чтоб занял свой пост земной?
 Кто ты?.. Кем ты приходишься богу,
 людям, стране, земле,

указующий всем дорогу,
проклиная парня в петле,
что безвинно тобой удушен —
ни за понюх табаку! —
и родственникам доставлен
без права на скорбь,
пока
ты могилы кроншь и судьбы
и тебе подпевают судьи?
Кто ты?.. Есть в твоей зверской сути
человеческая тоска?..

Смешалось все на свете: мед и яд,
земля и небо, пол и потолок, —
ни слова правды
нам слова не говорят,
пускаясь то и дело на подлог.
Все с корнем выдрано: достоинство и честь,
безумствует невежество и злость,
о добродетелях мы можем лишь прочесть
в старинных книгах...
Человек — как в горле кость,
мешает черным беспощадным временам,
перелицовка — десять, двадцать раз на дню,
и пустословье пыль в глаза пускает нам,
поступок дельный пресекая на корню.
Куда ни сунься — все молотят языком
о грандиозности невероятных дел,
но в болтовне, в трухе словесной, целиком —
их главный труд и достижений всех предел.
Исчезла суть, не стоит слово ни гроша,
оно — не ключ к заветной цели, а засов,
за ним прониравшая прячется душа,
слова меняя, словно маски... маски слов.
И что бы ум ни говорил, слова твердят
уму противное, душе — наперерез.

Словесный шабаш! Все дела — пинком под зад!
И дым столбом, и вакханалия словес!
Слова — помада, пудра, грим, румяна, тушь
для подмалевки подлых лиц и подлых душ,
для приукраски грязных замыслов, страстей,
чтоб нелюдь стала образцом для всех людей.
Слова — духи, вставные плечи, парики
(уж безобразье знает толк в таких вещах!).
А этот мир — подобье шахматной доски,
где пешка сбитая тебе объявит «шах!».
И все они взывают к богу, крик в ушах:

«Аллах!» — вопит бегущий в кандалах,
и догоняющий вопит: «Аллах! Аллах!»
Аллах глядит в недоуменье тихом:
«Что от меня им надо, этим психам?
Что на земле родной они творят?
Как мало делают! Как много говорят!»

Тем временем, политики, наглея,
плюют на всех, в глаза пускают пыль
и правят миром все коварней, злее,
держа его за горло, как бутылку.
Они способны черта взять за лапки,
снять мерку и сварганить черту тапки,
скронть, стачать, надеть — одной рукой,
покуда черт визжит в руке другой!
А человек, сокровище вселенной,
как раб унижен,
заточен как пленный
под стражу страха, и в любой момент
ему грозит казнийный инструмент,
суд с виселицей,
и молла с проклятьем,
и запрещенье скорби кровным братьям.

* * *

И рядом братья положили во дворе
тела покойников на утренней заре, —
пора прощаться и намаз¹ произвести,
двоих на разные кладбища отнести.
Они магар² установили поминальный —
шатер для тех, кто в этот час печальный
придет пособолеть родным...
Но пуст магар, ни тени перед ним.
Аги³ суровый услышав приказ,
соседи в страхе прячутся сейчас,
и к бедным братьям не придут на яс⁴
они, прослыть неверными боясь.

Молла молитву произносит над отцом,
затем — проклятья над Селимом-мертвецом...
Тут брату младшему терпеть немоготу:
«Нет, над Селимом сам молитву я прочту!»
Воздел он руки, —
братья, вняв его примеру,
молились, впятеро усилив этим веру!
Внезапно — старший появляется молла
и бедным братьям говорит:
«Ну и дела!..
Один мошенник обманул нас очень,
нас в заблуждение ввел его донос.
Ваш брат Селим безвинно опорочен
и наказание незаслуженно понес.
Мы только что узнали это сами,

мы только что разобрались во всем,
ваш брат безгрешен,
всей душой — в исламе,
за что и будет в рай перенесен...
Произошла ошибка, извините!..
Анафему немедленно отмените!
Чтоб избежать греха, Али хазрет¹
проклятье снял и молится чуть свет,
к вратам аллаха руки простирая,
чтоб ниспослал господь блаженство рая
Селиму, что безвинно был повешен
и, как великомученик, безгрешен.
Меня послал скорей утешить вас
Али хазрет,
а сам творит намаз!
Хвала аллаху, что так быстро это дело
у нас распуталось,
пока Селима тело
не отнесли вы на «Ленетабад».
Гордитесь! Радуйтесь! Вы что?..

Несите смело
вы тело брата на «Джаннетабад»!
Однако, просим, чтоб у вас в квартале
об этом завтра слишком не болтали...
Ну что поделать? С кем ошибок не бывает?..
Понять, простить — как это душу согревает!
Мы в заблуждение были введены —
и вы простить ошибку нам должны.
Ну, пошевеливайтесь, братья! В добрый час
и начинайте заново намаз».

* * *

Как странно вдруг переменялось положение,
с обратным знаком стало все подряд:

¹ Али хазрет — обращение к высшему духовному лицу.

¹ Намаз — молитва, обряд.

² Магар — шатер, где проводятся торжественные и траурные мероприятия.

³ Ага — господин.

⁴ Яс — траур.

проклятье — просьбой сделать одолжение,
непогрешимый — в казни виноват!..
Нажим какой могущественной власти
помог из ада выйти мертвецу
и в рай попасть,

хоть никакого счастья
от этого — ни братьям, ни отцу?
Пускай подлец и жулик, предположим,
моллу провел, опутал, с толку сбил.
А что аллах? Он обманулся тоже?!
Умней аллаха тот мошенник был?
Всевышний разве может быть обманут
и через сутки отменить свой приговор?
А где божественная мудрость?

Уши вянут —
такой от имени аллаха мелют вздор!
О, господа с кровавыми руками,
о, содержатели всех виселиц и плах,
крушите вы несметными полками
народ,
твердя, что «так велел аллах!».
С религиозной маской на затылке —
не только на лице! — вселяя страх,
дрожать вы заставляете поджилки
людей,
твердя, что «так велел аллах!».
Народ ограблен, бьется он, как птаха, —
ни веры, ни надежды, ни любви.
И прямо в пропасть — именем аллаха! —
вы свой народ несчастный привели.

* * *

«Произошла ошибка, извините!..
Глаза наполнились у братьев кипятком.
Колоколами, слезы горькие, звените!

Но в горле каждого застрял рыданий ком.
Всех пятерых как громом поразило!..
Остолбев, молчали. Время шло.
Какая-то чудовищная сила
сковала всех!

Понять не тяжело, —
поверить трудно, что случается такое!..
И разве может эту весть переварить
в одно мгновенье мозг, ее усвоив, —
и не свихнуться?! Нет, не в силах говорить,
молчали братья,
в них пылала ярость!
И сердце съежилось у старшего моллы, —
струхнул он крепко!..
Не глядеть на них стараясь,
как вор, глазами он обшаривал углы.
А братья огненно молчали, неотступно.
Каким словам под силу хлынуть и слизать
пожар отчаянья, когда так пламя крупно
и гнев ни слова не дает сказать?

Что это значит?.. Мы ошиблись, извините...
Ведь человек погиб! Ошиблись — так верните
живьем, с его душой, с его улыбкой.
Непоправимое — нельзя назвать ошибкой!
Ошибка — только то, что поправимо.
Нельзя назвать ошибкой
смерть Селима!
Перед такой ошибкой молкнет речь,
не в силах слово емкое извлечь.
Ошибка — это пребывание живодера
на высшей должности, к примеру, прокурора.
Или когда становится моллой —
тем паче старшим! —
человек бесстыжий, злой.
Ошибка — только то, что поправимо.

Нельзя назвать ошибкой
 смерть Селима!
 «Простите...» — говоришь, моллабаш?¹
 А не мала ль цена за две души?
 Ты извиненья с радостью приносишь:
 в обмен — две жизни безвозмездно просишь,
 моллабаш, твоя цена подла,
 такие не прощаются дела!
 Не муха — человек,
 чтоб где попало
 его ошибками твоими убивало!
 Нельзя назвать ошибкой смерть Селима.
 Ошибка — только то, что поправимо...

* * *

Схватил моллу за глотку младший брат:
 — Ошибка? Наш Селим не виноват?
 У нас прощенья просишь, извиняясь.
 Опять ошибка! Почему — у нас?
 У тех проси, кто в саване, в гробу,
 проси у тех, чью загубил судьбу,
 да не забудь узнать у них ответ:
 они тебя прощают или нет?
 И дарят ли тебе две жизни сразу —
 всего лишь за одну пустую фразу:
 «Простите, мы ошиблись, виноваты...»
 Ты можешь ли вернуть отца и брата?
 И всех, кого отправил в мир иной,
 одну ошибку совершая за одной?
 Живой прощать за мертвого — не вправе,
 так не ищи посредников, молла,
 проси у тех, кого ты обезглавил,
 повесил, проклял!

¹ Моллабаш — глава духовных сановников.

Если бы могла
 пустая фраза «виноват, ошибка»
 невинноубиенных воскресить, —
 но нет, молла, звучит все это хлипко!
 Зачем прощенья ты пришел просить?
 «Ошибка?» — мне не в радость эта новость.
 Я верил в то, что виноват Селим,
 что здесь — идей великая суровость,
 а не доносчик расквитался с ним.
 Не будь «ошибкой» эта гибель брата,
 меня б не так терзала смерть отца:
 обидней всех случайная утрата, —
 ничтожный повод! Брат мой — не овца,
 и больно мне, от муки умирая,
 не понимал, за что страдает он!
 Невинная погибель даровая
 лишь вызывает сожаленья стон...»

* * *

Нет, смерть — не ошибка... Живя до скончания лет,
 все смертные люди на тот отправляются свет.
 Отец бы мой умер, и брат бы мой умер Селим,
 но яростью разве я был бы такою палим?
 Так в чем же ошибка? И где притаилась она?
 Во лжи, — за волною волна, за волною волна, —
 плодящей невинные жертвы насилий и злоб,
 живой справедливости душу вгоняющей в гроб...
 Так младший сказал ему брат.
 А на это молла
 ответил: — Хвала, мои дети, аллаху! Хвала!
 Тут — рок... Не ищите виновных. Тут — воля судьбы.
 Но старший из братьев немедленно встал на дыбы:
 — Не очень-то нам заливай про судьбу и про рок,
 на них свои подлости любите сваливать впрок,
 на них ты и эти две смерти навьючить бы рад!
 Так пусть вам скорее достанется Джаннетабад!

А нам пусть, как было, останется Ленетабад.
 Не вами ли брат мой убит в молодые года?
 Нет, я не позволю его хоронить никогда
 на вами придуманном Джаннетабаде, в раю,
 где водятся те, кто мою погубили семью!
 Тут младший за бороду взял его крепко:
 — Молла,
 а ты не боишься расплаты за ваши дела?
 Бывает ведь всякое... буря нагрянет и гром,
 и вывернет море, и волны поставит ребром,
 и кто его знает, какой там откроется путь,
 когда прояснится, уляжется всякая муть,
 и Ленетабад, о молла, этот нынешний ад,
 быть может, получит название «Шохратабад»¹ —
 приют нашей славы, убитых героев приют.
 Увидя, какие тут молнии гнева снуют,
 от страха затрясся молла, завертел головой,
 чтоб высмотреть путь и умчаться — покуда живой!
 — Куда ты?! — схватил его младший разгневанный брат. —
 Вопрос у меня: ты отправишься в рай или ад?
 Где место твое, отвечай-ка,
 в аду ли, в раю,
 вот если тебя, предположим, сейчас я убью?
 — Да кто я такой? Я — невинный, безропотный раб
 указов, приказов, чужих повелений... я слаб,
 беспомощен, я повинуюсь и только! На мне —
 вины никакой! Человек я — мельчайший в стране,
 я чист и безгрешен...
 — Ах, так! Значит — в рай поскорей!
 Ты разве еще не насытился жизнью своей?
 Гяур² — кто не верит твоим безупречным словам,
 ты — чист и безгрешен, мы верим, поверь же и нам:
 я долгом считаю — тебя, о безгрешный молла,

немедленно в рай проводить за такие дела!
 — Что мелешь ты, парень?
 — Да в этих руках — через миг! —
 шехидом¹ ты станешь, отправишься в рай напрямик.
 Сейчас ты безгрешен, а будешь вдобавок шехид,
 чтоб в муках за веру принять окончательный вид!
 И в центре тебя ожидает местечко в раю.
 Валах², твоему путешествию, я говорю,
 сейчас позавидуют все — и враги, и друзья.
 — Одумайся, парень! Греховная это стезя.
 — Да ты обо мне не заботься! Себя приготовь! —
 и ринулся он на моллу, чтоб отлить его кровь.
 Молла — на коленях,
 истерика, вопли, мольба,
 скулит, причитает, он понял, что дело — труба!
 И братьям истошно кричит:
 — Мусульмане ли вы?
 Ой-вай, почему не спасете моей головы?
 — А разве мой брат мусульманином не был, молла?
 А разве в руках твоих участь его не была?
 А ты пощадил его, зная, что верный мой брат
 с твоими проклятиями должен отправиться в ад?
 Никак раскусить не могу твою подлую суть:
 ты веруешь в рай, но готов от него улизнуть? —
 Он поднял моллу — и об землю его, как мешок,
 мгновение — и нож бы по самый вошел корешок
 в трусливое, лживое сердце...
 Но крепкий обхват —
 и младшего брата спасает решительно брат,
 он — старший, он обнял, он был как стена — за спиной,
 и руку сдержал он, где нож серебрился стальной!
 ...Так младшему старший не дал сотворить этот грех,
 который ужасной трагедией был бы для всех.

¹ Шохратабад — почетная аллея захоронения.

² Гяур — иповерец, не исповедующий мусульманскую веру.

¹ Шехид — умерший за веру.

² Валах — богом клянусь.

ЭПИЛОГ

Что за время сейчас у порога?
Наше время?! Да что ж это с ним?
Почему так мошенников много
и так часто невинных казним?
Кто ты — ложь? Из какой биохимии?
Какова твоя формула сложная?
Времена бывают плохими,
когда истинное и ложное
перемешано, перепутано
хитроумьем и словоблудьем
и факирскою мглой окутано
в цирке жизни,
где тошно людям
видеть фокусников улыбки,
лживых глаз их пустые дырки
и расхлебывать их «ошибки»,
поправимые
только в цирке!
Шахи древние были искренни
в примитивных своих расчетах,
похваляясь и сыпля искрами:
«Я — силен, значит — прав, и все тут!»
Ныне так накалились страсти,
что похлеще прием известен:
«Силы нет у меня и власти,
но зато... я правдив и честен!»
И седлом одарив ослиным,
и навьючив ношу на слабых,
забираются к ним на спины
и для бодрости на ухабах
говорят: «Я — такой хороший!»
Как чертовски тебе повезло!
Да, моя это, братец, ноша,
но зато ведь — твое седло!»

Ложь наряжена в платье истины,
розы — в косах, она — прелестна,
и глазами такими чистыми
она издали смотрит честно —
сущий ангел,
в тебя влюбилась,
ты теперь для нее — единственный,
твое сердце сильно забилося...
Незнакомка с душой таинственной!
Познакомься же с ней скорее —
простодушна, мила, игрива,
этот ангел тебя согреет,
а очнулся — на горле бритва,
дом — не твой, он захвачен ложью,
ты ограблен — да как красиво!
И вдобавок с холуйской дрожью
ты ей скажешь за все «спасибо!»
И уж сам отрицать наймешься:
я не видел того, что видел!
И уж сам подтверждать наймешься:
видел то, чего я не видел!
Лестью, лаской, кнутом и сластью
(без особого напряженья!)
она скормит под видом счастья
все несчастья и униженья.
Ее фокусы, ее трюки
обожает верховный дьявол:
жулик — светочем стал науки,
а мерзавец — суды возглавил!
И она чудеса такие
поднесет тебе — ох ты, боже! —
от которых сердца людские
леденеют — дрожь по коже.
Все факиры и все кудесники
рядом с нею бледны, как немочь,
все там Кио и Вольфы Мессинги —

я клянусь, чепуха и мелочь!
И посмей не поверить — ужас! —
должен верить — иначе виселица.
Ну, хоть сделай вид, поднатужась,
будто веришь!

Иначе выселиться
предстоит в места отдаленные —
от дома (порой — от тела!).
И не делай глаза удивленные —
делай вид, что поверил! Делай!..

Что за время сейчас у порога?
Наше время?! Да что ж это с ним?
На глазах честного народа
ни за что — повешен Селим!..
Почему так мошенников много
и так часто невинных казним?
Перемешано все, перепутано
хитроумьем и словоблудьем,
изолгавшейся мглой окутано
в цирке жизни,
где тошно людям
видеть фокусы лжи, улыбки,
ее глаз огнестрельные дырки,
извиняя ее «ошибки»,
поправимые
только в цирке!

* * *

Найдет ли хоть одну живую душу,
когда случайно в космосе на кнопку...
и выбьет человечество, как пробку,
и этим все окончатся дела, —
хоть залезай в свинцовую коробку,
а тайна жизни выгорит дотла.

Найдет ли хоть одну живую душу,
чтоб как молла сказать ей:

— Ну, дела!

Один мошенник обманул нас очень.

Произошла ошибка, извините...

Что делать? С кем ошибок не бывает?

Хвала аллаху, что так быстро это дело
распуталось...

Ошибка, извините, произошла...

Гордитесь! Радуйтесь! Вы что?..

Найдет ли хоть одну живую душу,
чтоб у нее вымалливать прощенья —
не за «ошибку», а за грех великий,
за то, что Землю
превратил — он лично! — в прах.
Не допусти до этого, аллах!

Очеловечь!

Дай сил для очищенья!

МАРЗИЯ

ПРОЛОГ

О дочери чести и мужества песня моя.
Блеснула при вести о смерти твоей, Марзия,
надежда, не скрою: а вдруг?..

Но кричит воронье.
И вписано кровью в Историю имя твое.
Ты пала в борьбе. Над тобою — бессмертия сень.
Отныне тебе, до скончания веков, двадцать семь...
А к бесповоротным решениям, к венцу своему
ты шла по бессчетным ступеням «зачем», «почему»,
из поиска в поиск бросалась, вслепую почти, —
из поезда в поезд, меняя платформы, пути...
Вопросы рождались, томили, мшали дышать,
вопросы нуждались в решение.

Кому же решать?
Уныло зудела, тебя умиряя, семья:
«Не женское дело — вопросы решать, Марзия!..»
Свободная воля и совесть, согласная с ней,
решила — и доля народная стала твоей.
В твоём гороскопе безоблачных дней не найти.
Твой жребий — все скорби печального мира нести.
Кому-то — жиреть, да и попусту небо коптить.
Твой жребий — гореть
и, сегодня, во мраке светить.
Те, будут творить беззаконья: добро их — во зле.
Твой жребий — творить мир, которого нет на земле.
Творенью грядущего, где справедливость царит,

где единодушие на площадях говорит,
где свергнуто иго очнувшимися ото сна, —
до смертного мига

вся жизнь твоя посвящена.
Твой ум, развиваясь, себя отрицал самого,
взрываясь — взрывал все, что было тюрьмою его.
Ты к бесповоротным решениям, к венцу своему
идешь по бессчетным ступеням

«зачем»,

«почему».

«Нет в разуме блага — коль склонен он ждать и терпеть,
Любовь и отвага — вот разум идущих на смерть!»
«Достоинство, честь — этим силам одним по плечу
задача: возвесть мир, который увидеть хочу,
где ум возвращает к достоинству властная честь,
где честь запрещает уму и лукавство, и лесть.
Честь — это присяга бесчестию смерть предпочесть,
любовь и отвага — на них опирается честь.
Достоинство, честь — если эти святыни в сердцах
у воинства есть — поднимайте восстания флаг!..»

ГЛАВА I

В чем истина? Если она в справедливости — где
искать справедливость?

Она на земле? На звезде?
И что — она? Чувство?

А может, великая мысль?
Возможно. Искусство приблизилось к ней, но — не жизнь.
Исследуем сказки и мифы народов земных —
возможно, без маски нам явится истина в них.
Представим картину:

сады у иссохшей реки
мертвы; паутину густую сплели пауки;
и нету в арыках воды.

Смерч промчался — а вслед

в железных чарыках¹ идет по дороге скелет.
И это — не мистика, путник в стальных башмаках
все ищет, где истина — да заблудился в веках.
Стальной его посох истерся за сотни веков,
и дырки в подошвах железных его башмаков.
Где — истина? Что — она? Есть ли в природе?

Да, есть,

но, вот, заколдована и замурована здесь,
в скале — только гору-то ни продолбить, ни взорвать...
«Но в самую пору нам истину расколдовать!» —
так скажет Сахенд².

Скажет: «Рвущийся за озем,
там — истины нет, ибо истина — в сердце твоём!»
Лукавое зелье иллюзий!

Народ, протрезвев,
с могуществом селя обрушит бушующий гнев,
низвергнет монарха, лишит золотого венца,
и панцири страха, очнувшись, взломают сердца.
Ведь истина в том, что опившийся кровью злодеев
в венце золотом

не считает людей за людей.

Ведь истина в том, что от имени истины ложь
твердит о святом, хоть его и не ставит ни в грош.
Ведь истина в том, что с нас кожу сдирали — с живых,
что пламя винтом — против шахских хором кружевных —
вонзалось в вечернюю высь пред безмолвной толпой
и с воплем

дочернюю жизнь уносило с собой.

Да, истина в том, что от истины наши уста,
порой — под кнутом, а порой — лишь при виде кнута,
увы, отрекались не раз и не два.

И опять

потемки смыкались. И снова пускались искать

¹ Крестьянская обувь из сыромятной кожи. В поисках мечты герои сказок стаптывают даже железные чарыки.

² Поэт из Иранского Азербайджана.

подвижники истину: посох железный в руке
чарыки железные... Истина — вновь вдалеке.
И страннику в спину глядит, как и прежде, народ
с надеждой наивной, что истину странник найдет.
Но истина — та, что скрывается в недрах земли, —
она вырывается из дневника Марзии.

*12 Фарвардина 1348 года, Шамси
(22 марта 1969 года)*

«Я мыслю — и значит, я существую. Во мне
ликует и плачет вся жизнь. И в почной тишине
меня согревает сознание, что мысль — это свет
и в нем созревает, чему еще имени нет;
что мысль — это крылья: в духовных высотах опять
парю без усилия — бескрылым меня не понять...
Родимые доли! Последнее слово — за мной.
Загробные догмы разрушу во имя земной
и всечеловеческой истины: люди равны
пред мигмом и вечностью!
Люди очнуться должны.
Где истина? Где? Только дела до истины нет
чудовищу — две с половиною тысячи лет
тебе, о империя, — столько же царствует страх, —
ты — анахронизм, плоский блин на ките и слонах!
Туман напускаешь, чтоб к страху в тумане взывать,
и смертью пугаешь, хотя двум смертям не бывать.
Но будь сто смертей — я сто жизней с восторгом отдаю
за счастье детей в светлом мире грядущего, там...»

* * *

В село Ускю приехала она,
где, вопреки запутанной и сложной
патриархальной жизни безнадежной,
душа ее надеждами полна.
Добро и зло — голубка и змея.
Владея метафорикою древней,

началам дуализма бытия
детей крестьянских учит — у деревни
берет уроки жизни Марзия.
У жизни — жизни учится, у сердца —
сердечности. И некий голос в ней
велит терпеть, искать единоверца
и веру укреплять в душе своей...

*23 Ордибехшт, 1348 г., Шамси
(1969 г.)*

«Ничтожна я в сравнение с тем, чего
моя надежда жаждет. В жажде чуда
подставила, прислушиваясь чутко,
лучам луны горячее чело.
Сплошь в предрассудках одеревенелых,
как бы в коросте страшной, души тех,
в ком уповаю я игитов смелых
увидеть завтра. Верю ли в успех?
Оружие мое — перо. Бумага —
плацдарм. Сейчас в терпении отвага.
Хватило бы терпения. Судьба
из года в год, как бы в остервененье,
испытывает на долготерпенье
тех, кто мечтают разбудить раба...
...Бушует шквал. Затмили тучи высь.
А вдруг сломает буря плодоножку —
и плод надежды рухнет на дорожку,
так и не вызрев?..
Верь! Терпи! Крепись!..»
Бессонная бушующая мысль
в душе рождает пламенные чувства,
а их язык — уже язык Искусства.
Стихи на помощь разуму рвались
из сердца — и душа ее в стихах
то в темноте кричит пичугой малой,
то вспыхивает с силой небывалой,

зарницы порождая в облаках:
«Душа поступка жаждет. Болтовня
сбивает с толку, голову морочит...
Судьба, чтобы очнуться, жертвы хочет?
Кровавой жертвы? Пусть возьмет меня!..»
Селенье спит. В окне свеча горит.
И, для слепцов глухих незрим, бесшумен,
в ее душе свет времени бушует,
ее устами время говорит.
И видит с изумлением она,
как злободневны — чуть ли не во вкусе
сюрреалистов — монстры Фирдоуси¹,
переменились только имена:
«Но пафос «Шахнаме» неистребим,
духовный свет не примирился с мраком.
Кузнец Кавэ под именем другим
народ возглавит, вступит в бой с Зоххаком!
Вот он сидит на троне — шах Зоххак,
из плеч его — растут все те же змен,
вкруг трона — те же самые пигмеи
в мундирах златотканых и в чалмах.
На них — цивилизованности лоск,
но в глубине души сатрапы рады
благодарить творца за то, что гады,
растущие из шахских плеч,
жрут мозг,
и мозг не чей-то — юношей: они
должны быть и прекрасны и отважны
и, наконец, талантливы, что важно
особенно! И это — в наши дни!

¹ Великий иранский поэт XI века, автор «Шахнаме». Персонаж «Шахнаме» Кавэ-кузнец, вожь восставшего народа. Зоххак-шах, из плеч которого выросли две змен, питающиеся человеческим мозгом, причем обязательно молодых людей. Зоххак — символ злобы, знает, что только разум может свергнуть зло и несправедливость.

А что Зохлаку делать? Если мозг, способный смело, склонный ясно мыслить, не обезвредить — и не перечислить последствий.

Потому-то, чтоб чертог тирана и чертог его патрона — небесного тирана от урона, которым разум вечно им грозит, избавить, хоть на время, чтоб отсрочить обвал, что над монархией висит, чтобы безмозглым головы морочить, жрут змеи мозг...

Вот надевает фрак шах нынешний. И все же он — Зохлак! Двух змей я вижу за его спиной, они готовы взяться за работу... Сын лжи и страха, бич страны родной, Зохлак, Зохлак — какой уже по счету? Вкруг трона пожирателя мозгов бурлит толпа льстецов и проходимцев. Бесплодный сроду — он плодит рабов, плодит клятвопреступников, мздомцев!..

Пока дыхание мое не прекратится, пока сознание мое не превратится в ничто — ибо утратит с сердцем связь, — в темнице даже, я клянусь трудиться, чтобы мечта души моей сбылась, чтоб явью стало, что на свет родиться был смысл, что жизнь, представьте, удалась и можно с ней без горечи проститься...»

Звонят из Тегерана. И Тебриз начальство информирует, что в школе она преподает, в Ускю. А из столицы вкрадчиво звучит: «Доколе девчонка будет воду там мутить? Не срок ли ей язык укоротить?» Согласно директиве Тегерана, Тебриз провел расследование. Вот какие результаты: «Очень странно предмет свой Марзия преподает. Дух левизны, дух университета еще в ней бродит. Мы убеждены, что с возрастом болезнь проходит эта», — так отвечают местные чины. Ложь утвердилась на престоле правды, и, чем к престолу ближе, тем важнее для приближенных, рады или не рады, то говорить и так, как нужно ей. Ложь — правда. И Зохлак — отец народа. В империи, где места нет уму, для блага подданных из обихода изъяты все «зачем» и «почему». Не удовлетворяет Тегеран ответ Тебриза слишком либеральный. «Проверьте, может, случай аморальный стоит за тем, что к вашим берегам девчонку после университета прибило?» —

«Нет, не подтвердилось это».

«Ах, так? Не подтвердилось? А у нас есть сведения, что она листовки печатала. С призывом к забастовке публично выступала — и не раз!..»

Не зря, не зря волнуется САВАК¹,
не зря, не зря взъярились псы Зохлака,
не зря, не зря своих сыскных собак
шлет в глушь, в Ускю, верховная собака...
В Тебризе паника, скандал: «Сойти с ума!
На вид — такая хрупкая тихоня,
а за спиной у скромницы — тюрьма!..»
...Все ближе лай. Приблизилась погоня!..
«Из поля зрения упустили мы
ее, а ей — не впрок урок тюрьмы.
Казалось нам, она за ум взялась,
учительствовать стала...» —

«Бунтовщица,
как выяснилось, только затанцовать
решила». —

«А куда смотрела власть
на месте, доверяя ей трибуну,
хоть бы и в школе?» —

«Отрицать не буду,
что дали маху», — отвечает чин
охранки местной. Множество причин
приводит в оправдание.

«Зло — пресечь!» —
звучит приказ...

А наша героиня,
пока идет вся эта говорильня,
преподает в Ускю родную речь.
А речь — река. Как валуны в реке,
гремят слова о мужестве гражданском:
не на фарси — а на азербайджанском,
отцовском, материнском языке.
Однако далеко не пустяки
для деятелей в ведомстве тебризском.

¹ Тайная шахская полиция.

что на отцовском, что на материнском,
на языке родном звучат стихи:

«Серая коза,
желтые глаза,
в горы не ходи —
ты возьми в толк,
ты возьми в толк,
что в горах волк!
Серая коза,
желтые глаза,
скажем, ты — к кустам,
ну, а волк — там?»¹

Тут Марзия смолкает. На детей
глядит и спрашивает: «Ну, а если вправду
такой козе, с которой нету сладу,
волк встретится в горах — что делать ей?»
Все замерли. И тут звучит ответ,
которого в оригинале нет:
«Я смело брошусь
на врага
и в грудь ему
воткну рога!»²

И дети аплодируют козе,
они бы поступили так же точно...
Такое знание в души входит прочно,
такой урок усваивают все...
«Страх — это дьявол. Он увечит души,
лишает изувеченных судьбы:
они, благополучные снаружи,
внутри — увечные, ибо в душе — рабы.
Им чужды и достоинство, и гордость,
неведомы отвага и мечта.

¹ Эти стихи знают все азербайджанские дети.

² А эти 4 строки — добавление Марзии, призывают детей к борьбе.

От двух рабов — рождается покорность,
а от нее — позор и нищета.
Глаза раба — взгляните в них — пусты.
И можно ли назвать народ народом,
коль стал он рабства своего оплотом,
творцом своей духовной нищеты?
Рабы — а все себя народом числим,
но тот, кто может мыслить, сознает,
что в сущности как нация немислим
без чести и достоинства народ.
А чести и достоинства — их нет
и быть не может вне свободы. То есть,
велит нам разум и велит нам совесть
добыть свободу, ведь свобода — свет,
питающий ростки духовной нивы.
Свобода — паспорт, гражданин лишь тот,
кто сам свободен, чей народ живет
в стране свободной. Если же ленивы,
трусливы люди, сколько их ни есть, —
народом называться недостойны,
коль не вернут достоинство и честь,
не обретут свободу...»

Да, устон
она расшатывает. Взять любую фразу —
крамола! И, насытиться спеша,
ее уроки впитывает сразу,
как влагу — почва,
детская душа.
Во имя них рискует Марзия.
Когда за нею повторяют дети:
«Отечество — религия моя!» —
то счастлива она в минуты эти.
Во имя них рискует Марзия.
И, чтобы укрепить свой дух бойцовский,
так пишет: «Материнский и отцовский
родной язык — и есть душа моя!»

Порою дух веселого азарта
сквозит в ее записках в эти дни:
«Сквозь тьму увидев солнечное завтра,
воспламенясь — детей воспламени!»
У шаха за спиной змее змея
шипит: «Гляди, что пишет: «Прочь вериги
религии! Не признаю религий,
отечество — религия моя!»

«Я чувствую уже, что плодотворна
была моя работа в школе. Зерна,
посеянные мною, прорастут.
Тот, кто сидел за партой, встав у горна,
меч выкует. И пусть меня убьют,
пусть стану прахом и добычей ворона, —
я не умру. Мечты, что в души тут
я заронила — будут жить упорно.

В долине, где сжигает почву зной,
здесь будут, превратясь в массив лесной,
шуметь стихи, написанные мной...
Зоххак свиреп. И пуля так проворна... »

...Директор школы вызвал Марзию,
сказал: «Серьезность факта, что телега
аж в Тегеран теперь пошла, коллега,
ты осознаешь, надеюсь?» —

«Сознаю». —

«А осознаешь, что ты была слепой?» —
«Прости, как называется, не помню,
предмет, который я преподаю?» —
«Родная речь. А что?» —

«Родная речь!»

Скажи, какая речь для нас — родная?» —
«Вот! Выходка твоя очередная!

Сейчас придут — хоть им ты не перечь!» —
 «Но речь о том, что я Родную Речь
 преподаю — ведь делается это
 в индийских резервациях и в гетто!» —
 «Прости, хотел тебя предостеречь». —
 «Простить? О нет! Таким, как ты, прощенья
 нет и не будет. Нива просвещения
 страны родной — моей, а не твоей —
 отвергнет то, что вовсе чуждо ей!» —
 «Все — на фарси в империи. На кой
 родной язык, когда в нем пользы нету?» —
 «От чести тоже пользы никакой
 в империи. Но это — по секрету». —
 «Твой интеллект не ведает оков?
 Доступен ли такому интеллекту
 тот факт, что накатали-то телегу
 родители твоих учеников?» —
 «А у меня на них нет зла, представь!
 Несчастные с промытыми мозгами
 под страхами всю жизнь изнемогали,
 и к этому невежество прибавь.
 Откуда знать, что хорошо, что худо,
 таким?»

И тут вмешался в разговор
 мужчина — вдруг, неведомо откуда
 явившийся, молчавший до сих пор:
 «Ты кто такая, чтоб добро и зло
 определять, чтоб их менять местами?
 Твоими, дерзкая, лукавыми устами
 лукавый говорит. Мне повезло
 послушать — разумеется, случайно, —
 как ты ораторствуешь. Да, смущать умы
 ты можешь, как я понял. И печально,
 что слишком поздно спохватились мы.
 Я сам отец. И я один из тех,
 кто подписали...» —

«Тот донос?» —

«Не надо,
 не надо саркастического яда!
 С тобой мы не согласны — это грех?» —
 «А как родной язык?» —

«Понадобится он —
 тогда и выучу». —

«Ты что — хамелеон?»

А тот и впрямь в лице переменялся,
 вспотел от злости, пятнами покрылся,
 сказал: «Мне басня вспомнилась одна
 про то, как моська лает на слона!» —
 «А мне — про то, как слон дрожит от страха
 и моськой себе мнится!» —

и звучит,
 как оплеуха звонкая с размаха,
 насмешливая фраза...

Отстучит

внезапный собеседник Марзин
 сегодня телеграмму. Обнаружит
 изрядный слог. И выводы свои
 в САВАК представит, где он тайно служил...
 ...А утром — ей расчет, с лишением права
 преподавать, вручат...

А ввечеру

придет директор, скажет: «Почему
 полезла в петлю ты? Подумай здраво,
 чего добила? Я теперь — мучитель
 невольный твой. Мне горько, Марзия.
 Ведь ты же божьей милостью учитель.
 И мне близка, поверь, мечта твоя.
 И горько мне, что ты от нас ушла.
 Мне радостно, что слышится в округе
 родная речь — и тем твои заслуги
 подтверждены, ты это знать должна.

Но я скрываю даже от супруги,
что мой родной язык — моя душа.
В душе звучат стихи родных поэм,
за Кёроглу неистовые скачут...
Ну, чем тебя утешить? Разве, тем,
что снявши голову по волосам не плачут?» —
«Что делать посоветуешь?» —

«Смирись!» —

«Смиренье — трусость!» —

«Иногда смирение —

единственная мудрость. Согласись,
что муравей, будь он хоть льва смелее,
все под стопой идущего слона
погибнет — слон и не подозревает,
что раздавил его; и, что смела
была душа букашки, не узнает.
Слон — государство. Есть у государства
САВАК — его цепной дракон. Ему
что стоит укротить твоё бунтарство?
Пошли на плаху, брошены в тюрьму
десятки, сотни тысяч!» —

«Песню эту

слыхала я — да только веры нету
ни у меня, ни у моих друзей,
представь, во всемогущество дракона
на страже незаконного закона!
Из грустного всего — всего грустней
то, что глаза у страха велики.
Враги сильны. Но более — ловки.
Мой робкий друг, хотя бы то пойми,
что шах и шайка — действуют обманом,
что великан, простершийся в пыли,
и карлу видит грозным великаном.
Пойми, мы верим лживым их словам —
и потому покорны и убоги.
С чего б и не ходить по головам,

когда кладем мы головы под ноги?
Клянусь тебе, они боятся нас
и сознают умишками своими,
что, лишь с колен поднимемся — тотчас
предстанем великанами пред ними!» —
«Поверь, тобой придуманный народ,
что чудится тебе возвышенным страдальцем,
коль поведут тебя на казнь — и пальцем,
чтобы тебя спасти, не шевельнет!
Сгоришь, как факел — только проку нету
в том, что сгоришь. Что высветишь, горя?
Глаза пустые! И поймешь, что зря
себя сгубила!» —

«Знаю песню эту,

но ни на грош не верю ей.

С бедой

своей — одна пребуду, умирая,
и уж поверь, что факелом сгорая
не крикну я: полей меня водой!..»

Из тетради воспоминаний

14 мехр, 1350, Шамси (1971 г., 21 сентября)

«Играть на музыкальном инструменте» —
вмещает эту фразу слово «чал»,
лишь слово сказано — вот что уразумейте, —
и тут же мир беззвучный
завзвучал!

Потрясена души моей основа,
все существо мое потрясено
тем, как грозна взрывная сила слова,
что полнотой своей строке равно.
И вижу я, как, со времен санскрита,
сквозь мелкие ячейки дней, века,
как если бы бесчисленные сита,
просеивают зерна языка.

Коркуда¹ вижу — вижу, как упорно
он собирает, словно в некий ларь,
стоletьями просеянные зерна
слов, что родными станут мне,
в словарь.
Вот он — словарь. Вот клад священный, мне
завещанный моим родным народом.
Мать — матерью зову.

Мед — называю медом.

И солнце, звезды — вижу в вышине.
Учила языки. Объем труда
был соразмерен сложности задачи...
Но «мать», «отец», «отечество» — иначе
звучать в душе не будут никогда.
Не только внешний вид — лицо народа.
И сознают враги наверняка:
язык — его духовная природа,
и есть свое лицо у языка.
Немыслимо — хоть бы чему в угод —
народу целому, что не вчера возник,
переменив язык, переменить природу
и поменять лицо, переменив язык.
И не могу представить, хоть убей,
такой беды — скорее, с небосклона
закаркает, как ворон, воробей,
и звонко зачирикает ворона.
И так переменяется природа
тех, для кого чужой язык. — родной,
что им, чужим для своего народа,
уже не нужно участи иной.
Дом огчий разрушается? Пусть сгинет!
Зачах огонь в тендире? Ну, зачах...
Хлеб материнский он на землю кинет,
бездумно плюнет в дедовский очаг...

¹ По легенде Коркуд — создатель азербайджанского языка.

Но, если даже злобный рок настиг
народ — он и тогда не канет в Лету:
однажды соберет родной язык
своих детей, раскиданных по свету.
Чужая речь звучит в горах родных,
и я — как на чужбине...

Помню, было
в Европе: зазвучал родной язык —
и родиной почудилась чужбина.
А нынче — что? Как в лютый зной испить
из родника воды — услышать песню
на языке родном! Вдруг не успею
нить языка — минувшее с грядущим
в душе соединяющую нить,
оборванную в думах равнодушных
рукой враждебной, — вновь соединить?
Но мы должны, хоть бы когда-нибудь,
ценой ли жертв, по щучьему ль велению,
восстановить от сердца к сердцу путь
и путь от поколения к поколению!..
...Луна взошла. Внизу — объятый сном
Ускю. Кричу — и эхо громовое
звучит в ответ, как если бы былое
окликнуло меня на языке родном...
Родная речь! Пусть сполохи твои
в раскатах грома над родной страной
огнем блестя на сабле Хатаи¹,
в газелях Физули звучат струною.
И пусть народ мой духом нищ, пусть гол,
пусть голодая — он сохранял веками
родную речь: любой ее глагол
как бы отточен на точильном камне.
Звучи же, приспособленная чудно

¹ Псевдоним шаха Исмаила I, сделавшего азербайджанский язык государственным.

для гнева и хвалы,
родная речь.
Из недр веков точившаяся трудно,
как влага — из скалы,
родная речь.
Звучи, стань песней — и поведай свету,
что мы начнем с азов,
родная речь,
что все ж ты есть — хотя тебя и нету,
по мненью шахских псов, —
родная речь.

С тех пор, как ты по воле сил жестоких
утратила права, родная речь,
все ж, чистоту, возникшую в истоках,
сберегши, ты жива, родная речь.

Когда сжигали книги — ты звучала,
заткнули рты — ты, хоть и замолчала,
но пробивалась, чтоб начать сначала,
как сквозь бетон — трава, родная речь.

Народу, что ничтожна ты, внушалось,
тобою знать продажная гнушалась,
но ты на пир изменников являлась,
как черная вдова, родная речь.

Ты с Хатаи делила трон державный,
и слушали твой голос полноправный
и друг, и тайный враг, и недруг явный,
шла о тебе молва, родная речь.

Что ты — душа поэтов знаменитых,
свет их сердец, другим сердцам открытых,
что весело — в пирах, что грозно — в битвах
звучат твои слова, родная речь.

Родная речь, не вечен век злодея,
твой владенья — не его владенья.
Жди — ждать педолго — часа возрожденья
и часа торжества,
родная речь!..»

ГЛАВА III

Туманы дымятся...

И тайно в безлунную ночь
собрались двенадцать. Не воду ли в ступе толочь?
Но в спальне Зоухака змее прошипела змея:
«Хасан, Санджари, Новрузи, Намези, Марзния
всю ночь до рассвета решают, как трон сокрушить,
а это нас может излюбленной пищи лишить!..»

Нельзя больше медлить, ждать чуда, запрятавшись в шель.
Сошлись.

чтоб наметить ближайшую, главную цель,
и точку, где боли народа сошлись, осветить,
и знамени воли

решительно жизнь посвятить.
Восстание — цель.

И тогда говорит Марзния:

«Горит не у них, а у нас под ногами земля.
Жестоки обиды. Но страх замыкает уста.
И правду от кривды один отличает из ста.
Сомнения нету: беднейшие прежде иных
поверят поэту, что истина — в сердце у них.
Терпение — ложь. Эту ложь сокрушить мы хотим.
Но чем же проймешь тех, кто живы терпеньем одним?
Мечта о свободе — лишь хмель и проходит, как хмель,
но если свобода — нужда, тут восстание — цель!»

«Восстание — цель, — соглашается с ней Намези, — но путь к ней, ох, долог!

Учла ли ты этой стези
опасность и сложность, а также возможность потерь?
Нужна осторожность,
нужна осторожность, поверь!
Да, действовать нужно — но действовать нужно с умом».
«Речь этого мужа о нем рассказала самом!»
«Неверного шага довольно, чтоб головы с плеч!»
«Отвага, отвага — о ней и была моя речь!»
Отвагой горячий Ровшан, сын Алы, возгорел.
Отец его зрячий был слеп, но однажды прозрел.
Прозревши, сказал, что увидел он. Хан поступил
как хан: приказал, чтоб палач старика ослепил.
Сквозь отчую мглу глянув взором души, паренек
себя Кёроглу¹, или Сыном Слепого, нарек...
Нет в разуме блага, коль склонен он ждать и терпеть,
любовь и отвага — вот разум идущих на смерть.
Отвагой, любовью — созревший становится гнев.
И к Сыну Слепого отважный приходит, прозрев.
От разума страха избавиться — значит, прозреть.
Любовь и отвага — вот разум идущих на смерть.
По белому свету не мало бы умных нашлось,
кто держат по ветру собачий чувствительный нос.
И нужно учесть, что противники наши умны,
но совесть и честь и достоинство им не нужны,
их разум — деляга, они не способны краснеть...
Любовь и отвага — вот разум идущих на смерть.
Достоинство, честь — если эти святыни в сердцах
у воинства есть — поднимайте восстания флаг.
Достоинство, честь — этим силам одним по плечу:
задача: возвесть мир, который увидеть хочу,
где ум возвращает к достоинству властная честь,
где честь запрещает уму и лукавство и лезть.

¹ Народный герой XVII века Кёроглу — букв. «сын слепого».

Честь — это присяга бесчестию смерть предпочесть,
любовь и отвага — на них опирается честь.
Подавшихся к Сыну Слепого

отнюдь не мечеть
спасала от сглаза любого — спасала их честь.
Насвистывали, улыбались — хоть стрелы свистят...
Ненстовыми назывались они, говорят.
Победа Хамзе¹ осторожному не суждена.
Когда невозможна — тогда и возможна она.
По этому поводу вот что народ говорит:
«Холодную голову молния не озарит!»
И ближе к искомому неосторожный смельчак,
хоть буйную голову не уберег на плечах...

Пьянящий, как брага, бушующий воздух весны,
любовь и отвага — вот разум народной войны.

От слова — к поступку. Сторонников дел — не речей
узнаем по стуку сердец и по блеску очей!»

И единодушно друзья согласились с тобой,
что нужно, что нужно готовить решительный бой!

Любовь и отвага — вот разум ненстовых душ.
На царство Зоухака гнев тысячелетний обрушь,
прозревший,

и к воинству Сына Слепого примкни,
и честь и достоинство погранным душам верни!
Ты принял в наследство

Зоухаком истерзанный край.
Восстание — средство.

А цель — возрождение, знай.
Восстание — сель. Если дрогнул в душе — откажись.

¹ Персонаж эпоса «Кёроглу», хитрец, ловкач.

Великая цель

в жертву может потребовать жизнь.

Но смерти и нету — пока существует народ —
для тех, кто на эту великую жертву идет...

ГЛАВА IV

Пылают партизанские костры
в горах — и захлестнули волны страха
и ненависти лютой двор Зохлака.
И мылят петли, точат топоры
в подвалах мастера заплочных дел..
А Марзия усилья прилагала,
чтоб в Тегеран пробраться нелегально,
что удалось ей...

Тегеран гудел.
Была опубликована «Волна» —
стихотворенье гневное, в котором
Зохлакову монархию она
средневековым назвала позором.
Народный гнев и впрямь волной вскипал.
Возглавленные партией отряды
окопы роют, строят баррикады.
Вот-вот уже восстанья алый вал
и черный вал реакции
схлестнутся.
Народ проснулся — и ему проснуться
ты помогла. Твой голос взволновал
людские души.

Выяснилось: есть,
под спудом страха, гнетом суеверия,
то, что старалась истребить империя
в глубинах душ — достоинство и честь!
И этому причиной ты была.

Я думаю, в стихи твои вникая:
откуда силу духа ты брала,
такая женственная,
хрупкая такая?

Помолвка, свадьба, брачная постель
и счастье материнства — отказалась
ты от судьбы такой. Ты оказалась
в тюрьме, где осознать тебе осталось:
«Восстанье — средство. Возрождение — цель!»
Осталось написать «Волну» — тогда,
воистину, как шум морской, волнуя,
устаи, что не знали поцелуя,
заговорит народная беда...

...Всегда в местах, где атакует враг,
видна твоя прожженная ветровка.
И не младенец нежный — а вшитовка,
смерть извергающая,
у тебя в руках.

Твой маникюр — обломанные ногти,
пороховая гарь — твой макпаяж,
не птицы свищут — пули на излете,
друзья убиты, пуст твой патронташ...
Вот пуля,
выпущенная в другом бою, —
в ней злоба раскаленная тирана, —
пронзает грудь и сердце Саттархана!
И эта пуля
грудь пробьет твою!..

Пробила.
Это смерть — не забытье.
И кровь,
пылающая отвагой и любовью,

¹ Саттархан — вожь восстания (1907 — 1911 гг.) в Иранском Азербайджане против шахской тираннии.

смешается — сбежав с груди ее,
 мужской рукой не тронутой, —
 с землею...
 Она мертва.
 Она — бессмертна впредь,
 хотя в крови потоплено восстание...
 Бессмертие еще грустней, чем смерть,
 как вечное о ней напоминание...

Так кровь ее,
 а с ней — ее любовь,
 вернулась в землю, где ее истоки...
 Но эту кровь
 мы видим вновь и вновь,
 когда алеет небо на востоке...

Пока хоть бы в одной душе жива
 отчизна и пока звучат слова

на языке родном пред палачами,
 закатывающими рукава, —

сияет нам надежда — как лучами,
 сквозь дым, просвеченная синева...

Вокруг — земля, где кровь лилась ручьями,
 откуда же зеленая трава?..

СОДЕРЖАНИЕ

Ч. Айтматов. «...Цель моя, моя дорога, мой еще не выстроенный дом...»	5
---	---

СТИХИ

Переводы А. Кушнера

Размышления о смерти	10
Задавайте вопросы	11
Причина моей радости и печали	11
Осуждение	12
Один день	13
Семнадцатое декабря	14
«Как часто были для меня...»	15
«Узором из пустых словес твой день расшит...»	16
Дочери	17
Моя тетушка	20
Часы на надгробном камне	21
Хорошо, что не знаем	22
Лицо — изнанка	23
Земля, ты кружишься...	24
Крик — шепот	24
Уснути мне позволь	25
Месть	27
«Как тень, за тобой мои мысли по следу бегут...»	27
«Коль не было б лжи, то и правде цены...»	27
Надежда	27

Переводы Р. Казаковой

Опасный сон	28
Дай мне страданий	29
Снадобье	31
«Стремясь к тебе, вознесся в небеса я...»	32
«Эй, женщина! Откуда в тебе столько...»	32
Метаморфозы	247

<i>Переводы Ю. Мориц</i>	
«Я—деревя близнец, мой ствол увенчан кроной...»	33
«В дрожь бросает суета...»	34
<i>Перевод М. Синельникова</i>	
Говорят предметы	36
<i>Переводы Вл. Трофименко</i>	
Время	37
Разуметь — не разуметь	38
Узнаем	39
«Думал в юности, что задарма получу...»	40
<i>Переводы Л. Яковлева</i>	
Какие медали?	41
В тени горы	42
Ответ	44
Не является разве?	48
«Поэт, не трать бумагу, если чистых...»	49
Куда идет?	49
Смерть	50
ПЬЕСА	
Стенание (перевод Вл. Кафарова)	52
ПОЭМЫ	
Достинство (перевод Р. Казаковой и Вл. Кафарова)	168
Извините, ошибка! (перевод Ю. Мориц)	197
Марзия (перевод Вл. Трофименко)	222

Вахабзаде Бахтияр Махмуд оглу

ЛƏJAJƏT

(ше'рләр, пјес ва поемалар)

Бақы • Жазычы • 1988

Художник А. Алекперов

Художественный редактор А. Алекперов

Технический редактор В. Севоян

Корректор Т. Кязимова

ИБ № 3057

Слано в набор 4.06. 1988 г. Подписано к печати 1.11. 1988 г. ФГ 04119. Формат
бумаги 70×108¹/₂. Бумага № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 4 000. Заказ № 414.

Цена 1 руб. 50 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства,

полиграфии и книжной торговли.

Типография им. 26 бакинских комиссаров.

370005, Баку, ул. Али Байрамова, 3.

Издательство «Язычы». 370005, Баку, площадь Натаван, 1.

